

К/8342

**Западный
империализм
и Прибалтика**

74)
02

Возвратите книгу не позже
сбозначенного здесь срока

11569/11 28/11/71				
4034	9/11/70			
11011	28/11/71			

Pēteris Stučka
Latvijas Valsts universitāte

**Латвийский государственный
университет им. Петра Стучки**

Latvijas PSR Augstākās un vidējās speciālās
izglītības ministrija
Ar Darba Sarkanā Karoga ordeni apbalvotā
Pēteru Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Jauno un jaunāko laiku vēstures katedra

RIETUMU IMPERIĀLISMS
UN BALTIJA

ZINĀTNISKO RAKSTU KRĀJUMS

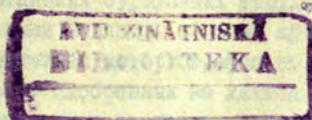
P. Stučkas Latvijas Valsts universitāte
Rīga 1986

Министерство высшего и среднего специального
образования Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки
Кафедра новой и новейшей истории

ЗАПАДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
И ПРИБАЛТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

LUB

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1986

М/1810

11

УДК 940.532+947.40 "19"

Западный империализм и Прибалтика: Сборник научных трудов / Под ред. А.Я.Варславана. - Рига: ЛГУ им.П.Стучки, 1986. - 128 с.

В сборнике научных статей опубликованы работы историков Советской Прибалтики и Германской Демократической Республики. В них анализируются взаимоотношения Прибалтийских буржуазных государств с империалистическими державами Запада. Как правило в статьях включены ранее неопубликованные материалы. Сборник может быть использован специалистами по международным отношениям, студентами, а также широким кругом читателей.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Варславан (отв.ред.), М.Духанов,
А.Зунда, П.Крупников

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

3 10603-118у I.86.0504040000
1812(11)-86

© Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1986

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ТЕНДЕНЦИИ В
ИССЛЕДОВАНИИ ТЕМЫ "ЗАПАДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ
И ПРИБАЛТИКА"

Тема "Западный империализм и Прибалтика" исследуется в Латвийском государственном университете им. П.Стучки с середины 60-х гг. По ежегодным плановым заданиям, которые координированы и включены в план АН Латвийской ССР, разрабатываются отдельные неисследованные аспекты данной темы. С начала 70-х гг. в университете на базе кафедры новой и новейшей истории регулярно через 2-3 года проводятся научные конференции, на которых обобщаются результаты достигнутые в разработке темы. С посредством этих конференций достигается координация и апробация исследований по политике Западного империализма в Прибалтике в более широком масштабе, так как в этих конференциях активное участие принимают историки всех советских республик Прибалтики, а также ученые из Германской Демократической Республики, Федеративной Республики Германии, Швеции.

В сентябре 1985 г. проводилась очередная конференция "Западноевропейский империализм и Прибалтика", на которой были рассмотрены достижения последних лет в исследовании политико-дипломатических и экономических взаимоотношений Западных империалистических держав и зависимых от них Прибалтийских буржуазных государств в период между двумя мировыми войнами, а также критически проанализирована буржуазная историография по данной тематике. Часть материалов одобренных на данной конференции в виде статей помещены в настоящем сборнике.

Научная новизна при исследовании темы "Западный империализм и Прибалтика" обеспечивается широким привлечением неиспользованных до сих пор в мировой литературе исторических источников, в том числе, архивных доку-

ментов. Не менее важным фактором обеспечения оригинальности работ является также критический анализ новой буржуазной историографии, который, как правило, проводится в исследованиях. Это играет немаловажную роль в решении на современном этапе вопросов идеологической борьбы между социалистическим и капиталистическим лагерями.

Результаты исследований внедряются в учебном процессе на Историко-философском факультете Латвийского государственного университета им. П.Стучки по специальности "история". Публикация до сих пор неизвестных исторических фактов и процессов дает возможность в будущем их вовлечь в обобщающие труды, особенно по истории Латвии, а также политике отдельных империалистических государств Запада и международных отношений в Восточной Прибалтике. Этот процесс плодотворно и непосредственно ускорит подготовку вышеупомянутых работ. Немаловажно и более широкое внедрение посредством публикации достигнутых результатов в пропагандистской деятельности и в научно-популярной литературе. Последняя, необходимая для разъяснения широкой общественности процессов истории межвоенного периода Латвии, к сожалению, пока очень скудна.

Результаты исследований предыдущих лет уже дают возможность констатировать основные достижения в изучении темы "Западный империализм и Прибалтика" и определить ближайшие задачи в этом направлении.

В настоящее время завершено обобщающее исследование К.Почса об антисоветских планах западноевропейского империализма в Восточной Прибалтике и в Польше в 20-е гг. нашего века.¹ В свою очередь, Б.Даукит в подготовленной кандидатской диссертации проанализировал осуществленную Советским Союзом ленинскую политику мирного сосуществования в отношениях с буржуазной Латвией в 30-е гг.² Данное исследование в будущем может способствовать проведению сравнительного анализа политики СССР с полити-

кой западноевропейских империалистических держав в отношении Латвии. Широким фронтом проанализирована политика Западного империализма в отношении Литвы в работах Р. Дюгяды (Вильнюсский госуниверситет им. В.Капоукаса).³ Эти работы уже на реализованном уровне исследования дают возможность обоснованно утвердить, что основные линии политики западноевропейских держав в Литве определены. В будущем может последовать более детальное изучение политики отдельных держав в отношении Литвы, анализ политико-дипломатических процессов взаимоотношений.

Наиболее широко в существующих публикациях представлена политика Великобритании в буржуазной Латвии (А. Варславан, А. Зунда).⁴ К этому вопросу созвучны также диссертация и научные статьи А. Путниньша.⁵ Есть все основания на ближайшие годы выдвинуть задачу завершить монографическое исследование политики Великобритании в отношении Латвии во время второй половины 30-х гг. и таким образом научным анализом охватить весь хронологический период между двумя мировыми войнами.

В Латвийском государственном университете им. П. Стучки активно начато изучение политики Веймарской Германии в отношении буржуазной Латвии. Данная проблема в 20-е гг. рассмотрена в исследованиях М. Вирсиса.⁶ К. Даукште продолжает работу над анализом последовательности германского имперского внешнеполитического курса в отношении восточной Европы в годы Веймарской республики. Достигнуты также первые положительные результаты в изучении политики США в отношении буржуазной Латвии. Этот вопрос изучает А. Пуга в своей кандидатской диссертации и тематически совпадающих с ней научных статьях.⁷

Одновременно с изучением проблематики политико-дипломатических и экономических взаимоотношений между Прибалтикой и империализмом Запада в Латвийском госуниверситете им. П. Стучки продолжается критический анализ западноевропейской, особенно германской буржуазной историографии.

по вопросам исторического развития Прибалтики в пре-империалистической и империалистической стадиях (М.Духанов, П.Крупников)⁸. В последнее десятилетие к данной работе более эффективно подключаются ученые ГДР и ФРГ⁹. Это способствует координации дальнейших исследований в направлении историографии Прибалтики.

Положительным моментом в развитии исследования темы "Западный империализм и Прибалтика" служит тесное сотрудничество в данном вопросе научных коллективов советских республик Прибалтики с научным советом АН СССР "История внешней политики СССР и международных отношений". Этому способствовало проведение в 1982 г. совместной конференции на базе Латвийского государственного университета им. П.Стучки¹⁰.

Обострение идеологической борьбы в мире, особенно реакционная политика США и западноевропейских империалистических государств в отношении вопросов исторического развития Прибалтики, ставит перед коллективами работающих над изучением темы "Западный империализм и Прибалтика" задачу всестороннее активизировать исследовательскую работу, вводить в научный оборот новые документальные доказательства. Это необходимо для обоснованного марксистско-ленинского толкования исторической правды в Прибалтийском регионе.

Примечания.

1. Почс К.Я. "Санитарный кордон". Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921-1929 гг.). - Рига: Зинатне, 1985.
2. Тема дис.... канд.ист.наук - Осуществление ленинских принципов мирного сосуществования СССР в отношениях с буржуазной Латвией в 30-е гг. XX века.
3. Яггида Р.Ю. Буржуазная Литва в планах империалистических государств (1919-1940). Автореф.дис. ... д-ра ист.наук. - Вильнюс, 1980.

3. Žiugžda R. Lietuva imperialistiniu valstybiu planuose 1917-1940. - Vilnius, 1983.
4. Варславан А.Я. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии (1920-1923). - Рига: Зинатне, 1966.
Варславан А.Я. Английский капитал в буржуазной Латвии. 1920-1929 гг. - Рига: Зинатне, 1972.
Варславан А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия. Политико-дипломатические взаимоотношения (1924-1929 гг.). - Рига: Зинатне, 1975.
Варславан А.Я., Зунда А.Л. Британский империализм и буржуазная Латвия в годы мирового экономического кризиса. Экономические и политико-дипломатические взаимоотношения. 1929-1933. - Рига: Зинатне, 1981.
5. Путяницын А.Э. Банкротство внешнеполитического курса буржуазной Латвии в 1933-1940 гг. По материалам отношений Латвии и Англии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - М, 1982.
6. Вирсис М.Х. Политика Веймарской Германии в отношении буржуазной Латвии. 1925-1932 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Ленинград, 1986.
7. Пуга А.А. Политика империализма США в отношении буржуазной Латвии. 1920-1929 гг. Автореф. канд. ист. наук. - Ленинград, 1986.
8. Духанов М.М. Остзейцы. - Рига: Лиесма, 1978;
Duhanovs M. Baltijas muižniecība laikmetu maiņā. - Rīga: Zinātne, 1986,
Krupnikova P. Melu un patiesības paleta. - Rīga: Zvaigzne, 1980.
9. Г. Пистолькорс, Р. Шилинг, М. Ротбург, Л. Элсвер, Х. -Х. Вильхелм и др.
10. СССР в борьбе за мир и безопасность народов. Исторический опыт. - Москва: Международные отношения, 1984.

БУРЖУАЗНАЯ ЛАТВИЯ В ПОЛИТИКЕ США
ПО "РУССКОМУ ВОПРОСУ" В 1920 Г.

Враждебный Советскому государству внешнеполитический курс Соединенных Штатов стал формироваться практически сразу после победы вооруженного восстания в Петрограде. Суть стратегии американского правительства выражалась в поддержке контрреволюционных сил, а также в стремлении воспрепятствовать такому укреплению других капиталистических держав за счет изменений в России, которое бы заметно улучшило их конкурентоспособность с США. В.И. Ленин указывал: "...существуют две тенденции: одна делающая неизбежным союз всех империалистов, другая - противопоставляющая одних империалистов другим - две тенденции, из которых ни одна прочной под собой основы не имеет"¹.

Важное место в антисоветских планах американский империализм отводил Прибалтике. Даже в июле 1921 г. руководитель политической делегации буржуазной Латвии в Вашингтоне М. Сея писал: "Отношение США к Латвии и др. Прибалтийским государствам находится в полной зависимости от американской политики по отношению к России. Правительство США, их политические круги и пресса до сих пор еще никогда не разбирали вопроса о Прибалтийских странах в качестве самостоятельной проблемы"².

В 1919 г. официальные представители Вашингтона, принимая непосредственное участие в подготовке боевых операций и обеспечении контрреволюционных войск в Латвии продовольствием и военными материалами, не скрывали претензий на руководящую роль в интервенции в Прибалтийском регионе. Особенно отчетливо это проявилось в попытках главы американской миссии подполковника У. Грина выступить в качестве "арбитра" и добиться, чтобы все контрреволюционные группировки подчинили свои политические интересы исключительно борьбе против советской власти³.

Стратегические планы правящих кругов США не предусматривали создание новых государств в Прибалтике. Конкретно-историческое положение американского империализма на данном этапе обуславливало его позицию в поддержке реставрации

единой буржуазной России. К 20-м гг. образование на территории бывшей Российской империи многих государств означало бы как с экономической, так и военной точки зрения укрепление прежде всего главных американских конкурентов - Великобритании и Японии⁴. Несомненно также, что, поддерживая программу русской контрреволюции о "неделимой России" и критикуя некоторые крупные державы за иную политику по этому вопросу /а такими были именно Англия и Япония/, американская буржуазия рассчитывала, что она получит особые привилегии для эксплуатации природных богатств и народов России после уничтожения советской власти. Это, по мнению руководителей США, должно было состояться в скором будущем. Соответственно, и создание так называемых государств "санитарного кордона", о чем немало рассуждали в западноевропейских столицах, в Вашингтоне представлялось кратковременным явлением. К тому же, Р. Лансинг /государственный секретарь США в 1915-1920 гг./ признавал, что он и президент В. Вильсон фактически были против предоставления права на самоопределение народам России⁵. Отделение государств Прибалтики от бывшей империи оценивалось большинством буржуазии Соединенных Штатов как неправомерная акция⁶.

Политическая борьба западных держав вокруг Прибалтики в ходе интервенции в 1919 г. завершилась в пользу Великобритании. В следующем году, говоря о сложном характере межимпериалистических противоречий, В. И. Ленин отмечал: "...Англия хочет иметь под своим влиянием новые маленькие государства - Финляндию, Эстляндию, Латвию и Литву, и ей нет никакого дела и даже невыгодно восстановление царской, или белогвардейской, или хотя бы буржуазной России"⁷.

После крушения армии Юденича под Петроградом военно-политические позиции русских белогвардейцев в Прибалтийском регионе практически равнялись нулю. Вскоре Красная Армия разгромила войска Колчака и Деникина. Все это пришло американскую дипломатию, осуществляющую антисоветский курс, в состояние замешательства. Неофициальный представитель буржуазной Латвии в США К. Озол, характеризуя свои встречи с высокопоставленными деятелями американского госдепартамента и настроение в Вашингтоне весной 1920 года, писал:

"Вообще они собирают сведения, но нет никакой ясности, что им действительно следовало бы предпринять"⁸. Буржуазная Латвия в этих условиях привлекала особое внимание как "окно в Россию".

В 1920 г. много указаний государственного департамента, касающиеся антисоветской политики, посылались в Ригу, где предыдущей осенью была основана штаб-квартира Джона Гейда, назначенного на пост "комиссара Соединенных Штатов для Балтийских провинций России". Одновременно здесь находились американские офицеры во главе с полковником Т. Холлидеем, которые представляли военный департамент. В Риге работали консульство США, отделения Американского Красного Креста, Американской Администрации Помощи /ARA/, а также Ассоциации молодых христиан /YMCA/.

Хотя представители правительства и "филантрогических" организаций США интересовались в Латвии, на первый взгляд, различными вопросами, их цели, однако, в большинстве случаев совпадали. Такими были политическая и военная разведка, организация антисоветских провокаций и кампаний, поддержка местных реакционных кругов и правых партий, зондирование возможностей экономической экспансии, использование разных мероприятий для пропаганды американского образа жизни, при этом обращая особое внимание на молодежь.

Деятельность американцев проходила в тесном сотрудничестве с правительством и военными службами буржуазной Латвии. В этом проявлялась классовая общность двух далеко неравноправных сторон - ведь директивы из Вашингтона предписывали, чтобы поведение Гейда не внушало надежд в Прибалтийских странах, что администрация США могла бы согласиться поддерживать сепаратические тенденции, идущие далее автономии⁹. Л. Сея, который в 1920 г. был директором Политико-экономического департамента МИД буржуазной Латвии, в конце следующего года в конфиденциальном письме подтвердил, что к нему, латвийскому делегату, в Вашингтоне относятся "просто ужасно", и это является "нахальством, если учитывать то большое внимание и услужливость, какую наши люди ежедневно оказывают американским представителям в Риге"¹⁰.

Предоставляя представителям США широкие возможности для антисоветской деятельности в Латвии, ее буржуазия с

другой стороны, все же не всегда следовала вашингтонской политике в своих взаимоотношениях с Советской Россией. Хотя 10 января 1920 г. Дж. Гейд, в связи с наступлением белолатышей и белополяков в Латгалии, высказал рижскому правительству "особую признательность" за ведение борьбы против большевизма, который "мог бы угрожать всей Западной Европе и даже Америке"¹¹, тем не менее в конце того же месяца буржуазная Латвия заключила с РСФСР тайное перемирие.

Весной и летом 1920 г., когда международная контрреволюция основные надежды связывала с наступлением белополяков и Врангеля, представители США предприняли новые попытки активизировать антисоветский фронт в буржуазной Латвии. Перед выборами в ее Учредительное Собрание руководитель местного отделения АРА Т. Орбисан выступил в печати с угрозами прекратить выдачу американского продовольствия латвийским детям, если в итоге голосования успехов добьются партии, которые, по мнению американцев, были недостаточно реакционными.¹²

В этот же период американский подполковник Дж. Стелин, который вступил в состав белолатышской армии, выдвинул план вербовки в США летчиков для борьбы с большевиками. Он же советовал пригласить в Латвию специалистов из Ассоциации молодых христиан, которые имели опыт службы в европейских армиях, в том числе, польской.¹³ Как указывали сами представители УИСА, их усилия были направлены на создание "человека самого высокого типа /т.е. солдата американского образца - А.П./ - в отношении физическом, интеллектуальном, социальном и духовном"¹⁴. Главнокомандующий латвийской буржуазной армии Я. Балодис одобрил предложения американского подполковника и тот выехал за границу для их реализации.

Как следует из рапорта Дж. Стелина, ему удалось в США заручиться денежной поддержкой в размере 200 тыс. долларов, необходимой для снабжения авиационного отряда и его отправки в Ригу. Более 400 американцев были завербованы для участия в антисоветских боевых действиях и лишь сообщение о подписании латвийско-советского мира вынудило отменить их выезд. Примечательно, что деньги для этой авантюры отказались жертвовать американские латыши, и подполковник отозвался о них как о людях, у которых больше половины имеют большевистские взгляды.¹⁵

В июле 1920 г. в Латвию прибыли представители Ассоциации молодых христиан во главе с Р. Лайнсом. Вскоре филиалы ассоциации были созданы в Риге, а также в городах вблизи советской границы - в Даугавпилсе, Лудзе и Резекне. Главных помощников для "работы" в филиалах Р. Лайнс стал набирать из местных немцев и представителей других национальностей, а не из латышей, что вызвало некоторые возражения со стороны командования белолатышской армии. Американцы тем не менее продолжали действовать по своему, объясняя, что набранные ими люди "овладели латышским языком"¹⁶. Отметим, что уже ранее Дж. Гейд, равно как и У. Грин в 1919 г., проявлял особые симпатии к русским белогвардейцам и прибалтийско-немецким кругам в Латвии¹⁷. Подобное отношение преобладало и в деятельности других американских "филантропических" организаций.

Ориентация представителей США в Прибалтике на наиболее отъявленные круги контрреволюции в значительной степени обуславливала то, что сообщения вашингтонских эмиссаров из Риги представляли грубые антисоветские фальшивки и их содержание часто шло вразрез с самой элементарной логикой. В результате они вносили немалую лепту в общий поток антисоветской лжи и дезинформации, которая распространялась в Соединенных Штатах. 3 марта 1920 г. Дж. Гейд писал в Вашингтон о "предполагаемом весеннем наступлении советского флота" на соседние балтийские государства. Менее чем через месяц он же предсказывал возможность скорого конца власти большевиков¹⁸.

Э. Янг, который стал новым представителем госдепартамента в Прибалтике, во время завершающей стадии советско-латвийских переговоров о заключении мира - 9 августа 1920 г. заявлял государственному секретарю США В. Колби, что он, ввиду общей ситуации, настаивает на посылке в балтийские воды американских военных кораблей, предпочтительно эсминцев, и добавил, что эта телеграмма обсуждена с военным атташе США¹⁹. Появление через несколько недель американских военных кораблей в портах Прибалтийских государств, в том числе в Риге, фактически стало демонстрацией агрессивного вмешательства Вашингтона в дела стран данного региона.

11 августа 1920 г. буржуазная Латвия, как последняя из государств Прибалтики, подписала с РСФСР мирный договор и получила официальное признание де-юре. Днем раньше была опуб-

ликована нота Б. Колби итальянскому послу в Вашингтоне, представлявшая открытую декларацию непримиримой вражды правительства США к Советскому государству. Помимо грубой клеветы по отношению к социалистической стране в ноте Колби был подчеркнут отказ Вашингтона от признания независимости окраинных территорий России, за исключением Польши, Финляндии и Армении. Чтобы завуалировать свои империалистические соображения, администрация Соединенных Штатов пыталась объяснить такую политику как заботу об интересах народов России сохранить большое и единое государство²⁰.

Во второй половине 1920 г. представители США в Риге, которые, надо полагать, поняли, что открытая ставка на "единую Россию" не способствует осуществлению планов втягивания Прибалтийских государств в антисоветский поход, предлагали своим руководителям "другой путь для достижения того же результата". 23 июля Э. Янг в телеграмме на адрес Б. Колби, выражая согласие в отношении того, что "Балтийским провинциям" следует быть в составе России после ликвидации Советского государства, тем не менее советовал, чтобы Соединенные Штаты немедленно признали три Прибалтийские страны де-факто, после чего, "если ход событий не изменится", в недалеком будущем должно последовать признание де-юре Латвии и Литвы. Основная идея предложения Янга состояла в том, что признание Прибалтийских стран должно было сопровождаться оговоркой или заявлением, которое бы обуславливало, что окончательное решение по этому вопросу США могут принять после образования новой /т. е. капиталистической - А. П. / России. Как писал американский эmissар, в отношении де-юре "Эстония должна ждать, пока она не смеет с себя чернило большевизма"²¹.

Идея, предложенная Э. Янгом, в принципе не составляла новизну для американской дипломатии. Вопрос об условном признании буржуазных государств Прибалтики обсуждался еще в начале 1919 г. американской делегацией на Парижской мирной конференции²². Однако, ввиду уверенности в победе русской контрреволюции, правительство Соединенных Штатов в 1918-1920 гг. считало лишним официально флиртовать с прибалтийской буржуазией.

Все больше внимания к буржуазной Латвии стал обращать

американский деловой мир. В сообщении латвийского неофициального торгового представителя в Нью-Йорке от 29 октября 1920 г. отмечалось: "В последнее время интерес американских финансовых и коммерческих кругов к экономическим условиям Латвии и ее значению принимает более живой характер...

У нас многие интересовались не только о Латвии, но и ... особенно о России²³. В Ригу стало поступать немало предложений от разных американских компаний. В начале 20-х гг. экспансионистские планы капитала США предполагали достижение в буржуазной Латвии следующих основных целей: получить контроль над главными железными дорогами, которые связывали латвийские портовые города с Советской Россией; заключить такие "соглашения" с правительством Латвии, которые давали бы американцам возможности в значительной степени или даже полностью владеть латвийской торговлей. Основываясь на поддержке официального Вашингтона, соответствующие "предложения" латвийским правящим кругам выдвигали как respectable группы капиталистов, так и многие дельцы-авантюристы.

Прибывшим весной 1920 г. в Ригу представителям "U.S. International Corporation" в определенной мере повезло - им удалось получить от правительства К. Улманио 450 тыс. долларов в качестве аванса для покупки паровозов, вагонов и железнодорожных материалов и его не вернуть, не обеспечив товарами. Кроме того, они выиграли около 50 тыс. долларов от поставок в Латвию сахара²⁴. Однако, ни этой, ни другим американским компаниям не удалось закрепиться в данной стране на прочной основе. Руководители буржуазной Латвии преклонялись прежде всего перед интересами британского капитализма, который, по их мнению, в этот период являлся главным политическим союзником.

После краха антисоветской интервенции империализм США не отказался в Прибалтике от прежнего курса по "русскому вопросу". Как сообщал из Вашингтона во второй половине 1921 г. Л. Сея, политика правительства У. Гардинга продолжала основываться на мнении, что "большевизм в России вскоре рухнет"²⁵. Лишь 28 июля 1922 г. администрация Соединенных

Штатов официально заявила о признании "в настоящее время правительств Латвии, Литвы и Эстонии" с оговоркой, что это не предполагает нарушения поддерживаемого американцами принципа неотчуждения российской территории²⁶. Таким образом была создана основа для установления американо-латвийских дипломатических отношений. Но вместе с тем США резервировали себе право признать власть русской контрреволюции над Прибалтикой в случае ликвидации Советской России. Политика американского империализма в отношении буржуазной Латвии в начале 20-х гг. отражала часть борьбы среди антисоветского "союза хищников", у которого не было интереса действительного, прочного, соединяющих их²⁷. Латвийская буржуазия оценивалась в Вашингтоне в качестве пешки в антисоветской борьбе и ничем больше.

Список литературы

¹ Ленин В.И. // Полн. собр. соч. - Т. 36. - С. 332.

² ЦГИА ЛатвССР.

³ Сиполс В.Я. За кулисами иностранной интервенции в Латвии /1918-1920 гг./.-М.: Госполитиздат, 1959. -С. 135-140; Варславан А. Политика английского империализма в отношении буржуазной Латвии /1920-1923/. -Рига: Зинатне, 1966. -С. 16.

⁴ Сообщения представителей буржуазной Латвии из США // ЦГИА ЛатвССР; Яковлев Н.Н. Новейшая история США. 1917-1960. -М.: Соцэкгиз, 1961. -С. 52.

⁵ Lansing R. The Peace Negotiations. A Personal Narrative. - Boston-N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1921. -P. 97-101, 193-194.

⁶ Amerikas Atbalss /Vujorka/. -1920. -9. sept.; 30. dec.

⁷ Ленин В.И. // Полн. собр. соч. -Т. 41. -С. 350.

⁸ ЦГИА ЛатвССР.

⁹ Ленин В.И. // Полн. собр. соч. -Т. 40. -С. 93-94.

¹⁰ ЦГИА ЛатвССР.

¹¹ Valdibas Vestnesis. -1920. -II. janv.

I² Jaunākās Ziņas.-1920.-19.marts,16.apr.;Socialdemokrāts.-1920.-20.marts.

I³ ЦГИА ЛатвССР.

I⁴ Amerikas Atbalss.-1921.-2.jūn.

I⁵ ЦГИА ЛатвССР.

I⁶ ЦГИА ЛатвССР.

I⁷ Tarulis A.N.American-Baltic Relations 1918-1922: The Struggle over Recognition.-Washington,1965.-P.216-217.

I⁸ Ibid.-P.216.

I⁹ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.1920.-Washington,1936.-Vol.III.-P.656.

I²⁰ Ibid.-P.463-468.

I²¹ Ibid.-P.652.

I²² См. документ №246 из "Дневника Д.Миллера"//Кунина А. Об агрессии американских империалистов против Советской России в 1918-1920 годах//Военно-исторический журнал.-1961.-№1.-С.45.

I²³ ЦГИА ЛатвССР.

I²⁴ ЦГИА ЛатвССР.

I²⁵ ЦГИА ЛатвССР.

I²⁶ Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.1922.-Washington,1938.-Vol.II.-P.873-874.

I²⁷ Ленин В.И.//Полн.собр.соч.-Т.41.-С.352.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ МИССИИ
В РИГЕ В 20-30 гг. И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ
ПОЛИТИКИ США В ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В обширной литературе, посвященной проблемам американо-советских отношений видное место занимают публикации об истории их формирования и развития. При этом особое внимание уделяется изучению возникновения и модификации основных тенденций во внешнеполитическом курсе США в отношении Советского Союза. В последнее десятилетие появилась ряд работ, в которых развивается тезис, что дипломатическая миссия США в Риге в 20-30 гг. в значительной мере повлияла не только на формирование принципов внешнеполитического курса ведущей капиталистической державы в отношении первого в мире социалистического государства в указанное время, но что в некоторой степени это влияние ощущается и в деятельности сторонников "жесткого" курса в отношении Советского Союза в США и других странах Запада в настоящее время.

Особое внимание зарубежных и советских исследователей привлекает вышедшая в 1977 г. книга американского либерально настроенного буржуазного ученого среднего поколения Даниэля Брджина "Нарушенный мир. Истоки холодной войны и государства национальной безопасности" (31), а также публикации ряда других авторов о формировании и развитии доктрина внешней политики США в отношении Советского Союза и роли американской миссии в Риге в 20-30 гг. в этом процессе (3; 7; 8; 12; 17; 19-27; 30-32). В 1979 г. книга Брджина под несколько измененным названием была издана в ФРГ на немецком языке (32). Такое внимание объясняется не только тем, что исследователями введены в научный оборот многие ранее неизвестные материалы, но и тем, что проблемы взаимоотношений США и Советского Союза имеют первостепенное значение в решении наиболее важных мировых проблем - в первую очередь, проблемы войны и мира. Во многом под воздействием книги Брджина и ряда других публикаций получило определенное распространение мнение, что сущес-

твующие в американской политике в отношении Советского Союза две противоречащие друг другу тенденции (I) можно условно обозначить - "рижской" линией (защищаемой сторонниками силового давления на СССР со стороны США) и "ялтинской" линией (защищаемой сторонниками мирного сосуществования и развития взаимовыгодных отношений) (20, с. 237, 238, 248, 324).

В книге Ерджина большое внимание уделяется периоду 20-х - начала 30-х гг., когда США уклонялись от признания Советского Союза и установления с ним дипломатических отношений. Вплоть до 1933 г., когда США наконец отказались от этой политики, важным звеном, непосредственно занимающимся проблемами взаимоотношений с Советским Союзом в системе американского внешнеполитического ведомства, была американская миссия в Риге *. Ерджин пришел к выводу, что деятельность этой американской миссии оказала заметное влияние на выработку основ политического курса США в отношении СССР. Он писал: "Я уже провел некоторое время в Государственном департаменте за изучением русских материалов, и у меня создалось впечатление, что многое из того, что впоследствии стало официальным отношением (США к Советскому Союзу - Ю.П.), было выковано в американской дипломатической миссии в Риге в течение полутора десятка лет, когда она использовалась в качестве поста подслушивания Советского Союза" (30, с. 15). Ерджин поясняет, что "Государственный департамент США использовал Ригу в качестве штаб-квартиры по наблюдению за Россией до 1933 г., когда Соединенные штаты официально признали Советский Союз. Рига была "школой", в которой некоторые из наших наиболее прославленных дипломатов, включая Джорджа Кеннана, начали получать свое обучение в советских делах" (30, с. 16).

В целом ряде зарубежных исследований уже значительно раньше указывалось на то влияние "рижской школы" американских дипломатов, какое она оказала на формирование концепций

* На участие миссии в формировании политики США в отношении Советского Союза указывает Н.В. Загладин (3, с. 20).

внешней политики США, однако Ерджин в своей работе уделил ей особое внимание. Это можно сказать также о статьях Н. Грант (21) и Д. Харингтона (22) и некоторых других публикациях, появившихся несколько позднее.

Ерджин многократно указывает, что на него большое впечатление оставил жизненный путь и эволюция взглядов Кеннана^ж. В период работы над книгой, частично из-за интереса к личности Кеннана, Ерджин посетил Ригу. Ерджин писал: "Будучи в конце 20-х и начале 30-х гг. молодым дипломатом, Джордж Кеннан работал в американском посольстве в Риге ... Впоследствии через десятилетия он ностальгически вспоминал город, который, по его мнению, был "Парижем Балтики" (30, с. 16). Ерджин посетил дом, в котором находилась в те годы американская миссия в Риге.

Говоря об обстановке работы рижской "школы", он отмечает: "В своих воспоминаниях Кеннан описал город 20-х и начала 30-х годов: "Рига имела преимущества разнообразной и в высокой степени космополитической культурной жизни: газеты и театры на латышском, немецком, русском, идиш языках и сильные лютеранские, римско-католические, православные и еврейские религиозные объединения... Рига была во многих отношениях менее крупным вариантом Петербурга". Более 10 лет после победы русской революции она, по мнению Кеннана, была "почти единственным местом, где можно было жить, словно в царской России" (30, с. 16). Ерджин цитирует и некоторые другие вы-

^ж Джордж Кеннан (род. в 1904 г.) - известный американский дипломат и историк. По окончании Принстонского университета (1925) на дипломатической работе. В 1952 г. назначен послом США в СССР, был отозван из Москвы по требованию Советского правительства. В 1953-61 гг. и с 1963 г. на научно-исследовательской работе, в 1974 г. создал специализированный институт (Kennan institute for advanced Russian studies (16)). (16) Кеннан пережил сложную эволюцию взглядов - от политики с "позиции силы" в отношении СССР до признания мирного сосуществования. Является автором ряда книг. Среди тем, рассматриваемых им, и некоторые аспекты политической истории Латвии.

сказывания Кеннана в которых говорится, что в Риге, по его мнению, в те годы во многом сохранился дух дореволюционной России (30, с. 23).

На формирование взглядов американских дипломатов "рижской школы" значительное влияние оказала русская белая эмиграция (12, с. 195). В частности, Рига в те годы была местом значительного скопления белоэмигрантов (5, с. 41-42; с. 116, 131, 145). Как известно, русские белогвардейцы были одной из крупных сил, участвовавших в подавлении советской власти в Прибалтийских республиках. В поисках сильных союзников в борьбе за реставрацию капитализма белоэмигранты устанавливали связи с реакционными силами США, Великобритании, Франции, Германии (часто через верхушку прибалтийских немцев), а также других стран.

Американская миссия в Риге была инструментом наиболее воинственно настроенных кругов американской империалистической буржуазии. Так как эти круги в борьбе против коммунизма возлагали большие надежды на использование русских белоэмигрантов, то и американские дипломаты, в том числе и сотрудники рижской миссии, весьма активно поддерживали связи с ними, прислушивались к даваемой ими информации, их аргументации, настроениям, что, в свою очередь в значительной мере способствовало консервации реставраторских иллюзий.

Ориентация на реставрацию буржуазного строя в России активно поощрялась Государственным департаментом США. Исследователи отмечают, что в нем работали дипломаты, которые раньше проходили службу в царском Петербурге, а потом поддерживали белогвардейских контрреволюционеров. Джон Гэддис, например, пишет: "Восточноевропейский отдел Государственного департамента был наполнен дипломатами, которые находились в России во время болезненных лет интервенции и гражданской войны. Как и другим "экспертам" в русских делах их близость (к белогвардейцам и другим защитникам старого строя в России - Д.Н.) ослабляла объективность, последствия чего проявлялись годами в форме враждебности" к правительству Советского Союза (19, с. 113).

Ерджин и некоторые другие исследователи приводят любопытные факты о том, как конкретно белоэмигрантское влияние

распространялось среди дипломатов США. Большую роль в этом играл Роберт Келли - руководитель восточноевропейского отдела Государственного департамента США. Ерджин пишет, что несмотря на то, что влияние Келли распространялось на всех, кто работал под его руководством, он имел особое влияние на тех, которых он назвал "мои парни" - молодых сотрудников дипломатического корпуса, проходивших учрежденную им особую учебную программу по русскому языку, культуре и истории. В американской миссии в Риге особо выделялись два молодых дипломата, проходивших подготовку в "русских делах" - Джордж Кеннан и Лой Гендерсон ^ж. В соответствии с установками Келли первые контакты молодых американских дипломатов в Риге также как и в других местах их подготовки были с русскими белоэмигрантами, по словам Ерджина воспитанники Келли становились их друзьями, воспринимали как свою собственную их антикоммунистическую направленность. Ерджин, ссылаясь на высказывания Кеннана, Боленга, Дорброу - молодых американских дипломатов того времени - пишет, что они сами чувствовали себя, по крайней мере, в некоторой степени, эмигрантами из царского прошлого (30, с. 415). При том, подчеркивает Ерджин, влияние таких контактов распространялось не только на тех, кто проходил указанную специальную программу (30, с. 416).

Руководствуясь общими указаниями восточноевропейского отдела Государственного департамента рижская миссия поставляла ему "конкретные" материалы о Советском Союзе. Рижскую миссию в этой связи называли "окном в Советский Союз". Ч.Бо-

^ж В литературе неоднократно указывается на то, что Л.Гендерсон в 1919-1920 г. был в Прибалтике сотрудником американской организации Красного Креста. Американский историк Хью де Сантис и некоторые другие указывают, что сферой его особых интересов было укрепление малых буржуазных государств Восточной Европы с целью противопоставления их Советскому Союзу (16, с. 30). В литературе обращается также внимание на то, что он женился на латышке Элизе Хейнрихсоне. И в последующие годы Гендерсон занимал различные ответственные посты во внешнеполитическом ведомстве США.

лен значение Риги как "наблюдательного поста" для осуществления американского внешнеполитического курса в отношении СССР, сравнивает со значением Гонконга для Великобритании и других западных держав в отношении Китая после поражения чанкайшистов (14, с. 10).

Описывая роль американской миссии в Риге Кеннан утверждал, что в то время в мире имелось только несколько высококвалифицированных центров по изучению Советского Союза. Американская миссия сверяла свои выводы по оценке событий в Советском Союзе с выводами этих центров (23, с. 48-49). Американский автор Джон Ричмэн пишет, что главной задачей русской секции миссии США в Риге "было изучение всех аспектов жизни России и поэтому прилагались большие усилия для анализа и интерпретации событий в Советском Союзе для нужд Вашингтона". Из Риги Государственный департамент США получал информацию о запасах золота СССР, пропагандистской деятельности советских учреждений за рубежом, имена американцев, находящихся в Советском Союзе, подозреваемых в принадлежности к коммунистической партии, о политической линии и деятельности Коммунистического Интернационала, положении Советского Союза на международном валютном рынке, переводы всевозможных публикаций, поступивших из Советского Союза (26, с. 32).

Восточноевропейский отдел Государственного департамента и римская миссия считали, что не следует торопиться устанавливать дипломатические отношения США с Советским Союзом, что следует по-прежнему признавать в качестве "законных" представителей России "дипломатических представителей" правительства Керенского (7, с. 209-216).

Дипломатическая миссия в Риге играла важную роль в поставке Государственному департаменту, и тем самым руководящим политическим кругам США информации о намерениях Советского Союза. Лейтмотивом, представляемых миссией материалов была мысль, что Советский Союз представляет собой силу, которая при помощи коммунистического движения стремится завоевать весь мир. Процесс формирования и развития такого рода абсурдных концепций проанализирован Н.В.Загладиным (3, с. 45-110).

Джон Рэддис, например, в этой связи, обращает внимание

на такой аспект деятельности рижской миссии: "В связи с проведением IУ конгресса Коминтерна в Москве в 1928 году, персонал миссии в Риге месяцами трудился над составлением детального отчета о выступлениях на конгрессе и списке участников, которые в момент отправления в Вашингтон занимали сотни страниц. "Было бы поистине по-страусовски", американский посланник предупреждал, "не воспринимать то, что этот "генеральный штаб мировой революции" полностью решителен в своем намерении свергнуть любое некоммунистическое общество и правительство, и создать Всемирную Советскую Социалистическую Республику" (19, с. 108).

Ерджин много пишет о "рижских аксиомах", защищаемых сотрудниками американской дипломатической миссии в Риге. Так в соответствии с пожеланиями наиболее агрессивных империалистических кругов США, сотрудники рижской миссии делали вывод, что нормальных отношений США с Советским Союзом быть не может. Ликвидация советского строя рассматривалась американской миссией в Риге наиболее желательной целью в отношении СССР, без достижения которой приемлемое для других стран состояние дел в мире невозможно. О деятельности партии большевиков предоставлялась самая враждебная информация. Советский Союз в целом изображался страной, в которой сосредоточено мировое зло (3, с. 20-21; 8, с. 74).

С периода гражданской войны корреспонденты американских и западно-европейских буржуазных газет и журналов, опираясь на "полученную в Риге информацию", стали крупными поставщиками антисоветского чтива (10, с. 38), так что можно в известном смысле говорить и о "рижской школе" антисоветской журналистики.

Однако в результате изменения соотношений сил на мировой арене в США постепенно усилились другие тенденции. Ставший в 1932 г. президентом США Франклин Рузвельт, принял решение установить дипломатические отношения США с СССР, что по словам Ерджина означало отход от "рижских аксиом". Восточно-европейский отдел Государственного департамента пытался отговорить президента от дипломатического признания, против этого высказывались и сотрудники рижской миссии, враждебные акции

устраивали белоэмигранты (4, с. 83; 23, с. 56).

После установления дипломатических отношений послом США в СССР был назначен Уильям Буллит. К лету 1934 г. штат первого посольства и генерального консульства США в Москве достиг почти 100 человек (8, с. 19). Среди профессиональных дипломатов по мнению Ерджина важнейшую роль в практической деятельности и составлении политических отчетов для правительства США сыграли Лой Гендерсон и Джордж Кеннан, бывшие сотрудники рижской миссии. Об этом писал в своих воспоминаниях Ч.Болен (14, с. 17). Аналогичная констатация сделана и в советской литературе (8, с. 19-20). По мнению Ерджина, в американском посольстве в Москве сложилась группа, которая продолжала развивать "рижские аксиомы" внешней политики США, так же как в Риге - в длительных дискуссиях при составлении отчетов и прогнозов. При этом она относительно часто использовала услуги дипломатов буржуазных прибалтийских государств, в частности посланника Латвии А.Билманиса (8, с. 27). По мнению Ерджина, Лой Гендерсон, которому принадлежала ведущая роль в работе персонала в посольстве был ее руководителем, а Джордж Кеннан - главным идеологом (31, с. 27). Среди американцев в Москве были и представители других взглядов. Например, Спенсер Уильямс, представитель американско-советского коммерческого объединения в Москве в 1934 г., жаловался на "определенную клику рижских парней" среди должностных лиц американского посольства, которые разделяли точку зрения Келли на Советский Союз (31, с. 415).

В целом после установления дипломатических отношений между США и Советским Союзом в последующие годы по вине американцев не было больших успехов в развитии взаимоотношений двух стран (12). Во второй половине 30-х годов, по мнению Ерджина, уровень дипломатических отношений достиг такого низкого уровня, что его можно было рассматривать своеобразной предлюдией "холодной войны".

Американская миссия в Риге в 30-х годах во многом сохранила свое значение в качестве эксперта по Советскому Союзу (8, с. 26-27, 48; 17, с. 52-59). До 1936 г. руководимый Фелик-

сом Коулом русский отдел миссии, по мнению Т.Цветкова, являлся "для госдепартамента наиболее важным источником доцесения с разведывательными данными и политическим анализом событий в СССР" (8, с. 26).

В ходе обсуждения вопросов отношений с Советским Союзом президент Ф.Рузвельт летом 1936 г. в Ригу направил своего личного посланника Артура Лейна*. Американский историк Томас Мэдюкс утверждает, что это во многом было вызвано конфликтом между Рузвельтом и специалистами по Советскому Союзу во главе с Келли. По словам Мэдюкса "Лейн считал, что позиция русской секции (американской дипломатической миссии в Риге - Ю.П.) в отношении Советского Союза была слишком негативной" (24, с. 89). Лейн, который находился в Латвии до сентября 1937 г., предложил ограничить такую деятельность секции. Де Сантис сообщает, что он делал упреки экспертам по Советскому Союзу Эдварду Пэйджу и Уильяму Гуину, работавшим в рижской миссии, в том, что последние "неспособны объективно изучать Советский Союз" (17, с. 57). Была проведена реорганизация деятельности рижской миссии. С марта 1937 г. ее русский отдел стал заниматься почти только переводами советских источников и научными исследованиями. Резко была увеличена роль американского посольства в Москве по сбору основной информации об СССР и составлению отчетов с ее анализом (8, с. 26). Лейн выступал за "развитие сотрудничества с Москвой в противовес Берлину" (23, с. 89) разумеется лишь в определенных пределах. Об этих пределах в известной мере можно судить, например, по отношению его к тенденциям общественно-политического развития Латвии. Де Сантис пишет, что этому американскому дипломату поначалу "жизнь в Риге представлялась приятной

* До этого Лейн занимал пост аналогичного значения в Никарагуа. Здесь, по словам Де Сантиса, широкое распространение получили слухи, что он дал санкцию будущему диктатору Сомосе, занимавшему тогда пост руководителя, созданной при помощи американцев ультрареакционной "национальной гвардии", убить легендарного руководителя патриотических сил Никарагуа - Аугусто Сандино. Лейн это категорически отрицал, давая одновременно понять, что он выступает против диктаторских амбиций Сомосы (17, с. 46-47).

переменной по сравнению с бурными событиями, которые на своем опыте испытал Лейн в Никарагуа" (16, с. 57). Однако вскоре в Риге "Лейн начал испытывать тревогу в связи с распространением коммунизма в Прибалтике. Представление о революционном нарушении порядка, которое он вынес из Никарагуа, казалось готовым к воплощению в реальность в этом красивом прибалтийском портовом городе" (17, с. 58). По словам Де Сантиса, Лейн видел, что используя "недовольство народа экономическими ограничениями, введенными президентом Карлисом Ульманисом, коммунисты "наверстывают упущенное". Тенденция Ульманиса и других прибалтийских руководителей "сближаться" с СССР была другой причиной его озабоченности" (17, с. 58). Не указывая, что такую политику буржуазное правительство Латвии было вынуждено проводить вследствие ряда внешнеполитических и внутриполитических причин, сильного давления со стороны народных масс, Де Сантис далее пишет об удаленности Прибалтики от США, вследствие чего, возможные революционные события в Прибалтике рассматривались Лейном как не очень опасные для осуществления глобальной стратегии США. Ссылаясь на донесения Лейна государственному секретарю и президенту США, Де Сантис утверждает, что "так как вероятность того, что ударные волны Прибалтийских беспорядков достигнут Соединенных Штатов казалась намного меньшей по сравнению с подобными переворотами в Латинской Америке, Лейн продолжал призывать к политике невмешательства, чтобы избежать неправильного понимания американской политики, что американское правительство, якобы, берет на себя политическую роль в регионе" (16, с. 59). Рассматривая в целом политику США в отношении Латвии в это время, Э. Андерсон пришел к выводу, что она была сдержанной и что режим Ульманиса не мог рассчитывать на более или менее значительную его поддержку со стороны американского правительства (13, с. 638). В 1937г. Ригу посетил новый посол США в Москве Джозеф Дэвис, активно способствовавший развитию сотрудничества между США и Советским Союзом (8, с. 70, 72). Дэвис добился того, чтобы Л. Гендерсон и Д. Кеннан и др. были отстранены от работы в американском посольстве в Москве (8, с. 62, 63, 75). По словам Лейна, Соединенным Штатам приходилось

"еще раз признавать Советский Союз" (8, с. 63). Однако деятельность Дэвиса имела очень много противников и в 1938 г. она была прервана, высказанные им идеи о развитии отношений с СССР были отвергнуты (8, с. 142-144). В таких условиях Ригу как опорный пункт стремились сохранить сторонники жесткого курса. Например, в 1938 г. в Ригу приехал бывший президент США Герберт Гувер, принимавший активное участие в дискуссиях о внешнеполитическом курсе США (8, с. 141) и занимавший резкие антисоветские позиции, которые как бы явились логическим продолжением занятой им во время президентства позиции непризнания Советского Союза.

Миссию в Риге посещали и другие менее именитые американцы, интересовавшиеся развитием событий в Восточной Европе. В 1939 г. гостем посланника США в Риге Джона Уайли был сын посла США в Великобритании Джон Кеннеди, будущий президент США, который перед поездкой в Москву неделю провел в Латвии.

Восстановление советской власти в Латвии, Литве, Эстонии представителями "рижской школы" было воспринято крайне враждебно. Гендерсон, по опубликованным в зарубежной литературе данным, был основным автором декларации заместителя Государственного секретаря США Самнера Уэллеса от 23 мая 1940 г., в которой нашло отражение позиция американских кругов США, выражающаяся в нежелании признать политические реальности - существование советской власти в Прибалтике (13, с. 640).

Сторонники "рижской школы" и в годы войны давали о себе знать. Однако президент Рузвельт и некоторые его ближайшие помощники шли на значительное улучшение отношений с Советским Союзом (3, с. 24-29). Решение вопросов, связанных с политикой США в отношении Советского Союза президент все больше брал на себя. Ердман пишет, что политика Соединенных Штатов в отношении Советского Союза тогда была изъята из рук Государственного департамента. В резко изменившейся, по сравнению с межвоенными годами, обстановке, "рижская школа" была признана устаревшей и была заменена смелым новым подходом к решению этой проблемы, который развивал Рузвельт с целью преодоления разрыва между Америкой и СССР в послевоенную

эру (30, с. 41). Символом усилий Рузвельта в этом отношении, по мнению Ерджина и многих других авторов, стала конференция руководителей трех великих держав в Ялте в начале 1945 г., незадолго до окончания второй мировой войны.

Принятые на конференции решения об основных принципах политики в отношении послевоенного решения европейских и мировых проблем неизменно являются объектом резких нападок наиболее реакционных сил, за проявленную якобы Рузвельтом уступчивость в отношении Советского Союза. В таком духе выдержана, например, вышедшая недавно объемистая книга проживающего в Великобритании графа Николая Толстого "Жертвы Ялты" (28). Общеизвестны резкие выпады против ялтинских решений, сделанные президентом США Рейганом и членами его администрации.

Во время войны деятельность сторонников "рижских аксиом" была, как показывает Ерджин, затруднена, однако они не складывали оружие. После окончания войны в руководящих кругах США полемика по поводу взаимоотношений США и СССР разгорелась с новой силой. Сторонники "рижских аксиом" все более активно призывали "отбросить коммунизм назад". Большинство страниц книги Ерджина посвящено периоду с 1945 по 1948 г. Автор, опираясь на большое количество ранее засекреченных документов, показывает как постепенно усилили влияние сторонники "рижских аксиом", что в конечном итоге способствовало усилению "холодной войны" западных стран против СССР и его союзников. Рецензенты книги отмечают, что обилие цитат из переписки руководящих деятелей, официальных документов, других, ранее неизвестных фактов делают книгу Ерджина крупным событием, показывают, насколько руководители западных стран превратно толковали намерения Советского Союза в послевоенные годы. Они относят Ерджина к той группе американских авторов, которых называют "ревизионистами" истории внешней политики США (28, с. 1151), указывающих, что ухудшение международной обстановки, вызванное действиями Соединенных Штатов и их союзников по отношению к СССР оправдывалось надуманными предлогами с целью скрыть собственные агрессивные замыслы. Позиция историков - "ревизионистов" в советской литературе освещена в книге Н.И.Егоровой (2, с. 103-121).

Ерджин пишет, что президент Трумэн отверг защищаемую Рузвельтом позицию, когда стал защищать переходную точку зрения "между ялтинскими и рижскими аксиомами". В полной победе сторонников "рижских аксиом" в немаловажной степени содействовала так называемая "длинная телеграмма", направленная Кеннаном из Москвы в 1946 г. и его известная статья "Источники советского поведения" в журнале "Foreign Affairs", подписанная псевдонимом "х". Роль этих действий Кеннана описана неоднократно (2, с. 26-27) *.

Следование "рижским аксиомам" и отказ от "ялтинских аксиом" привел к "холодной войне", к резкому и длительному обострению международных отношений. Ерджин в своем исследовании подробно останавливается на том, как в политике США в годы после второй мировой войны проявлялось следование "рижским аксиомам". Однако, по его мнению, постепенно росли силы, симпатизирующие "ялтинским аксиомам". Разрядке способствовал провал интервенции США во Вьетнаме. По предположению Ерджина, политика США в отношении Вьетнама вытекала из послевоенного мировосприятия руководителей США, "рижских аксиом" и т.н. "доктрины государства национальной безопасности", в соответствии с чем Индокитай был воспринят как чуть ли не решающая арена, на которой развертывалась борьба за подрыв "глубинной цели" ("fundamental design") коммунизма (30, с. 109). Эта доктрина рассмотрена в книге В.Ф.Петровского (6).

Результаты американской интервенции во Вьетнаме, справедливо пишет Ерджин, показали, что "глубинные цели" в интервенции сторонников "рижских аксиом" могут быть иллюзорными, что гораздо более важным могут оказаться местные причины победы коммунистов. Ерджин подчеркивает, что вьетнамский опыт в дальнейшем сдерживал имперский подход во внешней политике США и снова заставил американцев задуматься, как понимать происходящие в мире события (30, с. 409). После Вьетнама, не

* Кеннан в настоящее время справедливо указывает, что принятие в Вашингтоне попытки приписать СССР "агрессивные намерения", стремление к "доминированию", "угрозам", недостойна людей, наделенных ответственностью за проведение политики в мире, над которым нависла опасность. (Правда, 19 мая, 1983г.)

без основания отмечает Ерджин, в США произошло ослабление антикоммунизма, что сделало возможным установление новых отношений с Советским Союзом — непрочной разрядки (tentative detente). По мнению Ерджина, это означало снова отход от "рижских аксиом" и возвращение к "ялтинским аксиомам" в отношениях с Советским Союзом (30, с. 409).

Бил Померой в опубликованной в органе Коммунистической партии Великобритании газете "Morning Star", дает высокую оценку книге Ерджина, хотя и указывает на недостатки, свойственные немарксистскому автору. Книгу он считает очень полезной и исключительно актуальной в условиях, когда "противники разрядки" начали опять восстанавливать "рижские аксиомы" в 1978 году (24).

Рей Эллис в органе Коммунистической партии США газете "Daily World", показывая как беззащитно американская пресса в условиях раскручивания антисоветской истерии распространяет ложь о Советском Союзе и других социалистических странах, пришел к такому выводу: "В настоящее время мы являемся свидетелями того, что в капиталистическом мире возрождается пресловутая рижская школа журналистики" (17).

Однако даже многие буржуазные исследователи и журналисты начинают все более отчетливо понимать крайне опасный авантюризм и, в конечном счете, бесплодность новейших попыток наиболее реакционных кругов США навязать свою волю странам социалистического содружества и другим государствам, ибо их силы за прошедшие годы, ставшие более могущественными, продолжают расти. Провал разработанных по заданию американского империализма агрессивных принципов внешней политики в отношении СССР в оформлении которых активное участие принимали сотрудники бывшей дипломатической миссии США в Риге, является наглядным историческим уроком.

Список литературы

1. Арбатов Г.А. Размышления по поводу юбилея: (к 50-летию установления дипломатических отношений между СССР и США //США - экономика, политика, идеология.- 1983.-№11.-С.3-15.
2. Егорова Н.И. Советско-американские отношения послевоенного периода в буржуазной историографии США.- М., 1981. - 188 с.
3. Загладин Н.В. Антисоветизм в глобальной стратегии империализма США. - М., 1981. - 284 с.
4. Иванов В., Леонян В. В интересах народов: К вопросу об установлении дипломатических отношений между СССР и США в 1933 г. - М., 1957. - 168 с.
5. Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. - М., 1982. - 270 с.
6. Петровский В.Ф. Доктрина "национальной безопасности" в глобальной стратегии США. - М., 1980. - 335 с.
7. Цветков Г.Н. Шестнадцать лет непризнания: Политика США в отношении Советского государства в 1917-1933 гг. - Киев, 1971. - 244 с.
8. Цветков Г.Н. Политика США в отношении СССР накануне второй мировой войны. - Киев, 1933. - 192 с.
9. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции.- М., 1981.- 230с.
10. Штейнберг В.А. джентельмены в Латвии (1917-1920): Тайное и явное в политике Запада. - Р., 1983. - 237 с.
11. Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт: человек и политик: Новое прочтение. - М., 1981. - 414 с.
12. Яковлев Н.Н. Эксперт по России Джордж Ф. Кеннан и уроки истории // История СССР. - 1960. - № 5. - С. 195-209.
13. Andersons E. Latvijas vesture, 1920-1940: Ārpolitika, I.- Stokholma, 1982.- 704 lpp.
14. Bohlen Ch.S. Witness to history, 1929-1969.- N.Y., 1973.- 562 p.
15. Containment: Documents on American policy and strategy, 1945-1950 /Ed. by T.Etzold, J.Gaddis.- N.Y., 1978.

16. Dallin A. Osteuropaforschung in der Vereinigten Staaten //Osteuropa.- 1982.- N 8.- S. 625-644.
17. De Santis H. The diplomacy of silence; The American Foreign service, the Soviet Union and the Cold War, 1933-1947.- Chicago; L., 1980.- 270 p.
18. Ellis R. The thicker the lies // DailyWorld.- 1980.- Aug. 28.- P. 17.
19. Gaddis J.L. Russia, the Soviet Union and the United States: An interpretative history.- N.Y. etc., 1978.- 309p.
20. Garrison J., Shivpuri P. The Russian threat: Its myths and realities.- L., 1983.- 334 p.
21. Grant N. The Russian section, a window on the Soviet Union //Diplomatic History.- 1978.- N 2.- P. 107-115.
22. Harrington F. Kennan, Bohlen and the Riga axioms //Diplomatic History.- 1978.- N 2.- P. 423-437.
23. Kennan G. Memoirs, 1925-1950.- Boston; Toronto, 1967.- 583 p. .
24. Maddux T.R. Years of estrangement: American relations with the Soviet Union, 1933-1941.- Tallahassee, 1980.-238p.
25. Pomeroy B. View from Riga or view from Yalta? //Morning Star.- 1978.- July 6.
26. Richman J. The United States and the Soviet Union: the decision to recognise. - North Carolina; Raleigh, 1980.- 287 p.
27. Talbot S. Social issues //The making of America's Soviet policy /Ed. by J.S.Nye, Jr.- New Haven; L., 1984.- P.183-205.
28. Tolstoy N. The victims of Yalta.- L. etc., 1980.- 496p.
29. Wettig G., Yergin D. Der zerbrochene Frieden... //Osteuropa.- 1980.- N 10.- S. 1151-1152.
30. Yergin D. Riga //The Atlantic Monthly.- April.- P.15-22.
31. Yergin D. Shattered peace: The origins of the cold war and national security state.- Boston, 1977.- 526 p.
32. Yergin D. Der zerbrochene Frieden: Der Ursprung des kalten Krieges und die Teilung Europas.- Frankfurt a.M., 1979.- 480 S.

VĀCIJAS ĀRPOLITIKA UN ATTIECĪBAS AR BURŽUĀZISKO LATVIJU 20. GADU I. PUSĒ.

Sarežģītā ārpolitiskā situācija, kādā atradās sa-
kautā pēckara Vācija pēc Versaļas miera, nemazināja
tās valdošo aprindu ārpolitiskos centienus atgūt Vā-
cijas "dabisko" lielvalsts statusu savu revanšistis-
ko plānu tālākai realizēšanai. Tomēr, pārdzīvojuši
notiektu evolūciju, kā arī pārmantodama un pārstrādā-
dama ķeizarkās Vācijas idejiski politisko mantoju-
mu ārējās politikas izveidē, vācu ārpolitikai, tiklab
idejiski kā praktiski pēc Versaļas līguma vajadzēja
atteikties no atklātajām imperiālistiskajām preten-
zijām uz pasaules kundzību. Tā vietā tādā tai va-
jadzēja izmantot tās iespējas, kādas viņai pieļāva
valstis uzvarētājas. Šīs iespējas gan īpaši palieli-
nājās pēc Lokarno līgumu noslēgšanas. 1925. g. 1. decem-
brī, kas izmainīja un nostabilizēja Vācijas vietu un
nozīmi pasaules imperiālisma sistēmā. Uzvarot šo li-
gumu piekritēju viedoklim Veimāras republikas ār-
politiskajā vadībā, Vācija pakāpeniski izvirzījās par
imperiālisma galveno perspektīvo pretpadomju spēku
Eiropā.

Šādā politisko spēku izvietojumā, Lokarno līgumi
sāka iespaidot arī jau zināmā mērā par tradicionālu
kļuvušo proantantisko, galvenokārt proanglisko orien-
tāciju, kas bija Baltijas buržuāzisko valstu politis-
ko attiecību realizēšanas pamatā. Savukārt Vācijā pēc
Lokarno arvien vairāk tika pastiprināti akcenti da-
žādu "austrumpolitikas" ideologu koncepcijās, kuri gu-
va lielu piekrišanu ne tikai buržuāzijas sabiedriski
politiskajā domā, bet arī valdības aprindās.

Te jāatzīmē, ka vācu ārpolitikas vadlīnijas Aus-
trumeiropā, tajā skaitā buržuāziskajā Latvijā, isrie-

tēja no Vācijas ārpolitiskā resora nostādnes par politiku Centrālajā un Austrumeiropā kopumā. To raksturoja tā loka Vācijas ārlietu ministrs G. Štrēzemanis, izvirzot tēzi par t.s. "vācu cerības" piepildīšanos, kura īstenotos, ja tiktu izveidota valsts, "kuras politiskās robežas aptvertu visas vācu tautas daļas, kas apdzīvo Viduseiropu /I/ un vēlas pievienoties Vācijai" /2/.

Nosacīti sašaurinot savas politikas mērķus un izvirzot tai jaunus konkrētus uzdevumus pēc Lokarno, G. Štrēzemanis norādīja uz vācu t.s. "austrumpolitikas" /"Ostpolitik"/ galveno virzību - neuzņemties nekādas saistības, kuras Vācijai liktu atzīt pastāvošās robežas austrumos. Pat iestāšanās Teutu Savienībā, atzīmēja šis vācu valdītājs, "neizslēdz kara iespēju" /3/.

Tomēr, apzinoties sava militārā spēka vājumu, pietiekami precīzi izprotot reālo situāciju un novērtējot tos līdzekļus, kādi bija tā laika Vācijas politikas rīcībā, G. Štrēzemanis galveno akcentu lika uz tādu politiski diplomātisko attiecību izveidošanu, kuras galarezultātā varētu novest pie jūtamas Vācijas ietekmes palielināšanās Austrumu un Centrālajā Eiropā šajā laika posmā. /4/

Svarīga vieta šeit neapšaubāmi ir piešķirama arī Vācijas nostājai pret buržuāzisko Latviju, noformējot abu valstu saimnieciskās attiecības juridiskā līgumā. Te jāatzīmē, ka politiski diplomātisko attiecību izveide šajā laikā bija gandrīz vienīgais ceļš, atskaitot ekonomisko, kā Vācija varēja likt pamatus savai politikai ne tikai buržuāziskajā Latvijā, bet arī tās kaimiņvalstīs /izņemot Poliju un Lietuvu, kuras Vācija jau centās saulaut ar ekonomisko līdzekļu palīdzību/. Tādējādi līdz galam nenokārtotās attiecības ar Latviju izvirzījās par diezgan nozīmīgu problēmu vācu ārpolitiskā resora darbības laukā.

Nepieciešams atzīmēt, ka gan Vācijai, gan buržuāziskajai Latvijai jautājums par visaptverošu tirdzniecības līguma noslēgšanu, kurā ietvertu sevi tā laika abu valstu

attiecību aktualākos momentus, un proti, tirdzniecību, norēķināšanos par karā radītajiem zaudējumiem Latvijai no vācu puses un arbitražu, bija vienlaikus tikpat svarīgs, cik grūts un sarežģīts.

Buržuāziskajā Latvijā Veimāras republikas politiskā ietekme pirmajos pēckara gados praktiski bija maznozīmīga. Tikai ar divdesmito gadu vidu krasāk iezīmējās Vācijas centieni nostiprināt savas ekonomiskās un arī politiskās pozīcijas Baltijas valstīs. Kaut arī Vācija pēc sakāves pirmajā pasaules karā ātri atjaunoja savu ekonomisko potenciālu, un, balstoties uz to, centās veidot savu politiku ar mazajām valstīm Austrumbaltijā, konkrētajā laika posmā, t. i., 20. g. I. pusē. Vācijai bija jārēķinās ar virkni faktoru, kuri apgrūtināja tās politikas realizēšanu.

Pirmkārt, Veimāras Vācija nevarēja panākt efektīvu savas ietekmes palielināšanu Baltijas buržuāziskajās valstīs, jo tās visos virzienos orientējās uz Antanti, galvenokārt Angliju. Risinot praktiski nozīmīgākos jautājumus starpvalstu attiecībās, tās pamatos centās noskaidrot angļu politikas viedokli un pieslieties tam. Situācija sāka izmainīties tikai Lokarno līgumu sagatavošanas fāzē, kā arī pēc tam, jo Anglijas nostāja kļuva labvēlīgāka Vācijai. Tad arī buržuāziskās Latvijas valdošajās aprindās parādījās tendences, kas liecināja, ka sākas lēna piemērošanās šai Anglijas pozīcijai /5/.

Otrkārt, liela nozīme vācu ārpolitikā Austrumeiropā bija PSRS faktoram. Pret PSRS agresīvi noskaņotajām Antantes lielvalstīm 1925. g. neizdevās pilnībā panākt Vācijas iekļaušanos Lokarno pretpadomju politiskajā kursā. Šajā situācijā vācu aktivizēšanos Austrumbaltijas reģionā Padomju Savienība varēja novērtēt kā mazāko ļaunumu. Taču, ņemot vērā to, ka PSRS mierīgās līdzaspastāvēšanas politika nebija savienojama ar paša Vācijas imperiālisma reakcionārajiem plāniem šajās te-

ritorijās, tad Vācijai tā vai citādi vajadzēja sadurties ar Padomju valsts pierīgās līdzaspastāvēšanas pozīciju attiecībā pret Baltijas valstīm.

Treškārt, Vāciju nevarēja apmierināt dažādie bloku un savienību, gan formālo, gan neformālo izveidošanas mēģinājumi Baltijas valstu starpā, kaut arī tiem bieži vien bija klaji vēsta pretpadomju ievirze. Kā zināms, galveno pretpadomju hegemonu lomu šādās savienībās tā vai citādi gribēja uzņemt Polija. Vācijai bija nevēlama tālāka Polijas ietekmes palielināšanās Baltijas valstīs. Polija tieši tobrīd bija vacu ārpolitisko pretenziju ievērojamākais objekts /6/. Tādējādi divdesmito gadu vidū vacu ārpolitiskajā resorā tika izvirzīts viedoklis, ka pret Vāciju veidojās izteikti vērstas savienības joslā no Rīgas līdz pat Bukarestei. Kā tādas tās arī tika noraidītas /7/ Veimāras republikas ārpolitiskajās aprindās.

Ceturtkārt, liela loma vacu ārpolitiskajos plānos tika atvēlēta vacu minoritātēm, tajā skaitā Latvijā dzīvojošajiem baltvāciešiem. Viņu uzdevums t. s. "vācietības politikas" (Deutschumpolitik) ietvaros bija stiprināt Vācijas ekonomisko un politisko ietekmi šajā zemē. Protams, vacu imperiālisma cerībām bija zināms pamats. Taču attiecīgajā laika sprīdī efektīva Baltijas vāciešu izmantošana šo ieceru sasniegšanai bija apgrūtināta. No vienas puses to noteica vēsturiskais mantojums, resp. 700 gadu ilga vacu kundzības jūgs un pavisam svaigā tautas atmiņā esošie Bermonta un fon der Golca avantūras politiskie mērķi Latvijā, no otras puses - baltvacu vēlme izmantot oficiālo Berlīni kā atbalstu viņu politikai pret buržuāzisko Latviju. Jāatzīmē, ka, vēsturiski izveidojušais negatīvais noskaņojums lielākajā daļā Latvijas iedzīvotāju sociālpsiholoģiskajā apziņas līmenī un izpausmes, Vācijā ar masu informācijas līdzekļu palīdzību tika slimīgi saasināts, radot augsni dažādām revanšistiskām spekulācijām labējo spēku vidū /8/. Arī Vācijas ārlietu ministrija šos

jautājumus šķietami visā nopietnībā apsprieda gluži līdzīgā garā /9/.

Šādi isumā bija tie nosacījumi, kā ietvaros, vai arī tos laužot, Veimāras republikas ārpolitiskajai vadībai vajadzēja īstenot savus nodomus buržuāziskajā Latvijā, slēdzot noteiktus darījumus.

Svarīgākais notikums abu valstu attiecībās divdesmito gadu I. pusē (bez diplomātisko sakaru nodibināšanas) bija atjaunotās sarunas par tirdzniecības, norēķināšanās un arbitražas līgumiem, kurās jau piecus gadus (kopš 1920. g.) nebija manāms nekāds progress. Tiesiskais pamats šādam nolīgumam bija pagaidu vienošanās par attiecību atjaunošanu starp Vāciju un Latviju, kas tika noslēgts 1920. g. 15. jūlijā. Tiesa gan, tajā abu valstu ekonomiskās attiecības tika skartas tikai pašos minimālākajos apmēros /IO/. Uz šī līguma balstījās arī 1922. g. 27. martā panāktā vienošanās par vislielākās labvēlības principa ieviešanu abu valstu tirdzniecībā un abpusēju akciju sabiedrību u. c. rakstura sabiedrību atzišanu. Taču arī šī vienošanās bija spēkā tikai trīs gadus, pie tam tai nebija arī izvērstā, visu interesējošo problēmu aptveroša rakstura.

Tādēļ, kā Vācijā tā buržuāziskajā Latvijā, tuvojoties šā termiņa noslēgumam, arvien biežāk tika meklēti varianti, kas varētu novest pie tirdzniecības līguma noslēgšanas, turklāt abas puses cerēja no tā iegūt arī politiskas priekšrocības.

Tādos apstākļos, 1924. g. decembrī, atkal uzņemoties ārlietu ministra posteni, buržuāziskās Latvijas tā laika redzamākais diplomāts Z. Meierovics bija spiests paziņot, ka Vācijas-Latvijas attiecības atrodas stagnācijas stāvoklī un nav nekāda progressa "ne norēķinu, ne tirdzniecības līguma lietā" /II/. Vācija uzskatīja, ka vilcināšanās un vaina par šādām ilgstoši nenokārtotām attiecībām jāuzņemas Latvijas pusei. "Pārsvērā tie ir politiskie motīvi, kas vainojami pie līguma noslēgšanas aizka-

vēšanas", atzīmēja tā laika baltvācu cilmēs pētnieks Dr. H.-J. Zerafims (Seraphim) no Breslavas Austrumeiropas pētišanas institūta /I2/. Šī autora uztverē buržuāziskās Latvijas politiku lielākajā daļā gadījumu noteica jau minētā "noraidošā attieksme pret visu vācisko", kā arī tas, ka "no otras puses domāja (t.i., buržuāziskajā Latvijā - M.V.), ka tādā veidā varēs labāk pakalpot Anglijai, uz kuras labvēlību tika likta liela nozīme, ja /Latvijas/ gan iekšpolitiskā, gan ārpolitiskā uzstāšanās būs naidīga Vācijai" /I3/.

Taču faktiski šīla stāvokļa izraisītāja bija Vācijas nostāja jautājumā par norēķināšanos ar buržuāzisko Latviju par vācu izdarītajiem postījumiem I. pasaules kara laikā. Šie postījumi savā kopsummā sasniedza 250 miljonu zelta marku /I4/ (pēc citiem aprēķiniem 130 milj. vācu marku) /I5/ un to izmaksāšana bija paredzēta 1920.g. 15. jūlija pagaidu līgumā par sakaru atjaunošanu starp Vāciju un Latviju /I6/.

Jautājuma risināšana ieilga, jo Vācija gribēja piespiest buržuāziskās Latvijas valdību piekrist vācu variantam par norēķināšanās prasību izslēgšanu no sarunu darba kārtības /I7/. Šādā gadījumā Vācijas valdība izteica solījumu izmaksāt atlīdzību vācu pilsoņiem-baltvācu baroniem par buržuāziskajā Latvijā atņemtajiem īpašumiem. Vācijas proponētā summa sasniedza 7 milj. vācu marku. Šis moments skaidri liecina, cik augstu vācu politiķi vērtēja buržuāziskās Latvijas līdztiesību, "patstāvību" un "respektablumu".

Skaidri saredzamā disonanse norēķinu summās bija tas, kas buržuāziskās Latvijas valdību spieda novilcināt sarunu gaitu. Tādēļ ne mazāk liekulīga ir jau minētā Zerafima brīnīšanās, kāpēc Vācijai, kas ir Latvijas tuvākā kaimiņiene un svarīga arī kā ekonomiska partnere, tomēr piedzīvo šāds stāvoklis (resp. netiek izpildītas bez ierunām vācu prasības - M.V.) /I8/.

Jādoma, ka buržuāziskās Latvijas valdošās aprindas labi saprata ekonomisko attiecību ar Vāciju vērtību kapitālistiskās sistēmas ietvaros. "Lieki aizrādīt uz lielo nozīmi, kas piešķiramā tirdzniecības līgumam ar Vāciju, kura ir /ne tik vien/ mūsu galvenā importzeme, bet iepem arī ievērojamu vietu mūsu eksportā", atzīmēts pārskatā par ārlietu ministrijas darbību 1925. gadā /19/.

Tāpēc arī, nemitīga spiediena rezultātā vācu ārlietu ministrijas austrumnodaļas vadītājam E. Wallrotam (Wallroth) un tās pārstāvim norēķināšanās jautājumā V. Krullam (Crull) izdevās panākt savu nodomu īstenošanu Latvijas ārlietu ministra Meierovica vizītes laikā Berlīnē 1925. g. 2. - 4. jūlijā. Tika panākta vienošanās par t. s. "papildu līguma" ("Zusatzvertrag") pie 1920. g. 15. jūlija līguma un "nobeiguma" protokola ("Schlussprotokoll") noslēgšanu, kuros tika fiksēta, ka abu valstu prasības ir apjomos vienādas un tāpēc jāuzlūko par spēkā neesošām. Neapšaubāmi, ka tas bija liels vācu politikas ieguvums un kā tāds tika arī novērtēts /20/.

Vienlaicīgi, kad norisinājās sarunas par šiem strīdīgajiem jautājumiem ap tirdzniecības līgumu, pastiprinājās Vācijas politiskā aktivitāte buržuāziskajā Latvijā. Tika izmantoti tiklab oficiālie, t. i., diplomātiskie kanāli, kā arī citas iespējas. Jau 1925. gada februārī uz Vācijas interešu pieauguma Austrumbaltijas reģionā norādīja Latvijas sūtnis Vācijā O. Voits /21/.

Īpaša loma vācu politikā buržuāziskajā Latvijā bija atvēlēta vācu presei. Šajā laika periodā aktivizējās vācu žurnālistu darbība Rīgā. Tā, jau gada sākumā buržuāziskās Latvijas ārlietu ministru Z. Meierovicu zondāžas nolūkos apmeklēja ievērojamo "Vossische Zeitung" un "8 Uhr-Arbeitsblatt" Parīzes speciālkorespondents Arveds Arenštams (Arenstamm): /22/. Raksturīgi, ka Vācijas prese šajā laikā novērtēja Baltijas valstu ārpolitisko līniju un deva tai savu novēlējumu turināties Vācijai /23/.

Gandrīz visu gadu bija vērojama arī aktīva vācu publicistu darbība, galvenokārt buržuāziskās Latvijas ekonomiskajā literatūrā. Tika laisti klajā dažādi raksti, aplūkoti Latvijas-Vācijas saimnieciskās attiecības un to perspektīvas. Autoru vidū bija tādi ievērojami politiķi un ekonomisti kā Vācijas sūtnis Latvijā no 1923. līdz 1929. gadam Dr. A. Kēsters /Köster/ un plaši pazīstamais ekonomists, profesors V. Zombarts /Sombart/ /24/.

Pastiprinājās arī buržuāziskās Latvijas ekonomisko un politisko apstākļu izlūkošana. Tā, piemēram, Vācijas ārlietu ministrijas uzdevumā Latviju apmeklēja Kēnigbergas universitātes profesors un lauksaimniecības kameras priekšsēdētājs E. Mēnke /Mönke/, bet Vācijas sūtniecībā Rīgā izveidoja īpašu ekonomisko apakšnodaļu /25/. Tika vākta oficiālā /caur buržuāziskās Latvijas ārlietu ministriju/ un neoficiālā /ar baltvācu starpniecību/ informācija par Latvijas ekonomiku un politiku. Palielinājās vācu rūpniecisko aprindu ieinteresētība: dažas firmas sāka interesēties par iespējām kļūt par galvenajiem ierīču un materiālu piegādātājiem Latvijas dzelzceļam un kara aviācijai /26/.

Kopumā Vācijas politikā buržuāziskajā Latvijā šajā laika posmā iezīmējās vēlēšanās iegūt pēc iespējas pilnīgāku informāciju par Latvijas ekonomikas potenciēm un iespējamajām vācu kapitāla ieguldīšanas sfērām. Vērojami arī pirmie izteiktie mēģinājumi Baltijas valstu, to vidū Latvijas politiskās orientācijas izmainīšanā. Neapšaubāmi liela loma šādai vācu aktivitātes pieaugšanai bija Lokarno nolīgumiem. Kā atzīmē rietumvācu vēsturnieks K. H. Grundmanis /Grundmann/, tad "Vācija pēc Lokarno ieguva tādu nozīmi nomaļvalstīs /resp. - arī Latvijā- M. V. /kādu pēc pazaudētā kara iznākuma gandrīz neviens neuzskatītu par iespējamu" /27/. Līdz ar to 20. gadu vidus daudzējādā ziņā uzskatāms par izšķirošo momentu Vācijas - Latvijas attiecību tālākajā gaitā.

P i e z i m e s

- 1 Vaciski "Mitteleuropa" - šajš gadījums, kā arī vēlāk, ar šo jēdzienu izprata valstu joslu, sākot no Somijas līdz Balkāniem. Tāda pašā nozīmē tika lietots jēdziens "Ost - mitteleuropa" - resp. Austrumu un Centrālā Eiropa.
- 2 Dokumente zur deutschen Geschichte. Herausgegeben von W. Ruge und W. Schumann. - Berlin, 1975. - S. 35.
- 3 Aus der Rede von G. Stresemann vor der Arbeitsgemeinschaft Deutscher Landsmannschaften am 14. Dezember 1925 über die Grundfragen der Locarno-Politik Deutschlands // Weltherrschaft im Visier. Dokumente zu den Europa- und Weltherrschaftsplänen des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis Mai 1945. - Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1975. - S. 35.
- 4 Turpat.
- 5 Latvijas PSR Centrālā Valsts vēstures arhīva materiāli /turpmāk: LPSR CVVA/
- 6 Doss K. Zwischen Weimar und Warschau. Ulrich Rauscher, Deutscher Gesandte in Polen, 1922 - 1930. Eine politische Biographie. - Düsseldorf: Droste, 1984. - 143 S.
- 7 Grundmann K. - H. Deutschtumspolitik zur Zeit der Weimarer Republik: Eine Studie der deutsch-baltischen Minderheit in Estland und Lettland. - Hannover-Döhren: Harro von Hirschheydt, 1977. - S. 701.
- 8 LPSR CVVA, Sk. arī: Deutsche Zeitung. - 1925. - 11. Mai.
- 9 Grundmann K. - H. Op. cit.
10. Pagaidu līgums par sakaru atjaunošanu starp Latviju un Vāciju. - B. v., 1920. gada 15. jūlija.
- 11 Jaunākās Zīpas. - 1924. - 23. dec.
- 12 Seraphin H. - J. Die baltischen Staaten. Lettland und Estland. - Breslau: Marcus, 1927. - S. 342.
- 13 Ibid.

- 14 LPSR CVVA.
- 15 Grundmann K.-H.Op.cit. - S.342.
- 16 Pagaidu ligums par sakaru atjaunošanu ... - 5.pants.
- 17 LPSR CVVA.
- 18 Seraphim H.-J.Op.cit. - S.342.
- 19 Latvijas Ārlietu ministrija. Ārlietu ministrijas darbība 1925.gadā. - Rīga: Valsts tipogrāfija, 1926.-75.lpp.
- 20 LPSR CVVA.
- 21 Turpat.
- 22 Brīvā Zeme. - 1925. - 10.janv.
- 23 LPSR CVVA.
- 24 Latvijas Tīrgotājs. - 1925. - Nr.4; Konjunkturberichte.- 1925. - Nr.164.
- 25 LPSR CVVA.
- 26 Turpat.
- 27 Grundmann K.-H.Op.cit.- S.338.

L. Elsner

ZUR FORDERUNG DER DEUTSCHEN REGIERUNG NACH
ENTSCHÜDIGUNG DER DEUTSCH-BALTISCHEN GROSS-
GRUNDGESITZER WAHREND DER HANDELSVERTRAGS-
VERHANDLUNGEN MIT BALTISCHEN STAATEN IN DEN
20ER JAHREN

Auf den in den letzten Jahren in Riga durchgeführten wissenschaftlichen Konferenzen wurden mehrere Beiträge gehalten, die das von mir gewählte Thema berühren. Auf der diesjährigen (1983) Konferenz hat M. Virsis interessante Ausführungen gemacht über den deutsch-lettischen Vertrag von 1926. In der in der DDR erschienenen Literatur wurde diese Thematik bisher nicht behandelt. Mein Beitrag stützt sich vor allem auf die im Zentralen Staatsarchiv Potsdam befindlichen Akten des Auswärtigen Amtes, die die in der BRD publizierten "Akten zu deutschen auswärtigen Politik 1919-1945" in wesentlichen Fragen ergänzen.

Einleitend sei generell festgestellt, dass die deutschen Regierungen der Weimarer Republik, unabhängig von ihrer parteipolitischen Zusammensetzung, sich für die Interessen der durch die bürgerlichen Agrarreformen in baltischen Staaten enteigneten deutsch-baltischen Gutsbesitzer einsetzten. Das entsprach dem Wesen des bürgerlich-junkerlichen Imperialismus genauso wie die Erhaltung des Grossgrundbesitzes in Deutschland selbst, wie die Sanierung der ostelbischen Grossagrarier mittels der Osthilfe, durch agrarprotektionistische Zollpolitik usw. Bei allen Meinungsverschiedenheiten zwischen verschiedenen Ministerien in Einzelfragen muss gesagt werden, dass die deutsche Regierung gegenüber den baltischen Ländern aus politischen Gründen bemüht war, die Forderung nach Entschädigung der enteigneten deutsch-baltischen Gutsbesitzer durchzusetzen und, bei aller Differenzierung im Vorgehen gegenüber einzelnen baltischen Staaten, jedes sich bietende Druckmittel dafür nutzte. Das entsprach den Bestrebungen der herrschenden Kreise Deutschlands, den Einfluss des deutschen Imperialismus auf die baltischen Länder insgesamt zu erhöhen und antisowjetische, auch antipolnische Zielsetzungen zu realisieren. Das sollte nicht zuletzt mit Hilfe der Stär-

kung der deutschen Minderheit in den baltischen Ländern geschehen. Wir gehen im folgenden auf die entsprechenden Beziehungen Deutschlands zu Lettland und Estland ein.

Eine wesentliche Voraussetzung für die Aufnahme geregelter Handelsvertragsbeziehungen zwischen Deutschland und den baltischen Staaten bildete der Abschluss der sogenannten Ausgleichsverträge, d.h. die Einigung der beteiligten Staaten über die Verrechnung der durch Krieg und Okkupation entstandenen Schäden und Verpflichtungen. Es konnte am 15.7.1920 zwischen Deutschland und Lettland zwar der Vertrag über die Wiederaufnahme der beiderseitigen Beziehungen geschlossen werden, in dessen § 4 sich beide Seiten die Meistbegünstigung im Handelsverkehr zusicherten. Jedoch der am 27.3.1922 unterzeichnete Handelsvertrag wurde nicht ratifiziert, nicht zuletzt deswegen, weil der Ausgleichsvertrag nicht unterzeichnet werden konnte wegen bestehender Meinungsverschiedenheiten. Die deutsche Regierung war am Abschluss des Handelsvertrages interessiert, aus wirtschaftlichen und politischen Gründen. Der Referent einer am 26.1.1921 im Reichwirtschaftsministerium stattfindenden Ressortberatung¹ stellte fest: "Es ist also für unsere gesamte Volkswirtschaft von grösster Bedeutung, dass in Lettland ein wirtschaftlich starkes und einflussreiches deutsches Element vorhanden ist." Bei den bis dahin durchgeführten Beratungen habe als oberster Leitsatz gegolten, "dass Lettland vielleicht das wichtigste Vorgelände bzw. der wichtigste Durchgangspunkt ist für den zukünftigen Handelsverkehr mit Russland und dass es daher erforderlich ist, möglichst bald geordnete wirtschaftliche Beziehungen mit Lettland zu schaffen."

Natürlich hat auch die Zunahme des Warenverkehrs zwischen Deutschland und Lettland in den folgenden Jahren die Forderung nach geregelten Handelsvertragsbeziehungen verstärkt. Immerhin betrug der deutschen Statistik zufolge im Jahre 1925 der Wert der aus Deutschland nach Lettland eingeführten Waren rund 53 Millionen RM, während die Ausfuhr aus Lettland nach Deutschland Waren im Werte von 57 Millionen ausmachte. Nach der lettischen Statistik betrug 1925 der Export nach Deutschland 22,6 % der lettischen Gesamtausfuhr, der Import aus Deutschland 41 % der Gesamteinfuhr. Während Deutschland aus Lettland vor allem Lebensmittel und Rohstoffe importierte, exportierte es besonders Fertigwaren in dieses Land.

Wesentliche Voraussetzung für den Abschluss des Handelsvertrages vom 28.6.1926³, mit dem sich beide Seiten die uneingeschränkte Meistbegünstigung in den Handels- und Wirtschaftsbeziehungen zugestanden, bildete der am gleichen Tage abgeschlossene Ausgleichsvertrag. In diesem Vertrag musste Lettland auf seinen Anspruch, die von deutschen Truppen während der Okkupation im ersten Weltkrieg verursachten Schäden ersetzt zu erhalten, verzichten. Deutschland verzichtete dafür darauf, die Forderung nach der Entschädigung der in Lettland enteigneten deutschen Gutsbesitzer zu stellen und nahm in der Folgezeit diese Entschädigung selbst vor. Dieses sogenannte Abrechnungsabkommen wurde, wie erwähnt, nicht ratifiziert und nicht veröffentlicht, und zwar, einer Aufzeichnung im Auswärtigen Amt zufolge⁴, "um nicht durch eine Erörterung der Entschädigungsfrage für die sogenannten "baltischen Barone" in der Öffentlichkeit unnötige Beunruhigung hervorzurufen". Es wurde dem Reichstag und den deutschen Werktätigen auch verschwiegen, dass bis 1930 die deutsche Regierung über 7 Millionen RM Entschädigung für die in Lettland enteigneten deutschen Grossgrundbesitzer gezahlt hat!

Nach den uns zugänglichen Archivalien zu urteilen hat die deutsche Regierung die Forderung nach Entschädigung der enteigneten deutschen Grossgrundbesitzer am intensivsten gegenüber Estland gestellt, dabei alle möglichen Druckmittel nutzend. Bei allen Verhandlungen, die in den 20er Jahren um die Gestaltung der Wirtschafts- und Handelsbeziehungen zwischen Deutschland und Estland geführt wurden, hat die deutsche Regierung diese sogenannte Agrarentschädigung verlangt. Späteren Angaben des Auswärtigen Amtes zufolge ging es bei dieser Entschädigung um jene durch die estnischen Agrargesetze von 1919 und 1926 enteigneten Grossgrundbesitzer, von denen 24 schon 1919 die deutsche Staatsbürgerschaft besaßen, während weitere 103 diese deutsche Staatsbürgerschaft in den Jahren 1919 bis 1926 erwarben. Für diese sogenannten "Altreichsdeutschen" und die "Neureichsdeutschen" wurde seitens der deutschen Regierung eine Entschädigung von pauschal 18 Millionen RM gefordert⁵.

Ehe Deutschland die Republik Estland im Jahre 1921 anerkannte, ehe der Ausgleichsvertrag vom 27.6.1923 abgeschlossen wurde sowie ein vorläufiges Wirtschaftsabkommen⁶, ver-

langte das Auswärtige Amt von der estnischen Regierung die Regelung der Agrarentschädigung, auch der Valutafrage "in einer die deutschen Interessen befriedigenden Weise"⁷. Zunächst wurde auch die diplomatische Anerkennung vor Abschluss eines Wirtschaftsabkommens abgelehnt, da, wie das Auswärtige Amt erklärte, "wir damit das Hauptdruckmittel für die Durchführung der Verhandlungen aus der Hand geben würden"⁸. Schliesslich, nachdem andere Staaten Estland anerkannt hatten und das erwähnte Druckmittel nicht mehr stark genug schien, erklärte sich das Auswärtige Amt am 13.4.1921 mit der diplomatischen Anerkennung Estlands einverstanden unter der Bedingung, dass zuvor die Entschädigungsfrage geregelt würde⁹. Mehrere Gründe waren es, die das Auswärtige Amt von dieser Forderung abgehen liessen. Die deutsche Industrie verlangte massiv den stärkeren Zugang zum estnischen Markt¹⁰; zudem konnte nicht übersehen werden, dass Estland Ende 1921 Anfang 1922 Handelsverträge mit Finnland und Frankreich abschloss und nach der diplomatischen Anerkennung durch Deutschland nicht bedingungslos zu Gegenleistungen bereit war. Schliesslich bewogen auch politische Gründe die deutsche Regierung zunächst zum Nachgeben; eine am 4.7.1922 durchgeführte interministerielle Beratung¹¹ stellte fest, dass ein estnischer Verhandlungsvorschlag aus politischen Gründen "unter keinen Umständen" abgelehnt werden dürfe. Diese Haltung war vor dieser Beratung wie folgt begründet worden: "Auf der Seite müssen wir aber berücksichtigen, dass sich unser Verhältnis zu Litauen und Lettland gegenwärtig mit Rücksicht auf die von diesen Staaten gestellten Forderungen, seitens Litauen in der Währungsfrage und Lettlands in der Bezahlung der Kriegsschäden, nicht sehr günstig gestaltet hat und dass es in unserem Interesse liegt, den Versuch zu machen, mit dem Dritten der Randstaaten, Estland, zu einem besseren Arrangement zu kommen"¹². Als der Abschluss des Handelsvertrages mit Litauen gesichert erschien, orientierte das Auswärtige Amt in einer Beratung vom 5.2.1923 darauf, "auf dem Wege der Durchbohrung des um Russland gelegten Randstaatengürtels forzu-schreiten und auch die Differenzen mit Lettland und Estland zu beseitigen"¹³.

Nach Unterzeichnung der genannten Verträge von 1923 war die deutsche Regierung bestrebt, die Frage der Entschädigung

der enteigneten deutschen Gutsbesitzer mit der Vorbereitung des Handelsvertrages zu verbinden. In diesem Sinne war auch eine von der Mehrheit des Reichstages am 28.6.1924 angenommene Entschliessung¹⁴ gehalten.

Auch andere Forderungen behinderten das Zustandekommen der Handelsvertragsverhandlungen. So forderten z.B. grossindustrielle Interessenvertretungen, wie der Reichsverband der Deutschen Industrie am 14.11.1925¹⁵ und der Verein Deutscher Eisen- und Stahlindustrieller in einer Eingabe vom 23.11.1925¹⁶, Estland über die Anerkennung des Prinzips der Meistbegünstigung hinaus zu weitergehenden Zollzugeständnissen zu bewegen. Die deutsche Regierung hielt im Januar 1926 die Forderung nach gegenseitiger Meistbegünstigung zwar für realer, verlangte aber zugleich den Abschluss eines den Interessen des deutschen Imperialismus entsprechenden Niederlassungsabkommens mit Estland¹⁷. Bald jedoch, nach Abschluss eines deutsch-schwedischen und eines deutsch-finnischen Handelsvertrages, verlangte die deutsche Regierung ebenfalls zolltarifliche Zugeständnisse¹⁸.

Was die Agrarentschädigung betraf, wurde, wie Aussenminister Stresemann am 31.12.1926 schrieb, von der estnischen Regierung gefordert, vor Eintritt in Handelsvertragsverhandlungen eine formelle und bindende Zusage über die Entschädigung der deutsch-baltischen Barone abzugeben¹⁹. Stresemann verlangte, "den enteigneten reichsdeutschen Grundbesitzern unverzüglich volle Entschädigung für das ihnen enteignete lebende und tote Gutsinventar und zugleich in geeigneter Form ein Äquivalent für die ihnen seit der Enteignung der Güter entgangenen Nutzungen zu gewähren". In diesem Sinne äusserte sich Stresemann auch am 25.3.1927 gegenüber dem estnischen Gesandten²⁰.

Besonders vor und während der Verhandlungen um den am 7.12.1928 unterschriebenen Handelsvertrag war die deutsche Regierung bemüht, mittels Druck auf die Regierung Estlands die Agrarentschädigung durchzusetzen. Am 11.2.1928 erklärte das Auswärtige Amt dem deutschen Gesandten: "Darüber allerdings, dass wir den Handelsvertrag nicht schliessen könnten, ohne dass mindestens gleichzeitig die vom Reichstag aufgeworfenen Agrarfrage, wenn auch auf dem Wege einer Pauschallösung, in Ordnung kommt, dürfte ein Zweifel nicht aufkommen"²¹. In der folgenden Zeit wurde gegenüber der estnischen Regierung, die

die Entschädigung der sogenannten "Altreichsdeutschen" begonnen hatte, mehrfach erklärt, dass ein Handelsvertrag wohl unterschrieben, aber nicht ratifiziert würde, sofern die Agrarentschädigung nicht vorgenommen sei²². Auf entsprechende Vorhaltungen des Staatssekretärs im Auswärtigen Amt, von Schubert, am 5. und 6. 10. 1928 sah sich der estnische Außenminister Rebane veranlasst, die Erledigung der Entschädigungsfrage innerhalb von drei Monaten zuzusagen²³. Nach dem Beginn der Handelsvertragsverhandlungen im September 1928 wies das Auswärtige Amt die deutsche Verhandlungsdelegation mehrfach darauf hin, die Verhandlungen abzubrechen oder hinauszuzögern, falls die Entschädigungsfrage nicht schnell geklärt werde. Schliesslich hielt es das Auswärtige Amt, nicht zuletzt, nachdem sich der deutsche Gesandte in Estland gegen eine weitere Verzögerung des Vertragsabschlusses ausgesprochen hatte²⁴, für geboten, die Reichsregierung "nochmals über das Verhältnis des Handelsvertrags zur Frage Agrarentschädigung zu unterrichten und ... festzustellen, ob das Kabinett damit einverstanden ist, dass zwar jetzt unterzeichnet, aber erst dann ratifiziert wird, wenn Agrarentschädigung in Ordnung"²⁵.

Stresemann schlug den Regierungsmitgliedern vor²⁶, den Vertrag zu unterschreiben und die Erledigung der Agrarentschädigung bis zur Ratifizierung zu verlangen. In diesem Sinne beschloss die Reichsregierung am 7.12.1928²⁷: der Leiter der deutschen Verhandlungsdelegation sollte bei Vertragsunterzeichnung auf die für die Ratifizierung gestellte Bedingung, also die Erledigung der Agrarentschädigung, hinweisen. Nach Auffassung des Auswärtigen Amtes sprach für die neuerliche Verknüpfung von Handelsvertrag und Entschädigung der enteigneten deutschen Grossgrundbesitzer die Erwägung, "dass Deutschland aus Prestige Gründen die Entschädigungsansprüche auf die Drohung Estlands mit Maximalzöllen nicht fallen lassen kann, nachdem sie fast 9 Jahre Gegenstand von wiederholten und dringenden Vorstellungen gewesen ..."²⁸

Mit Unterzeichnung des Handelsvertrags am 7.12.1928²⁹ wurde deutscherseits die festgelegte Erklärung zur Agrarentschädigungsfrage abgegeben²⁹.

Zwischen der Unterzeichnung des Handelsvertrages und seiner Ratifizierung, aber auch danach ging die Auseinandersetzung um die Entschädigung der deutsch-baltischen Gutsbesitzer

weiter, wie überhaupt in der Zeit der Weltwirtschaftskrise sich die Meinungsverschiedenheiten zwischen den Regierungen Estlands und Deutschlands verstärkten. Hierzu trug nicht unwesentlich die agrarprotektionistische Zollpolitik Deutschlands bei, das unter den Bedingungen der seit 1927/1928 in ein akutes Stadium eingetretenen chronischen Agrarkrise, im Interesse der Grossagrarien durch Einfuhrbehinderungen und Kontingentierungen die abgeschlossenen Meistbegünstigungsverträge einschränkte. In dieser Situation und angesichts der wachsenden englischen Konkurrenz sah sich das Auswärtige Amt veranlasst, die Forderung nach Agrarentschädigung vor Ratifizierung des Handelsvertrags fallenzulassen. Es befürchtete, dass ein Zollkrieg politische Folgen hätte und Estland nicht nur in handelspolitischer, sondern auch in politischer Beziehung sich vollkommen von Deutschland abkehren ..." wür-
30 . In diesem Sinne hatte auch der deutsche Gesandte in Estland die Trennung von Wirtschaftsbeziehungen und Agrar-entschädigung gefordert: er erklärte, "dass die Agrarentschädigungsinteressen einer Gruppe von Neureichsdeutschen unmöglich die Gesamtheit unserer politischen, wirtschaftlichen und kulturellen Beziehungen zu Estland bestimmend beeinflussen dürfen". Führe die deutsche Regierung fort, die Agrar-entschädigung zur Voraussetzung für die Gestaltung der Beziehungen zu Estland zu machen, so würden damit die Geschäfte "unserer politischen und wirtschaftlichen Gegner und Konkurrenten in Estland" besorgt³¹.

Im Juni 1929 stimmte der deutsche Reichstag mit Mehrheit der Ratifizierung des deutsch-estnischen Handelsvertrages zu. In der Debatten wurden unterschiedliche Positionen vertreten, die klassenmässig begründet waren. Die Fraktion der Deutschnationalen Volkspartei lehnte die Ratifizierung ab, um wie Graf zu Eulenberg erklärte, endlich die Regierung Estlands zu zwingen, ihren Verpflichtungen gegenüber den Auslandsdeutschen gerecht zu werden³². Die Fraktion der KPD wandte sich aus ganz anderen Gründen gegen den Vertrag³³, u.a. weil er nicht die im Interesse der Werktätigen gelegene Einfuhr des billigeren Fleisches und der Butter aus Estland ermöglichte. Zugleich wurde von der KPD darauf hingewiesen, dass die deutsche Regierung jahrelang den Abschluss des Handelsvertrages verzögert hatte, um den deutsch-baltischen Ba-

ronen wieder zu ihrem Eigentum zu verhelfen. Diese Haltung entsprach der grundlegenden Position der KPD, die sich für die entschädigungslose Enteignung der deutsch-baltischen Barone ebenso einsetzte wie für die entschädigungslose Enteignung der Grossagrarier und der Industriemagnaten in Deutschland selbst. Die Mehrheit des Reichstags nahm auf Empfehlung des durch das Auswärtige Amt dirigierten Ausschusses für Auswärtige Angelegenheiten des Reichstags eine Entschliessung³⁴ an, die, wie die Entschliessung von 1924, von der Regierung forderte, bei weiteren Verhandlungen "mit allem Nachdruck" die Interessen der enteigneten Neureichsdeutschen in Estland zu vertreten.

Jahrelang hatte die deutsche Regierung versucht, im Interesse der Grossgrundbesitzer die estnische Regierung zu bewegen, die Agrarentschädigung vorzunehmen. Sie unterstützte damit nicht nur grossagrarische Interessen, sondern förderte auch ihr Vorgehen, z.B. auch durch Erklärungen in der Presse und im Reichstag, die revanchistischen Bestrebungen des deutschen Imperialismus, der, um seine aggressiven Ziele durchzusetzen, sich auch der deutschen Minderheit in den baltischen Staaten bediente. Wenn in späteren Jahren, z.B. während der sogenannten "Butterverhandlungen" zwischen Deutschland und Estland vom Jahre 1934³⁵, deutscherseits die Forderung nach Agrarentschädigung, soweit wir aus den Akten ersehen, nicht mehr gestellt wurde, so dürfte das wahrscheinlich Folge der Errichtung der faschistischen Diktatur in Deutschland sein, einer Diktatur, die die innenpolitische Voraussetzung schaffen sollte, um die aggressive aussenpolitischen Zielsetzung des deutschen Imperialismus nunmehr mit gewaltsamen Mitteln zu realisieren, auch gegenüber dem Baltikum.

Anmerkungen

- 1 Referat ist enthalten in: ZStA Potsdam, Auswärtiges Amt. - N. 64746/1. - Bl. 119 ff.
- 2 Vgl. die amtliche Denkschrift zu dem deutsch-lettischen Handelsvertrag von 1926, // Verhandlungen des Reichstags. - Berlin, 1926. - Bd.410. - Nr. 2608.
- 3 Vertrag veröffentlicht: ebd. ferner // Reichsgesetzblatt (RgBl). - 1926. - II. - S.631.
- 4 Diese Aufzeichnung vom 20.10.1930 // Akten zur deutschen

- auswärtigen Politik 1918-1945. - Göttingen, 1981. - Serie B.-
Bd. XVI. - S.28 ff.
- 5 Vgl. ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr.64169. - Bl.
27 f.
- 6 Beide Verträge // Verhandlungen des Reichstags. - Berlin,
1924. - Bd. 328. - Nr. 8 und 9.
- 7 ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr. 66339. - Bl.29, AA
am 18.2.1921 an deutschen Geschäftsträger in Estland.
- 8 Ebd. - Bl. 35. Rundschreiben des AA vom 17.3.1921.
- 9 Ebd. - Bl. 47. AA am 13.4.1921 an deutschen Geschäftsträ-
ger in Estland.
- 10 Vgl. z.B. ebd. - Bl.58 f. Deutscher Industrie- und Handels-
tag am 14.4.1921 an AA.
- 11 Ebd. - Bl.29 f. Aufzeichnung über diese Beratung.
- 12 Ebd. - Bl. 37 ff.
- 13 Ebd. - Bl. 145 ff. Protokoll der Beratung.
- 14 Verhandlungen des Reichstags. - Berlin, 1924. - Bd.382. -
Nr.289.
- 15 ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr. 66124. - Bl.29 f.
Schreiben am Auswärtiges Amt.
- 16 ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr. 67131. - Bl.50. Ab-
schr. d. Eingabe an Reichswirtschaftsamt.
- 17 Vgl. ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr.66124. - Bl.29.
Randbemerkung, ferner: ebd. - Bl.62, Bl.56-59.
- 18 Ebd. - Bl. 116.
- 19 Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918-1945. - Göttingen,
1967^f. - Serie B. - Bd.11/2. - S.486. Stresemann an deut-
sche Gesandtschaft in Estland (abgeschickt am 7.1.1927).
- 20 Akten zur deutschen auswärtigen Politik... - Serie B. - Bd.
V. - S.68. Fussnote.
- 21 Akten zur deutschen auswärtigen Politik... - Serie B. - Bd.
VIII. - S.172ff.
- 22 ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. - Nr. 63967. - Bl.3 ff.
- 23 Ebd. - Nr. 66325. - Bl. 179, Bl. 193 ff.
- 24 Ebd. - Nr. 63968. - Bl. 47 ff.
- 25 Ebd. - Nr. 67370. - Bl. 119. Auswärtiges Amt am 5.12.1928
an v.Schack.
- 26 Ebd. - Nr. 64169. - Bl. 13/14.
- 27 Ebd. - Bl. 29.
- 28 Ebd. - Bl. 27 f.
- 29 Verhandlungen des Reichstags. - Berlin, 1929. - Bd.437. -
Nr. 1201-
- 30 Akten zur deutschen auswärtigen Politik... - Göttingen, 1978.
- Serie B. - Bd.XI. - S.133.
- 31 Ebd. - S.274 ff.
- 32 Verhandlungen des Reichstags. - Berlin, 1929. - Bd.425. -
S.3045.

33 Ebd. - S. 3046 und 3038.

34 Verhandlungen des Reichstags. - Berlin, 1929. - Bd. 437.
- Nr. 1281.

35 Einzelheiten hierzu s. ZStA Potsdam. - Auswärtiges Amt. -
Nr. 64592.

M. Rothbarth

DIE BALTENDEUTSCHE MINDERHEIT UND DER EUROPÄISCHE MINDERHEITENKONGRESS

Am 27.12.1920 erhielten die deutschen Gesandtschaften in Riga, Tallin und Kaunas eine ausführliche Direktive des Auswärtigen Amtes. Sie gab u.a. Aufschluss über die Rolle, die der deutschen Minderheit im Baltikum in der künftigen aussenpolitischen Strategie und Taktik des deutschen Imperialismus gegenüber den bürgerlichen Nachbarstaaten Sowjetrusslands zugedacht war: wie die Initiatoren des inzwischen gescheiterten Interventionkrieges der 14 Mächte sahen auch die herrschenden Kreise des imperialistischen Deutschlands in den baltischen "Randstaaten" als Fernziel weiterhin das Aufmarschgebiet für einen erneuten militärischen Feldzug gegen das Land der siegreichen sozialistischen Revolution. In der erwähnten Direktive heisst es, die deutsche Minderheit in den "Randstaaten" werde auch weiterhin als Vorposten im Osten betrachtet.

Wenn der BRD-Historiker Michael Garleff als Kern der Minderheitenbewegung die baltendeutschen Minderheitenpolitiker bezeichnet, und dies nicht nur der Zahl nach, sondern auch gerade "in praktischer Durchführung und theoretischer Durchdringung"¹, so trifft diese Aussage auch für die Initiierung und Programmatik des im Jahre 1925 in Genf gegründeten Europäischen Minderheitenkongresses zu.

Das politisch-soziale Profil der deutschen Minderheit im Baltikum wurde nach der Agrarreform von der städtischen Bourgeoisie und der kleinbürgerlichen Intelligenz geprägt. Die unmittelbare parteipolitische Aktivität der herrschenden Kreise der deutschen Minorität war in den Händen ihrer Parlaments -

fraktionen konzentriert, die von ausgesprochen konservativ-reaktionären Politikern geleitet wurden. Tonangebend unter ihnen waren Paul Schiemann, Werner Hasselblatt und Ewald Ammende, um nur diejenigen zu nennen, die auch dem Minderheitenkongress sein Gepräge gaben. Die baltendeutsche Minderheit hatte schon sehr früh um kulturelle Autonomie gekämpft², womit sie sich übrigens in voller Übereinstimmung mit gleichgearteten Bestrebungen der deutschen Minorität in Polen, der Tschechoslowakei, Ungarn, Rumänien, Jugoslawien und Dänemark befand. Der Führer der deutschen Minderheit in Dänemark, Schmidt-Wodder, spricht von der Kulturautonomie als einer gemeinsamen Parole und führt aus: "Da gibt es keine Nuancen, das eint uns alle, das ist die absolut einmütige Auffassung aller deutschen Minderheiten, die das Mindestmass an Lebensraum bedeutet, das jeder Minderheit zukommt"³.

Der Durchsetzung dieser Forderung dienten die sich relativ früh abzeichnenden Einigungsbestrebungen der deutschen Minderheiten, die im Oktober 1922 in die Gründung des "Verbandes der deutschen Volksgruppen in Europa" einmündeten. Die Initiative zum Zusammenschluss der deutschen Minoritäten war von Estland ausgegangen, als der Vorstand der Deutsch-Baltischen Partei beschloss, Beziehungen zu den anderen deutschen Minderheiten aufzunehmen, vor allem nach Polen und Rumänien⁴. Eine aus diesem Anlass von Ewald Ammende in September 1922 verfasste Denkschrift nennt als Grund für eine derartige Zusammenkunft, dass keine der deutschen Minderheiten ihr Ziel - die kulturelle Autonomie - erreicht habe und daher ein gemeinsames und geschlossenes Vorgehen der deutschen Minoritäten vor allem gegenüber dem Völkerbund als dem Garanten der Minderheitenschutzverträge notwendig sei, um den Einfluss dieser internationalen Faktoren in hohem Masse in den Dienst der "gerechten Sache" zu stellen⁵.

Die Bildung dieses Verbandes, dessen geschäftsführender Sekretär im Jahre 1923 Ammende wurde, war eine entscheidende Voraussetzung für die Gründung des Europäischen Minderheitenkongresses. Wiederum waren es Vertreter der baltendeutschen Minderheit wie Schiemann und Ammende, die in erster Kooperation mit dem Auswärtigen Amt die theoretischen und praktischen Voraussetzungen für sein Zustandekommen schufen. Der schlies-

slich im Oktober 1925 in Genf durchgeführte 1. Europäische Minderheitenkongress vereinigte Vertreter von 32 nationalen Minderheiten Europas. Einer der Vizepräsidenten des Minderheitenkongresses wurde Schiemann, während Ammende bis zum Jahre 1936 die Funktion des Generalsekretärs ausübte. In einer Denkschrift hatte dieser als Grund für die Organisation einer internationalen Minderheitentagung Klage darüber geführt dass den Grundsätzen und Forderungen der deutschen Minderheiten jegliche Autorität fehle, solange sie lediglich als Forderungen rein deutscher Art gelten würden. Deshalb sei es jetzt notwendig, "ein Zusammengehen mit den übrigen grossen Minderheitengruppen herbeizuführen, damit es möglich wird, die Festlegung und Fundierung der deutschen Grundforderungen als allgemeine europäische Grundsätze vorzunehmen"⁶.

Aus dieser Zielsetzung ergab sich folgerichtig, dass sich wie ein Leitfaden durch die Minderheitenkongresse das Postulat der deutschen Minderheitenführer nach Kulturautonomie zieht. Dieses Konzept war durch und durch bürgerlich, denn, wie W.I.Lenin feststellte, bestanden die ideologische Grundlage und der Inhalt der "national-kulturellen Autonomie" darin, den Nationalismus in einer bestimmten, "gerecht" abgegrenzten Sphäre zu verankern, ihn zu "konstituieren", alle Nationen mit Hilfe einer besonderen staatlichen Institution fest und dauerhaft voneinander abzusondern⁷. Die Kulturautonomie, die die Einbeziehung des Proletariats und der werktätigen Massen in die Einflussosphäre des bürgerlichen Nationalismus erleichterte, wurde zum Ausgangspunkt nationalistischer Hetze seitens der deutschen Oberschicht. Unter der Flagge des Schutzes deutscher Sprache und Schule sollte der Rückgang der deutschen Vorherrschaft über die erstarkenden slawischen Völker aufgehalten werden.

Betrachtet man die Bemühungen um Kulturautonomie für die deutschen Minderheiten konsequent vor ihrem gesellschaftlichen, klassenmässigen Hintergrund und in ihrem konkret-historischen Rahmen, so stellten sie eine im Wesen gegen die Friedensverträge gerichtete Aktion dar. Das machte auch Ammende offenkundig als er sagte: "Eine Verständigung über die in Mittel- und Osteuropa noch zu ändernden Grenzen wird viel leichter zu erzielen sein, wenn es diesseits und jenseits

zur Regelung der Frage eines friedlichen Zusammenlebens der Völker durch Einführung der kulturellen Selbstverwaltung kommt," denn die Genfer Minderheitentagung dürften keineswegs mit pazifistischen Veranstaltungen verwechselt werden⁸. Dass mit der Forderung nach Kulturautonomie nicht das "Endziel" der minderheitenpolitischen Bestrebungen des deutschen Imperialismus ausgesprochen worden war, sondern es sich hierbei um eine wesentliche Voraussetzung zur Erreichung weitergesteckter Ziele handelte, verdeutlichte Schiemann in einem über das Tagesinteresse hinausreichenden Leitartikel der "Rigaschen Rundschau" vom 23.4.1926, worin er von der Kulturautonomie als einer vorläufigen Lösung des Minderheitenproblems sprach⁹. Mit diesem Konzept befanden sich die führenden Kräfte des Minderheitenkongresses in Übereinstimmung mit der von Stresemann praktizierten Aussenpolitik, die zum Ziel hatte, die schrittweise Wiedererrichtung der Grossmachtstellung des deutschen Imperialismus in realer Erkenntnis des gegebenen Kräfteverhältnisses mit Friedensbeteuerungen zu tarnen. Sie repräsentieren damit jene Gruppierung des deutschen Monopolkapitals, die unter der Flagge "Frieden" und "Europa" auf die im Endeffekt gewaltsame Veränderung der europäischen Grenzen, und zwar namentlich im Osten und Südosten des Deutschen Reiches, abzielte.

Dahef kann auch dem BRD-Historiker Erwin Kelmes nicht gefolgt werden, der in seiner Arbeit über den Europäischen Minderheitenkongress aus dem Jahre 1958 davon spricht, dass mit der Kulturautonomie "die politischen Spannungen zwischen Minderheit und Staatsvolk" ausgeschaltet werden könne¹⁰. Damit folgt er den taktisch motivierten Auffassungen deutscher Minderheitenführer der Weimarer Republik, die Schiemann beispielsweise in die Formel gekleidet hatte: "Allein schon die Forderung einer kulturellen Autonomie schliesst eine Staatsbejahung in sich ein"¹¹.

Bereits der 1. Minderheitenkongress fasste eine die Kulturautonomie betreffende Resolution. Eine ablehnende Haltung nahmen die seit 1924 im "Verband der nationalen Minderheiten Deutschlands" zusammengeschlossenen Minderheiten aus Deutschland ein. Um dem Postulat nach Kulturautonomie verstärkt zum Durchbruch zu verhelfen, organisierte Schiemann auf Initiati-

ve und mit Unterstützung der Berliner Regierung am 16. Januar 1926 eine "Konferenz der Minderheitenvertreter der baltischen Staaten" in Wiga. Durchaus nicht zufällig hatte eine solche Beratung gerade hier stattgefunden. Aus Reiseberichten führender Vertreter des Deutschen Schutzbundes in die baltischen Staaten vom Frühjahr 1924 geht das Interesse des Deutschen Reiches an diesem Gebiet eindeutig hervor. Hier heisst es: "Deutschland sieht seine Aufgabe für die Zukunft darin, alles für die Erhaltung der Kultur einzusetzen, in der Erwartung, dass doch einmal die ganzen Randgebiete unter europäischen Einfluss kommen werden. Man sagt dort aus Vorsicht europäisch, wenn man hierunter deutsch versteht."¹²

An der Konferenz nahmen Vertreter der deutschen, polnischen, jüdischen und russischen Minderheit des Baltikums teil. Den deutschen Vertretern gelang es sich durchzusetzen und im Ergebnis der Beratung eine Resolution zu verabschieden, die die "Einmütigkeit der Teilnehmer vor allem hinsichtlich der Einführung der Kulturautonomie" hervorhob¹³. Wertheimer, langjähriger Direktor des Deutschen Auslandsinstituts in Stuttgart, unterstrich, dass mit dieser Beratung territorial benachbarter Minderheiten ein Schritt getan worden sei, um das Genfer Resultat zu verstärken und zu vertiefen.¹⁴

Wie die DDR-Historikerin Roswitha Czollek schreibt, vollzog sich in Lettland wie auch in Estland auf der Woge und in direktem Gefolge des faschistischen Machtantritts in Deutschland der Übergang zu faschistischen Herrschaftsmethoden der Bourgeoisie. Nicht die Minderheiten schlechthin bejahen den Faschismus, sondern das betraf den politisch-ideologischen Standort ihrer massgebenden herrschenden Kreise und ihrer verschiedenen politischen und gesellschaftlichen Einrichtungen. Von nun an traten, begünstigt und auch unmittelbar unterstützt durch den vordringenden Faschismus in Deutschland, die reaktionärsten Kreise immer mehr hervor. Diese Entwicklung war auch kennzeichnend für die internationale deutsche Minderheitenbewegung.

In den "Verband der deutschen Volksgruppen in Europa" rückten neue Leute in Führungspositionen auf; neben dem Führer der Sudetendeutschen Partei Konrad Henlein u.a. auch der Sprecher der deutschen Minderheit aus Lettland, Herausgeber

der Zeitschrift "Nation und Staat" und nach dem Tode Ammen-
des im Jahre 1936 Sekretär des Europäischen Minderheiten-
kongresses, von Uexküll. Er hatte unmittelbar nach der Macht-
übertragung an den Faschismus in Deutschland in einem "Das
neue Deutschland" überschriebenen Leitartikel der Zeitschrift
"Nation und Staat" begrüßt, dass die Welt nunmehr wieder
einem deutschen Kernvolk gegenüberstehen werde, das von ein-
nem einheitlich ausgerichteten Willen beherrscht sei. Das
Auslandsdeutschtum fühle besonders stark die Tatsache, dass
es schliesslich gelungen sei, im Reiche entscheidende Verän-
derungen durchzuführen, die "auf die Erneuerung der inneren
Geschlossenheit des Volkes und die Einigung des Muttervol-
kes"¹⁵ hinausliefen.

Auch unter den Führungskräften des Europäischen Minder-
heitenkongresses erfolgten personelle Veränderungen. Schie-
mann zog sich nun von den Arbeiten des Kongresses zurück.
Rechtsgerichtete, dem Nationalsozialismus folgende deutsche
Minderheitenführer gaben dem Kongress mehr und mehr ein fa-
schistisches Profil. Unter ihnen ist aus dem Baltikum vor
allem Werner Hasselblatt zu nennen. Seit 1923 gehörte er der
Estländischen Staatsversammlung als Abgeordneter an und war
am Zustandekommen des estnischen Autonomiegesetzes beteiligt.¹⁶
Hasselblatt warnte vor einer "Verkennung der Ranghöhe der
Volkstumsfrage" und beschwor als Fundament einer besseren
und dauerhafteren Ordnung "die neue einende Formel einer Völ-
kerordnung, in der das deutsche Volk als Führungsmacht die
Erhaltung der abendländischen Kultur nicht nur gegenüber dem
Bolschewismus, sondern gegenüber den Mächten der anderen
Erdeile überhaupt zu sichern hätte."¹⁷

Die Auslandsdeutschen sollten nicht nur "Staatsbürger"
der Staaten sein, in welchen sie lebten, sondern auch "Volks-
bürger", Bürger des gesamten deutschen Volkes. Wie Garleff
schreibt, bildete für Hasselblatt die im Gesamtvolksgedan-
ken enthaltene "völkische Komponente" Grundlage und Möglich-
keit seiner weiteren Mitarbeit in der deutschen Nationalität-
tenpolitik¹⁸.

So zeichnete Hasselblatt mit verantwortlich für die
zahlreichen antisowjetischen Ausfälle des Minderheitenkon-
gresses vor allem im Zusammenhang mit dem Eintritt der Sow-

jetunion in den Völkerbund. Er war führend beteiligt an den sich Mitte der dreissiger Jahre sichtbar verstärkenden Bestrebungen des Minderheitenkongresses, die deutschen Minoritäten im Interesse der Aggressions- und Expansionspolitik des deutschen Imperialismus zu manipulieren. Hierbei versuchte er, das Interesse Grossbritanniens und einer Reihe neutraler Staaten für das minderheitenpolitische Programm des deutschen Imperialismus zu gewinnen¹⁹.

Nach dem Münchner Abkommen erhielt Deutschland im Osten freie Hand. Die deutschen Minderheiten konnten jetzt "ihre Forderungen und Wünsche vorbringen, denn Deutschland habe nun die Macht und den Willen, deren Erfüllung durchzusetzen"²⁰, wie Baron Wrangell berichtete. Der Minderheitenkongress, der es ursprünglich vermieden hatte, Fragen einzelner Minderheiten zu behandeln, um die künstlich geschaffene "Einheitsfront" der Minoritäten nicht zu gefährden, ging nunmehr dazu über, die Tribüne des Kongresses verstärkt zu Anklagen vor allem gegen Polen und die Tschechoslowakei zu missbrauchen. All das diene dem Zweck, tatsächliche Benachteiligungen der Minderheiten, die sich aus dem bourgeoisen Klassencharakter dieser Staaten ergaben, masslos aufzubauen, diese Länder international zu diskreditieren und damit die imperialistischen deutschen Revisionsansprüche zu begründen.

Diesen revanschistischen Tenor offenbarte der letzte Minderheitenkongress im Jahre 1938: "Alle Anzeichen deuten darauf hin, dass in Zukunft kein Volk sich vom Schicksal seiner ausserhalb der Landesgrenzen des Muttervolkes lebenden Volksgeossen lossagen kann"²¹, während Hasselblatt feststellte, dass es ebenso gefährlich für den Frieden sei, die Rechte einer Volkgruppe anzugreifen, wie diejenigen eines souveränen Staates²². Das aber hiess nichts anderes, als unter dem Vorwand des Schutzes nationaler Minderheiten aussenpolitische Erpressungen und sogar direkte Aggressionen zu inszenieren. Die Rolle der "sudetendeutschen" Naziorganisation beim Münchner Komplott gegen die Tschechoslowakei ist ein geradezu klassischer Modellfall dieser imperialistischen Revanchepolitik.

Mit diesem Konzept stellte sich Hasselblatt in den

Dienst der nationalsozialistischen "Volksgruppenpolitik". "Erkennbare Abgrenzungsbemühungen", von denen Garleff spricht, lassen sich hinsichtlich der Aktivitäten Hasselblatts im Rahmen des Europäischen Minderheitenkongresses nicht nachweisen.

Wertheimer weist darauf hin, dass mit dem Minderheitenkongress ein wirksames Gegengewicht gegenüber der marxistisch-leninistischen Lösung der Nationalitätenfrage in der Sowjetunion geschaffen werden sollte. Er beruft sich dabei auf den estländischen Führer der deutschen Minderheit, Axel de Vries und sein im Jahre 1924 erschienenenes Buch "Die Sowjet-Union nach dem Tode Lenins", in welchem der Verfasser anerkennen muss, dass sowohl der ferne Osten als auch der nahe Westen "die geistigen Erfolge dieses neuen russischen Systems" zu spüren bekomme. Die wirklichen Freiheiten, die die nationalen Minderheiten genossen, wirkten sich propagandistisch glänzend aus. Das Anwachsen des Kommunismus in Polen, Rumänien, der Tschechoslowakei sollte doch zu denken geben und diesen Ländern als Mahnung dienen, durch liberalste Regelung der Minderheitenfrage dem Kommunismus, "der in den wirtschaftlichen Zuständen dieser Länder sowieso Nährstoff genug findet, diese Zuflussquelle an Sympathien zu verstopfen"²³.

Ammende hatte auf dem 5. Minderheitenkongress im Jahre 1929 betont, dass eines der erfolversprechendsten Propagandamittel der Kommunistischen Internationale die Art darstelle, wie in der Sowjetunion eine Reihe von Nationalitätenproblemen angefasst werde. Gerade weil der Kongress den Gedanken vertrete, den "nationalen Ausgleich auch im Rahmen des nichtkommunistischen Staates" zu ermöglichen, erwachse ihm die Pflicht, von der Sachlage Kenntnis zu nehmen²⁴.

Auch die Internationale Presse-Korrespondenz bekräftigte die antisowjetische Stossrichtung des Kongresses: "Auch in Genf handelte es sich um die kapitalistische Konsolidierungspolitik ... Die Überbrückung der nationalen Gegensätze, die Errichtung einer kampffähigen Einheitsfront mit der Spitze gegen die Sowjetunion, das sind die Parolen, die in Genf anlässlich der Minderheitenkonferenz herausgegeben wurden."²⁵

Allein die Kommunistische Internationale ging bei der Wertung des Europäischen Minderheitenkongresses von einer

parteilichen, klassenmässigen, das volksfeindliche Wesen des Imperialismus auch auf dem Gebiet der Minoritätenpolitik analysierenden Grundlage aus.

Anmerkungen

- 1 Garleff M. Nationalitätenpolitik zwischen liberalem und völkischem Anspruch // Reval und die baltischen Länder: Festschrift für Hellmuth Weiss zum 80. Geburtstag. - Marburg/Lahn, 1980. - S.114.
- 2 Vgl. Skala J. Die gegenwärtigen minderheitspolitischen Strömungen unter den europäischen Minderheiten // Kulturwehr. - 1925. - N 3. - S.283 ff.
- 3 ZStA Potsdam. - Deutsche Stiftung. - N 1121. - Bl.413.
- 4 Vgl. Flesse H. Organisation und Arbeit der Kongresse der organisierten nationalen Gruppen in den Staaten Europas. - Leipzig, 1930. - S.20.
- 5 Vgl. Ammende E. Gründe, Aufgaben und Programm für eine Zusammenkunft der Vertreter aller deutschen Minderheiten in Europa // Nation und Staat. - 1932. - N 33. - S.62 f.
- 6 ZStA Potsdam. - Deutsche Stiftung. - N 1120. - Bl. 29 ff.
- 7 Vgl. Lenin W.I. - Werke. - Bd. 20. - S.20.
- 8 Zit. nach: Kulturwehr. - 1926. - H.2. - S.391.
- 9 Zit. nach: Kulturwehr. - 1927. - H.3. - S.279.
- 10 Kelmes E. Der Europäische Nationalitätenkongress 1925-1938. - Köln, 1958. - S.258.
- 11 Schiemann P. SB. - 1925. - S.54.
- 12 Zit. nach: Fensch D. Zur Vorgeschichte, Organisation und Tätigkeit des Deutschen Schutzbundes in der Weimarer Republik. - Phil Diss. - Rostock, 1966. - S.221.
- 13 Przegł d Polityczny. - 1926. - H.1. - S.3.
- 14 Vgl. Wertheimer F. Von deutschen Parteien und Parteiführern im Ausland. - Berlin, 1930. - S.119.
- 15 ZStA Potsdam. - Deutsche Stiftung. - N 995. - Bl. 106.
- 16 Vgl. Wertheimer F. Von deutschen ... - S.47.
- 17 Hasselblatt W. Zukunftsgestaltung aus Volkstum // Nation und Staat. - 1943. - N 44. - S.184 f.
- 18 Vgl. Garleff M. Nationalitätenpolitik ... - S.123.

- 19 Ausführlicher hierüber bei Rothbarth M. Der Europäische Minderheitenkongress als Instrument imperialistischer deutscher "Revisionsstrategie". Grenzrevision und Minderheitenpolitik des deutschen Imperialismus (1919-1932). - Phil. Diss. B. - Rostock, 1983. - S.265 ff.
- 20 Zit. nach: Czollek R. Zur Geschichte der baltendeutschen Minderheit nach der Restauration des Kapitalismus im Baltikum (1920 bis zur Umsiedlung 1939) // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. - Berlin. - 1976. - Bd. 20/2. - S.180.
- 21 ZStA Potsdam. - Deutsche Stiftung. - N 17. - Bl. 547.
- 22 Nation und Staat. - 1937. - N 38. - S.676.
- 23 Zit. nach: Wertheimer F. Von deutschen ... - S.11.
- 24 Nation und Staat. - 1929. - N 30. - S.61.
- 25 Internationale Presse-Korrespondenz. - 1925. - N. 45. - S. 1327.

REZUMÉ

V.Pika Rostokas universitātes (VDR) profesors L.Elsners skar svarīgu aspektu Veimāras Vācijas un Baltijas buržuāzisko valstu attiecībās divpusējo tirdzniecības līgumu slēgšanas laikā 20 - ajos gados. Autors parāda, kā Vācijas ārlietu ministrija centās aizstāvēt baltvācu baronu intereses Vācijas - Latvijas un Vācijas - Igaunijas sarunu laikā, pieprasot no šīm Baltijas valstīm izmaksāt atlīdzību tiem baltvācu baroniem - Vācijas pavalstniekiem, kuriem buržuāzisko agrāro reformu gaitā šajās zemēs bija atņemti lieli īpašumi.

V.Pika Rostokas universitātes (VDR) docētājas M.Rotbartes rakstā skartas baltvācu minoritāšu Latvijā un Igaunijā un Eiropas mazākumtautību kongresa izveides problēmas. Autore analizē dažādus baltvācu politiku plānus šajā sakarībā un parāda Latvijas un Igaunijas vācu nacionālo mazākumvietu Veimāras Vācijas ārpolitiskajos plānos.

ПОЛЬША И ПРИБАЛТИЙСКИЕ ГОСУДАРСТВА В АНТИСОВЕТСКИХ
ПЛАНАХ АНГЛИЙСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ В ПОСЛЕЛОКАРНСКИЙ ПЕРИОД
(1926 - 1927 гг.)

Укрепление экономики Советской страны, успешно начатая социалистическая индустриализация демонстрировали прочность и устойчивость стабилизации социализма в отличие от гнилой и шаткой стабилизации капитализма, которая началась с 1924 г. Частичность и временность капиталистической стабилизации проявились и в дальнейшем росте национально-освободительного движения в странах Азии и Африки, особенно в Китае, где началась антиимпериалистическая и антифеодалная революция. Все это сильно беспокоило империалистические державы. Особенно их раздражала помощь, которую оказывал китайской революции Советский Союз.

Империалистические державы, в первую очередь Англия и США, стремились создать единый фронт капиталистических государств против СССР, чтобы обеспечить его политическую изоляцию и финансовый бойкот. Они хотели подорвать советско-германское сотрудничество, установившиеся после заключения Рапальского договора, и включить Германию в антисоветский фронт в расчете на использование возрожденного германского империализма для борьбы как против СССР, так и против революционного движения в Западной Европе.

С этой целью по инициативе английской дипломатии в октябре 1925 г. в Локарно был заключен Рейнский пакт - гарантийный договор между Францией, Бельгией, Германией, Великобританией и Италией. Пакт должен был застраховать западные державы от реваншистских устремлений Германии и направить их на Восток. Исходя из этого, Англия предоставила гарантии границ западным соседям Германии и отказала в гарантиях ее восточным соседям. Локарнские соглашения были направлены против СССР и в то же время серьезно подрывали безопасность Польши и Чехословакии. Эти соглашения и вовлечение Германии в Лигу наций явились важным этапом сколачивания враждебной Советскому государству коалиции держав. XIV съезд ВКП(б) в своей резолюции по отчету Центрального

Комитета отмечал, что конференция в Локарно и так называемые "гарантийные договоры", своими острями направлены против СССР¹.

В единый антисоветский фронт английские консерваторы пытались включить не только Германию, но и государства т. наз. санитарного кордона в т. ч. Польшу и Прибалтийские государства. Место и роль этих государств в антисоветских планах английских консерваторов в послелокарнский период в советской исторической литературе освещены недостаточно. Этот вопрос в кратце рассмотрен С. В. Никоновой и Ф. Д. Волковым². Значительное внимание уделено выяснению роли Латвии в этих планах в работах В. Я. Сиполса и А. Я. Варславана³. В обобщающих работах указано на борьбу СССР против использования Прибалтийских государств в антисоветской политике английских консерваторов, а также на попытках использовать Польшу и Эстонию в антисоветских планах⁴.

Задачей нашей статьи является рассмотрение основных тактических линий английских консерваторов в их антисоветской политике в 1926 и 1927 гг., а также выяснение роли Польши и Прибалтийских государств в этой политике. Стратегия антисоветской политики английских империалистов в эти годы оставалась неизменной. Несколько менялась лишь ее тактика. Если в 1925 г. и до конца 1926 г. английские консерваторы рассчитывали вначале создать единый антисоветский фронт капиталистических держав, разорвать дипломатические отношения с СССР, а затем спровоцировать военную интервенцию, то с начала 1927 г. они решили прежде всего порвать отношения с СССР, а затем при благоприятных условиях открыто напасть на Советский Союз и привлечь для участия в антисоветской интервенции другие капиталистические страны и силы международной и российской контрреволюции. Оценивая локарнские соглашения, в секретном меморандуме "Комитета имперской обороны" Англии, направленном 26 июля 1926 г. в Форин оффис, отмечалось, что они являются фактором "наиболее эффективной защиты от опасности, идущей с Востока" от "русских большевистских атак". "Мы начали постепенное примирение Франции, Германии и Польши при одобрении и поддержке Италии в Центральной Европе", говорилось в меморандуме. "Германия и Польша, связав себя с Западом, не пойдут на союз с Россией..."⁵.

Наряду с попытками вовлечения стран Западной и Центральной Европы в антисоветский блок английские империалисты предприняли

энергичные меры по вовлечению в него Польши и Прибалтийских государств. Уже в период подготовки Локарнских соглашений Англия изменила свое прежнее отрицательное отношение к союзу Прибалтийских государств с Польшей и стала выступать за участие Польши в данном союзе⁶. Однако, отказ Англии, а также Франции принять какие-то обязательства по гарантированию границ Прибалтийских государств, холодное отношение Англии к планам "Восточного" и "Северного Локарно", выдвинутым генеральным секретарем латвийского министерства иностранных дел Х. Албатом и постоянным представителем Финляндии в Лиге наций Р. Эрихом⁷, и, наконец, ухудшение международного положения Польши в связи с локарнскими соглашениями⁸, во многом определили неудачу антисоветской консолидации окраинных государств во второй половине 1925 г. и в начале 1926 г. Решению этой задачи не помогли усиленные дипломатические акции Франции и Польши в начале 1926 г.⁹ Недоверие к Польше сохранилось особенно в Латвии и Финляндии¹⁰.

Определенные надежды на усиление английского влияния в Польше и на реализацию антисоветских планов связывались с государственным переворотом Д. Пилсудского в Польше в мае 1926 г., так как были известны его проанглийские настроения¹¹. Строились расчеты на возможное примирение Польши с Германией, путем мирной ревизии польско-германской границы¹². Но вскоре выяснилось, что соглашение между ними практически невозможно. Не удалось разрешить также и польско-лижвский конфликт, хотя со стороны Англии ему было уделено особое внимание¹³.

Основной причиной неудачи создания антисоветского блока в 1926 г. являлась активная деятельность советской дипломатии по реализации политики мирного сосуществования с Польшей и Прибалтийскими государствами. Советский Союз в начале 1926 г. предложил Польше и Прибалтийским государствам заключить с каждой из этих стран в отдельности договоры о взаимном нейтралитете и ненападении. Правда, Польша и Прибалтийские государства, за исключением Литвы, пытались навязать Советскому Союзу коллективный договор, что было квалифицировано советской стороной как замаскированная попытка создания антисоветской коалиции. Против заключения отдельных договоров между Прибалтийскими государствами и СССР выступала Англия. Это было одной из причин затягивания переговоров

по вопросу о гарантийных договорах. Только во второй половине 1926 г. начались переговоры с Латвией, Эстонией и Финляндией. 28 сентября 1926 г. советская дипломатия одержала крупную победу: был подписан советско-литовский договор о дружбе, взаимном понимании и нейтралитете¹⁴. Это вызвало отрицательную реакцию в Англии и Франции, а также упреки со стороны других Прибалтийских государств¹⁵. Все-таки создать единый антисоветский фронт с участием Польши и Прибалтийских государств не удалось. Если учесть, что потерпели неудачу старания Англии изолировать Германию от СССР и Германия вступила в Лигу наций с оговорками по отношению к 16 статье устава Лиги¹⁶, а также остались неразрешенными германо-польские и польско-литовские противоречия, то можно сделать вывод, что Англии не удалось создать антисоветский блок капиталистических государств в запланированном виде.

Как уже отмечалось, с 1927 г. английские консерваторы изменили тактику борьбы и пошли на разрыв дипломатических отношений с Советской страной. 27 мая 1927 г. дипломатические отношения между Англией и СССР были разорваны¹⁷. Английские консерваторы рассчитывали, что это вызовет в СССР экономические и политические трудности¹⁸, что за Англией последуют другие государства. Однако Англия не получила поддержки своим акциям как на совещании участников локарнских соглашений в середине июня 1927 г., так и от отдельных государств²⁰.

В Польше и в Прибалтийских государствах известия о разрыве дипломатических отношений были восприняты с беспокойством. Латвийский посланник сообщал из Варшавы, что Польша обеспокоена возможными чрезвычайными обязанностями, которые она должна будет выполнять в связи с возможными последствиями разрыва дипломатических отношений между Англией и СССР. Он указал также, что министр иностранных дел Польши М. Залеский в эти дни несколько раз совещался с Ю. Пилсудским. Однако, после получения известий о том, что ни Германия, ни Франция не собираются последовать примеру Англии, Польша заверила полпреда СССР П.Л. Войкова в Варшаве, что она не будет менять свою политику по отношению к СССР²¹.

В Латвии, где ситуация, после образования правительства "левой" коалиции в конце 1926 г., была менее благоприятной для

антисоветских мероприятий, известия о разрыве англо-советских дипломатических отношений вызвали определенное усиление антисоветской компании в печати²², но не оставили существенного отрицательного влияния на дальнейшее улучшение отношений между Латвией и СССР. Уже 9 марта 1927 г. в Риге были парафированы основные статьи договора о нейтралитете и ненападении между СССР и Латвией, а 2 июня того же года в Москве был подписан торговый договор между СССР и Латвией на 5 лет²³. Эти мероприятия вызвали недовольство в Англии²⁴, но открытому нажиму английская дипломатия на сей раз предпочла обходные маневры: использовала Эстонию, а также борьбу между политическими партиями в Латвии для нажима на правительство Латвии. Эстонская печать критиковала политику Латвии по отношению к СССР, а правительство Эстонии пошло даже на некоторые сепаратные шаги в установлении торговых отношений с Польшей²⁵. Это существенно осложнило латвийско-эстонские отношения в 1927 г.²⁶

Не удалось добиться и улучшения польско-литовских отношений в 1927 г., которые также мешали объединенным антисоветским акциям в Прибалтике. Больше того, польско-литовский конфликт получил дальнейшее обострение во второй половине 1927 г.²⁷. Рассмотренные моменты препятствовали антисоветской консолидации Польши и Прибалтийских стран в 1927 г. и английские империалисты не получили возможности использовать эти страны для реализации своих антисоветских планов.

Однако, определенную напряженность в отношениях этих стран с СССР создать удалось. Увлеченные антисоветским курсом английски консерваторов, свою активность резко усилили русские белогвардейцы, которые пользовались не только политическим убежищем в Польше и Прибалтике, но и получали определенную политическую и экономическую поддержку от правительств данных государств. Более опасной провокацией было убийство советского представителя в Польше И.П. Войкова, совершенное русским эмигрантом Б. Ковердой, который имел польский паспорт. Но выдержка и твердая позиция Советского правительства не дали возможность использовать эту провокацию для разрыва отношений между Польшей и СССР²⁸.

Не менее опасные провокации совершались против СССР, используя территории Польши и Финляндии. Усилилась переброска банд и диверсионных групп от этих государств через советскую границу.

Так только в августе 1927 г. на западном участке советской границы было задержано 177 нарушителей границы. 7 июня группа террористов монархического толка, перешедших границу из Финляндии, бросила бомбу во время заседания партийного клуба в Ленинграде. В результате взрыва было ранено около 30 человек. На судебном процессе террористов была установлена их связь с английской разведкой²⁹. Попытки перейти финско-советскую границу продолжались в последующие месяцы, что вызвало резкие протесты Советского правительства.³⁰ Кроме Финляндии английская агентура в своих антисоветских действиях использовала также и территорию других стран, в частности Эстонии, откуда велся антисоветский шпионаж³¹.

Эти провокации, безусловно, были составной частью антисоветских мероприятий английских консерваторов в 1927 г. и в определенной мере осложнили отношения СССР с Польшей и Прибалтийскими государствами. Однако борьба СССР за мирное сосуществование с этими государствами, а также отрицательное отношение народных масс многих стран к новым антисоветским авантюрам³² определили провал попыток английских консерваторов использовать Польшу и Прибалтийские государства для политической и экономической изоляции СССР, а также для подготовки новых вооруженных провокаций против него.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК.- М., 1970.- Т.3.- С. 245.
2. Никонова С.В. Антисоветская внешняя политика английских консерваторов (1924-1927).- М., 1963.- С.87-113; Волков Ф.Д. Англо-советские отношения 1924-1929 гг.- М., 1958.- С. 136-139; Он же. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит.- М., 1980.- С.298-300.
3. Сиполс В.Я. Тайная дипломатия: Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919-1940 гг.- Р., 1968.- С. 134-157; Варславян А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия: Политико-дипломатические взаимоотношения (1924-1929 гг.).- Р., 1975.- С. 112-198.

4. История дипломатии: Дипломатия на первом этапе общего кризиса капиталистической системы.- М., 1965.- Т.Ш.- С. 470-471; История Польши.- М., 1968.- Т.Ш.- С. 279-282; История Эстонской ССР (с марта 1917 года до начала 50-х годов).-Таллин, 1974.- С. 321-323.

5. Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит.- С.277-278.

6. Центральный Государственный Исторический архив Латвийской ССР. (Далее: ЦГИА Латв.ССР); Документы внешней политики СССР. (Далее: ДВП).- М., 1963.- Т.УШ.- С. 764.

7. Варславян А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия.- С. 81-83; 86; 93-94; *Brīva Zeme*, 1925, 14. nov; *Jашакав Ziņas*, 1925, 12. dec. ; ДВП.- Т.УШ.- С. 810.

8. Локарнские соглашения, оставив без гарантий восточные границы Германии, побуждали германских империалистов к ревизии польско-германской границы (см. Климовский Д.С., Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений; Из истории зарождения второй мировой войны.- Минск, 1975.- С. 37-45.)

9. См. Варславян А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия.- С. 116-118.

10. ЦГИА Латв. ССР.

11. Olwianski P.N. Stosunki radziecko-polskie a latach 1925-1932.-Kwartalnik historyczny.-Warszawa, 1977.-Nr.4.-S. 1030.

12. В печати и политических кругах особенно Англии дискутировался следующий вариант: Польша уступает Германии т. наз. польский коридор, взамен получает Клайпеду, Литва в компенсацию получает на определенных условиях Вильнюс или компенсируется за счет других стран. (Центральный Государственный архив Литовской ССР. (Далее: ЦГА Лит.ССР) *Neue Freie Presse*, -1926.-30 Dezember; *Kurier Poranny*, -1927.- 21 stycznia ; Внешняя политика Чехословакии 1918-1919.- М., 1969.- С. 190).

13. Климовский Д.С. Германия и Польша в Локарнской системе европейских отношений. С.47-57; ДВП.- Т. УШ.- С. 764.

14. История дипломатии.- М., 1965.- Т.Ш.- С. 470; ДВП.- М., 1964.- Т. IX.- С. 104, 110; 127-129; 153-154; 159-160; 446-451; 534; 642; ЦГИА Латв. ССР.

15. Žlugžda R. Lietuva imperialistinių valstybių planose 1917-1940.- Vilnius, 1983.- P.59; Times.- 1926.-October 7; Brivā Zeme.- 1926.- 5. okt.

16. 12 октября 1925 г. в разгар работы Локарнской конференции, были подписаны торгово-экономические соглашения, а также соглашения о консульской службе между СССР и Германией. 24 апреля 1926 г. был подписан договор о ненападении и нейтралитете между СССР и Германией. 16 статья устава Лиги наций предусматривала коллективные действия членов Лиги по отношению к государству признанному Советом Лиги нападающей стороной на одну из государств членов Лиги наций.

17. ДВП.- М., 1965.- Т.Х - С. 247-248.

18. МИД Великобритании в начале апреля 1926 г. очень заинтересовался информацией одного "почтенного бизнесмена Сити" о том, что в ближайшее время ожидается финансовый банкрот Советского правительства. МИД запрашивал информацию об этом от Берлина и Москвы. Во внимание принималось очевидно то, что в 1925/26 году Англия занимала I место во внешней торговле СССР и давала 30% импорта товаров. См. Documents of British Foreign (далее DBFP) / I^a ser, 1927.- London, 1970. Vol. III.- P.189; ДВП.- Т. IX.- С. 687; 702.

19. Об этом свидетельствуют попытки английских дипломатов изображать желаемое за действительное. Английский посланник М. Престон в донесениях из Хельсинки докладывая об "эффекте" этой акции, утверждал, что это вызвало напряженную атмосферу в Ленинграде, противоречия в руководстве партии, антисоветские выступления и экономические трудности (DBFP / I^a ser . Vol. III.- P.354-356; 451-453).

20. См. DBFP / I^a ser .- Vol. III.- P.372-379; Германия заявила о строгом нейтралитете в этом вопросе (DBFP / I^a ser.- vol. III.- P. 344; 349), Франция - что не может быть речи о разрыве дипломатических отношений с СССР (DBFP / I^a ser .- vol III.- P. 338).

21. ЦГИА ЛатвССР.

22. См. Brivā Zeme.- 1927.- 2. jan.

23. ДВП.- Т.Х.- С. 76-78; 267-279.

24. ЦГИА ЛатвССР ; Newman P.E. Britain and the Baltic.- London, 1930.- P. 94.-95.
25. Jaunākās Ziņas.- 1927.- 8., 10., 16., 18. jūn.; Rodgers H. Search for security: A study in Baltic Diplomacy 1920-1934.- В.в., 1975.- P. 62.
26. Варславян А.Я. Английский империализм и буржуазная Латвия.- С. 161-163.
27. Pisma zbiorowe Jozefa Piłsudskiego.-Т.IX.- Warszawa, 1937.- S. 96-102.
28. ДВП.- Т. X.- С. 288; 293-300.
29. Чугунов А.И. Борьба на границе.- М., 1980.- С.75; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции.- М., 1981.- С. 123-124; ДВФР /I^a ser .- Vol .Ш.- P. 354.
30. Чугунов А.И. Борьба на границе.- С. 70; См. ДВП.- Т.Х.- С. 338-339; 344-346; 367-370.
31. Правда.- 1926.- 5 февр.; ЦГИА ЛатвССР.
32. Международную солидарность проявили трудящиеся Англии, Франции, Германии, Польши и других стран. Борьбу трудящихся масс этих стран против создания антисоветского блока с целью начать войну против СССР возглавляли коммунистические партии. (Волков Ф.Д. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит.- С. 303-304; Powstanie rewolucyjne w sejmie. 1920.-1935.- Warszawa, 1961.- S. 153).

ПРОБЛЕМА ГАРАНТИЙ В ПРИБАЛТИКЕ:
ПОЛИТИКА АНГЛИИ И ЛАТВИЯ В 1930 - 1934 ГГ.

Начало 30-х годов вошли в мировую историю как годы мирового экономического кризиса. Под его воздействием, как констатировал XVI съезд ВКП(б) в 1930 г. произошло "обострение всех противоречий империалистической системы"¹. В начале 30-х гг. соотношение сил между крупнейшими капиталистическими державами резко изменилось. Фашистская Германия, Италия и Япония бросили вызов англо-франко-американской группировке держав. Правящие круги фашистских государств стали открыто ставить вопрос о новой перекройке карты мира.

Хотя и Япония уже в 1931 г. стала на путь агрессии, ещё более опасным очагом военной угрозы для народов Европы и всего мира стала Германия, которая в 1933 г. вышла из Лиги наций и взялась за политику реванша. XIII пленум Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала оценивая международное положение указал, что оно "носит характер кануна второй мировой войны"².

Мировой экономический кризис германские правящие круги решили использовать для того, чтобы полностью освободиться как от военного, так и от экономического контроля и ограничений Версальского договора и других соглашений послевоенного периода. Для успокоения общественного мнения, фашистские руководители утверждали, будто Германия вооружается только ради обеспечения своей безопасности и ограждения Европы от "угрозы большевизма"³. На деле, Гитлер намечал сначала добиться германского владычества в Европе (включая Прибалтику), а потом установить и мировое господство⁴. Захватнические планы Германии представляли огромную опасность для всей Европы.

Всё это обострило напряженность в международных отношениях. Версальско-вашигтонская система стояла перед крахом. В такой ситуации в средних и малых странах Восточной Европы (в том числе и в Прибалтике) остро стал вопрос о гарантиях их дальнейшего существования в капиталистической си-

стеме. Руководители этих стран в первую очередь стали обращать свои взоры на Великобританию и Францию надеясь здесь найти международное подтверждение их независимости, стабилизации их международного положения⁵.

В своей европейской политике Великобритания в годы мирового кризиса продолжала придерживаться традиционного принципа "равновесия сил". Основной его задачей было обеспечить британскую гегемонию в Европе. Для претворения этой политики в жизнь Англия стремилась противопоставить европейские великие державы друг другу, и, используя противоречия между ними, укреплять свои позиции. Такая внешнеполитическая концепция была характерна как для лейбористского, так и для консервативного "национального" правительства⁶.

Основным препятствием для достижения своих внешнеполитических целей в Европе Великобритания считала рост французского влияния после первой мировой войны. Поэтому в период кризиса по всем важнейшим вопросам международной политики она занимала благожелательную по отношению к Германии позицию, пытаясь тем самым создать противовес гегемонистским устремлениям Франции. Считая основной антисоветской силой на европейском континенте Германию, Великобритания стремилась скорее восстановить её экономический и военный потенциал и направить германскую экспансию на Восток, против СССР. В этом и состоял главный смысл политики поощрения германской агрессии на Востоке; в дальнейшем обернувшейся против самой Англии⁷. Такая политика английских правящих кругов, в свою очередь, приводила к ослаблению активности британского внешнеполитического ведомства в Восточной Прибалтике, в том числе в Эстонии, Латвии, Литве.

Английскую внешнюю политику начала 30-х годов можно также назвать политикой "умиротворения" агрессоров. Её начало следует отнести к 1931 году, когда Англия, Франция и другие державы не принимали мер для пресечения японской агрессии в Манджурии. Английское правительство в этот период стало на путь поиска империалистического стовора с Германией, надеясь путем некоторых уступок ей стабилизировать положение в Западной Европе. Видный политический деятель Великобритании Клемент Эттли (премьер-министр Англии с 1945-1951 гг.) в

1937 г. выступая в парламенте по этому поводу заявил: "Политика нашего правительства начиная с 1931 года всегда состояла в попытках умиротворить агрессора принесением в жертву более слабых стран"⁸.

Политика "умиротворения" самым непосредственным образом задевала интересы многих государств Европы. Руководители малых стран Прибалтики конечно были осведомлены такой внешнеполитической стратегией Англии и, поэтому в начале 30-х годов стали активно искать выход из создавшегося положения. Так правители буржуазной Латвии в начале 1930 г. надеялись, что заинтересованность Англии делами их страны возрастет после смены британского посланника в Риге. (Дж. Эддисон был заменен И. Нетчбулл-Хьюдессеном). Но эти надежды не оправдались. Английская печать того времени, а также МИД Великобритании указывали, что перемены в миссии в Риге связаны с уменьшением роли британского представительства в прибалтийских странах⁹.

Но несмотря на ограниченный характер британской политико-дипломатической заинтересованности в Прибалтике в начале кризиса, правящие круги Латвии по всем важнейшим вопросам международного характера главным образом старались следовать позиции Англии, тем самым надеясь в сложных условиях получить хоть какие-то гарантии своего существования, стабилизации своего положения в капиталистической системе межвоенной Европы. Это нашло яркое проявление в попытках руководителей Латвии в 1930-1932 гг. согласовать свои позиции по отношению к французским планам пан-Европы с линией Англии. "Согласование" подтверждается процедурой обсуждения этого вопроса в МИД Латвии, выработкой позиции правительства, дипломатической переписью по данному вопросу. Правительство Латвии выступило с официальным ответом по планам пан-Европы только через несколько дней после заявления Великобритании. (Англия это сделала 3 июля 1930 года, Латвия - 9 июля). По своему содержанию он совпадал с британской позицией. Латвия в угоду Англии старалась указать, что "европейская уния ни в коей мере не должна ослабить солидарность Лиги наций, либо перенять часть её функций"¹⁰. Такой ответ получил одобрение британского министерства иностранных дел, ибо противоречил инте-

ресам Франции. Отрицательное отношение лондонских дипломатических кругов к французским попыткам объединить Европу, руководители Латвии поддержали и на Европейской комиссии в 1931-1932 гг. Но в ответ на это, правящие круги Латвии не получили роста заинтересованности Англии к проблемам Прибалтики.

Аналогическую тактику правители буржуазной Латвии старались проводить также при решении проблемы разоружения в 1925-1933 гг. Как на подготовительной комиссии по разоружению так и на Всемирной конференции по разоружению, Латвия старалась идти в фарватере Англии. Этому свидетельствовало множество фактов: в январе 1931 г. Латвия поддержала кандидатуру британского министра иностранных дел Л. Гендерсона на пост председателя Всемирной конференции по разоружению (латвийская буржуазная печать назвала его даже "ангелом мира"¹¹); дипломатическая переписка правительства Латвии 1931-1932 гг. свидетельствует, что решающую роль в разработке политики правительства по вопросам разоружения играла информация из Лондона¹²; нельзя не отметить и позицию буржуазной печати Латвии, которая также буквально расхваливала позицию Англии в вопросах политики разоружения¹³.

Дело дошло до того, что в январе 1932 г. накануне созыва конференции по разоружению в беседе с британским посланником в Риге И. Нейтчулл-Хьюдессеном латвийский министр иностранных дел К. Заринь выразил полнейшую солидарность с позицией Великобритании по вопросам разоружения и просил Англию не лишать Латвию поддержки на предстоящей конференции, на которой "могут быть подняты вопросы связанные с интересами Латвии"¹⁴. Скоро после этой встречи в печати появилось сообщение К. Зариня, что дальнейшее сокращение расходов на вооружение со стороны Латвии невозможно. Такая линия вполне устраивала Англию, которая поддерживала идею об отказе прибалтийских лимитрофов от разоружения¹⁵.

Латвийская дипломатия следовавшая в важнейших вопросах политики разоружения за Англией, продолжала эту тактику и во время работы конференции. Латвия поддержала "план Макдональда", указав, что это "дает выход из замкнутого круга бесплодных дискуссий"¹⁶. Руководители Латвии как бы не замечали, что Великобритания на деле старается укрепить собственные пози-

ции, ослабить своих противников, помочь вооружиться Германии, превратить конференцию по разоружению в конференцию по вооружению. Такая политика уже шла в разрез с национальными интересами Латвии. Однако все попытки буржуазной Латвии в обострившейся международной обстановке начала 30-х гг. заручиться таким образом поддержкой и гарантиями Великобритании на сохранение в империалистической системе неизбежности латвийского буржуазного государства оказались тщетными. Решить в начале 30-х гг. проблему гарантий используя главным образом вариант активизации внешнеполитической ориентации на Великобританию, правителям Латвии не дал желаемых результатов.

В такой ситуации руководители Латвии пытались заполнить как бы образовавшийся вакуум, искать покровительства у других великих держав и таким путем решить проблему своих гарантий. Их взоры были обращены на Францию, стараясь вызвать интерес этой великой державы делами Прибалтики. Такие намерения правящих кругов Латвии частично созпали с французскими внешнеполитическими тенденциями. Франция в это время уделяла больше внимания Польше, так как неизменно считала её основным фактором в Восточной Прибалтике, и надеялась с помощью Польши улучшить свои позиции в этом регионе¹⁷. В сложившейся ситуации латвийское министерство иностранных дел продолжало искать пути, чтобы пробудить интерес французской дипломатии к Латвии. Оно пользовалось любой возможностью для того, чтобы продемонстрировать свою поддержку внешнеполитических планов Франции. Особенно ярко в 1930 г. это проявилось на Варшавской и Бухарестской конференциях восьми европейских стран аграрного блока. Латвия на этих конференциях полностью поддерживала союзника Франции Польшу, считая тем самым способствовать росту французской дипломатической активности в Прибалтике¹⁸.

Однако в 1930 г. попытки министерства иностранных дел Латвии изыскать возможность политико-дипломатического сближения с Францией не дали ожидаемых результатов - каких-либо политических гарантий со стороны Франции латвийскому правительству получить не удалось. Более или менее заметный интерес Франция проявила лишь в отношении военного сотрудниче-

ства с Латвией. Состоялись визиты французских военных кораблей и самолетов. Французские специалисты были прикомандированы к латвийской армии¹⁹.

В 1931 г. латвийское внешнеполитическое ведомство не оставляло попыток сближения с Францией: в июне кабинет министров принимал постановление начать переговоры с Францией о так называемом "железнодорожном займе" в размере 10 млн. латов. Газета "Правда" указывала, что этот "железнодорожный заем" имеет политическую окраску, так как предполагает сближение Латвии с союзником Франции Польшей²⁰.

В начале 1932 г. переговоры между Францией и Латвией о расширении экономического сотрудничества между обеими странами продолжались. В феврале начались контакты по поводу соглашения о клиринговом обмене. 9 марта 1932 г. соглашение было подписано. Латвийская печать и внешнеполитическое ведомство оценили этот факт как проявление тенденции к усилению активности Франции и к росту её заинтересованности в Латвии²¹.

С приходом к власти в Германии в 1933 г. фашистов международное положение в Европе и в том числе в Прибалтике еще более осложнилось. В центре внимания внешнеполитических ведомств буржуазной Латвии и других малых восточноевропейских стран с новой силой встал вопрос о гарантиях их безопасности и независимости.

С особым оптимизмом в эти дни латвийские политики обращали свои взоры не только в сторону Англии, но и также Франции, которая в целом противостояла ревизии Версальской системы. В инструктивном письме латвийского внешнеполитического ведомства посланникам за границей от 24 апреля 1933 г. указывалось, что "... единственную реальную поддержку и симпатии мы могли бы искать в первую очередь у Франции - в военно-политическом отношении и у Англии - в экономическом отношении"²². В последующих инструктивных документах все сильнее подчеркивалась роль Франции в сохранении статус-кво в Европе. Так несколько позднее заведующий западным отделом министерства иностранных дел Латвии Л. Экис писал посланникам за границей: "В политическом отношении по-прежнему следует считать, что Франция все сильнее выдвигается в качестве единственной европейской державы, у которой мы в случае необходимости могли бы искать и найти поддержку и помощь". Надежды

руководителей Латвии частично были вознаграждены, ибо во второй половине 1933 г. Франция проявила некоторый интерес к Прибалтике. Так, 10 сентября в Ригу прибыл бывший председатель кабинета министров Франции Э. Эррио, занимавший в это время пост председателя парламентской комиссии по иностранным делам. Но дальше демонстраций Франция не пошла и на сей раз, Латвия осталась без каких-либо конкретных гарантий безопасности со стороны Франции. "Позитивная" позиция Франции по этому вопросу проявилась лишь в самом общем обещании Э. Эррио "в тяжелую минуту рассчитывать на поддержку Франции"²⁴. Это указывало на то, что Франция также отказывается заключить договор о международных гарантиях прибалтийских стран, не желая взять на себя новые военные и политические обязательства.

Все попытки буржуазии Латвии в последние годы кризиса включиться во французскую дипломатическую орбиту окончились неудачей. Определенную роль в этом сыграла доминирующая экономическая роль английского империализма в Латвии, растущее политическое влияние Германии, а также неблагоприятное для Франции развитие международной ситуации в Европе.

Буржуазная Латвия в этот период не приняла единственной реальной возможности укрепить свои международные позиции, т.е. активно включиться в систему коллективной безопасности, которую предлагал создать Советский Союз. Заключение Восточного пакта соответствовала бы национальным интересам прибалтийских стран, ибо ни Франция, ни Англия не желали помочь им в случае германской агрессии.

Руководители буржуазной Латвии и в 1934 г. все еще надеялись на гарантии западных стран. Но как и прежде здесь их ожидало разочарование. Заместитель министра иностранных дел Великобритании Р. Ванситарт 29 марта 1934 г. в беседе с генеральным секретарем МИД Латвии В. Мунтерсом заявил, что он не видит ни малейших перспектив для того, чтобы английское или французское правительство приняло на себя какие-либо обязательства по гарантированию сохранения статус-кво в Прибалтике²⁵.

В такой ситуации Латвия и другие страны Прибалтики в 1934 г. оказались перед выбором: либо облизиться с Советским

Совзом и таким путем стабилизировать безопасность и сохранить свою независимость, либо поддаться растущему германскому нажиму. Положительное решение проблемы требовало улучшения отношений с СССР. Наиболее точно это на совещании латвийских дипломатических представителей за границей 3 июля 1935 г. высказал В. Мунтерс, который заявил: "Если мы желаем в ближайшем будущем разрешить вопрос о безопасности в Восточной Европе, мы должны это делать при помощи России"²⁶.

В заключении необходимо указать, что руководители буржуазной Латвии в сложных международных условиях 1930-1934 гг. так и не получили гарантий безопасности западных стран и не добились стабилизации международного положения своей страны. Великобритания и Франция реализуя политику "умиротворения" фашистской Германии и усматривая в ней основную военную силу для подавления СССР в будущем, отказались от Прибалтики, тем самым способствуя росту влияния Германии. Классовая ограниченность представителей Латвии, их западная ориентация не позволили также эффективно использовать единственно реальный путь получения международных гарантий - систему коллективной безопасности, предложенную Советским Союзом.

Список литературы

- 1 КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - М., 1970. - Т.4. - С.408.
- 2 XIII Пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала : Декабрь 1933 г. - Стенографический отчет. - М., 1934. - С.591.
- 3 История второй мировой войны. 1939-1945. - М., 1973. - Т. I. - С.147.
- 4 Сиполо В. Внешняя политика Советского Союза. 1933-1935 гг. - М., 1980. - С.10-11.
- 5 Варолаван А., Зунда А. Британский империализм и буржуазная Латвия в годы мирового экономического кризиса: Экономические и политико-дипломатические взаимоотношения. 1929-1933. - Рига, 1981. - С.112-113.
- 6 Красильников А. Политика Англии в отношении СССР. 1929-1932 гг. - М., 1959. - С.24.
- 7 Водков Ф. Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. - М., 1980. -

С.312.

- 8 Цит. по: Трухановский В. Антоки Иден. - М., 1983. - С.73.
- 9 Центральный государственный исторический архив (далее ЦГИА) Латвийской ССР.
- 10 Jaunākās Ziņas. - 1930. - 9. jūl.
- 11 Brīvā Zeme. - 1931. - 21. maijs.
- 12 ЦГИА ЛатвССР.
- 13 Jaunākās Ziņas. - 1931. - 20. maijs; Sociāldemokrāts. - 1931 - 26. apr.; Brīvā Zeme. - 1932. - 28. janv.
- 14 ЦГИА ЛатвССР.
- 15 Times. - 1930. - November; Latvis. - 1932. - 29. janv.
- 16 Brīvā Zeme. - 1933. - 29. marts.
- 17 Белоусова З. Франция и европейская безопасность. 1929-1939. - М., 1976. - С.145, 174.
- 18 Pēdējā Brīdī. - 1930. - 15. aug.
- 19 Sīvas Viedrs. - 1931. - № 1-2. - 20-21. lpp.; Известия. - 1930. - 14 февр.; Правда. - 1930. - 30 июня.
- 20 Правда. - 1931. - 23 авг.
- 21 Jaunākās Ziņas. - 1932. - 9. marts.
- 22 ЦГИА ЛатвССР.
- 23 ЦГИА ЛатвССР.
- 24 ЦГИА ЛатвССР.
- 25 Сиполс В. Внешняя политика Советского Союза. 1933-1935 гг. ... - С.190.
- 26 ЦГИА ЛатвССР.

О РОЛИ ИДЕИ БАЛТИЙСКО-СКАНДИНАВСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
И СОЮЗА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ
(1933 - 1934 гг.)

В межвоенные годы среди прочих перспектив развития международных отношений между буржуазными государствами была и идея балтийско-скандинавского сотрудничества и союза. Состав этого союза мог быть различным. В наиболее полном виде в составе этого союза мыслились Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Иногда упоминали еще и о привлечении Польши. Однако количество этих государств могло быть и меньшим, охватывая лишь часть названных стран. Характерной чертой данного сотрудничества и союза являлось то, что в нем непременно должна была участвовать какая-то скандинавская и какая-то прибалтийская страна. Именно этим "союзы" такого рода качественно отличались от "союзов" скандинавских стран и Финляндии или союза прибалтийских стран, Финляндии и Польши. Можно сказать, что осью балтийско-скандинавского сотрудничества могло и должно было стать шведско-эстонское сотрудничество или союз. Никогда не говорили о союзе Швеции с Латвией или с Литвой без Эстонии. Никогда не говорили о союзе Эстонии с Данией либо с Норвегией без Швеции. С другой стороны, шведско-финский союз мог остаться в рамках северного, а эстонско-финский - в рамках прибалтийского сотрудничества. При реализации многих, как двух-, так и многосторонних актов культурного, экономического, дипломатического, политического и военного сотрудничества стран Прибалтики и Скандинавии перспективной целью являлась подготовка и формирование в будущем союза этих стран. Сотрудничество рассматривалось как начало союза, союз был бы желаемым результатом сотрудничества.

Балтийско-скандинавский союз не стал реальностью. Тем не менее, идея эта влияла на умы тогдашних политиков. До 1933 г. ею занимались многие дипломаты, политические и государственные деятели тех лет (напр., английский дипломат Ф. Линдлей (1,815-

816), морской министр Швеции Э. Пальмшерн (2, 220, 259), эстонские дипломаты К.Р. Пуста (3, 40), А. Пийп (4, 292, 294-295) и Э. Вирго (5, ф. 957, оп. 12, д. 362, лл. 49-50), их латвийский коллега Г. Бисениек (6, 91), государственные деятели Финляндии Р. Эрих (6, 136) и Д. Реландер (7, 20-21, 59-60, 94, 102, 104, 135-137, 139-140, 209, 224, 230-233, 290-291; 8, 55; 9, 118-121 и т.д.), к этому надо добавить множество газетных и журнальных материалов и статей (10; 11, 60-61; 12) / . Из империалистических держав идеей балтийско-скандинавского сотрудничества и союза в эти годы больше всего интересовалась Великобритания (1, 815-816; 5, ф. 957, оп. 12, д. 362, лл. 49-50; 6, 94; 7, 136, 209, 224, 230, 233; 11, 60-61; 13).

Нереальность идеи балтийско-скандинавского союза не должна быть причиной игнорирования ее историками. Хотя к ней относились не как к первостепенной задаче, тем не менее она сыграла свою роль в тогдашней международной жизни.

Особым периодом в развитии идей балтийско-скандинавского сотрудничества и союза явились 1933-1934 гг. Характерным для этих лет было повышение интереса к указанной идее. Об этом писали газеты (14, 1.01; 15, 13.03, 19.03, 20.03, 26.03; 16, 30.03, 10.07; 17, 7.03; 18, 11.03), этими вопросами занимались публицисты (19, 461-462, 507-510, 980-981; 20, 108-109; 21, 15; 22, 87-90, 145-151; 23, 112-113; 24, 32-34, 41-44; 25, 160-161, 168), политические деятели (26, 64-65, 67-68, 104-105, 109, 145, 172-173, 773-774; 27, 399-400; 14, 1.01; 15, 15.03, 26.03, 2.05; 16, 25.02, 27.02, 3.03, 13.07; 18, 26.03; 28, 378-379, 386; 29, 83-84), дипломаты (5, ф. 957, оп. 12, д. 708, л. 17-20; 26, 185-186; 29, 27; 30, 639, 644-646, 685-686; 31, 246) - кто в положительном, кто в отрицательном плане.

Причины повышения этого интереса были противоречивыми. Частично оно было вызвано усилением агрессивности Германии после прихода к власти фашистов. В марте 1933 г., реферируя материалы латвийских газет, эстонская газета "Paevaleht" писала о необходимости усиления сотрудничества и союза прибалтийских и скандинавских стран в виду опасности со стороны фашистской Германии (15, 13.03, 19.03, 26.03). Это повторялось и в следующем году (16, 10.07). Опасностью со стороны Германии аргументи-

ровал свое предложение о сотрудничестве и союзе скандинавских стран, Финляндии, прибалтийских государств и Польши К. Линдхаген (15, 15.03, 2.05). В мае 1934 г. А. Коллонтай отметила, что "идею сближения Швеции с прибалтами социал-демократический кабинет обосновывает страхом перед фашистской Германией и необходимостью малых стран объединиться против агрессивных замыслов фашистов" (26, 773). Как повод к усилению сотрудничества малых и средних стран рассматривался также рост сотрудничества империалистических держав ("пакт четырех") (15, 28.03).

Однако страх перед ростом агрессивности и мощи Германии после прихода к власти фашистов и стремление использовать сотрудничество малых и средних стран Балтийского моря против фашистской Германии были не единственными и даже не главными мотивами планов укрепления балтийско-скандинавского сотрудничества. Еще в предшествующие годы идея и планы развития балтийско-скандинавского сотрудничества и союза неоднократно имели прежде всего антисоветскую направленность (5, ф.957, оп.12, д.362, лл. 49-50; 32).

Она сохранилась и в рассматриваемые годы. В 1933 г. к этой проблеме трижды обращался журнал военных кругов Эстонии. Автор под псевдонимом "Хо" выступил за укрепление балтийско-скандинавского сотрудничества против Советского Союза (19, 461-462, 507-510; 980-981). Призывавший к укреплению сотрудничества малых государств Балтийского моря А. Кульберг считал более опасной для них в данный момент Германию, но еще больше места уделил в своей брошюре антисоветским измышлениям (24, 8-9, 11, 18, 32-39, 41-47). Коммунистическая пресса скандинавских стран тех лет критиковала планы балтийско-скандинавского сотрудничества и союза как направленные против Советского Союза (33, 88-89, 109-110, 145-151; 34, 108, 112-113; 35, 12). Предшествовавшая и настоящая антисоветская направленность планов балтийско-скандинавского союза была причиной внимательного, настороженного и строгого отношения Советского Союза к такого рода идеям и начинаниям, как в начале 1934 г., так и в дальнейшем (26, 64-65, 67-68, 104-105, 109, 145, 172-173, 185-186, 773-774; 27, 399-400; 36, 103-104).

Отношение фашистской Германии к идеям и планам балтийско-скандинавского сотрудничества и союза было противоположным. Это видно уже по тогдашней германской прессе и публицистике, сочувственно или одобрительно относившейся к такого рода идеям (25, 160, 167-168; 37, 561; 38, 40). Вопросами балтийско-скандинавского сотрудничества в руководстве фашистской Германии занимался Альфред Розенберг, ставший 1 апреля 1933 г. руководителем вновь учрежденного внешнеполитического ведомства фашистской партии. Одной из целей этого ведомства была, по словам А. Розенберга, разработка проблем "восточного и дунайского странств" (39, 312-313). С 1933 г. под особым покровительством А. Розенберга находилось "Северное общество" в Любеке. Задачей общества было развитие "культурных", личных и иных связей со скандинавскими народами и государствами Балтийского моря" (40, 93; 41, 142-143). Выступая 31 мая 1934 г. на организованном "Северным обществом" "северном дне", А. Розенберг подчеркнул общность судеб стран Скандинавии и Балтийского моря, связывая это с борьбой против коммунизма (41, 96, 99-100).

То, что было известно в те годы общественности по опубликованным материалам, подтверждается теперь и документально. 15 мая 1934 г. А. Розенберг передал Гитлеру памятную записку "Великобритания и Германия", в которой он утверждал, что его ведомству удалось исправить испорченную министерством иностранных дел "ситуацию между Финляндией и Германией и создать предпосылки для блока государств Балтийского моря". Этой цели служила, по словам Розенберга, и деятельность "Северного общества". Все это было частью конкретной работы подчиненного Розенбергу ведомства в течение предшествующего полугодия (42, 140). В целом же памятная записка была посвящена деятельности ведомства Розенберга, направленной на улучшение англо-германских отношений на основе империалистического дележа мира / что, впрочем, и было одной из главных целей его деятельности в то время (42, 16, 29, 37, 44, 130) / и нацеленной своим острием против Советского Союза. Среди "компаньонов", кроме Японии, называлась еще и Польша (42, 139). Памятная записка была прочитана Гитлером с одобрением (42, 20). К сожалению, от архива внешне-

политического ведомства фашистской партии сохранилось лишь немного материалов (43, 3).

Игра с идеей балтийско-скандинавского сотрудничества и союза могла показаться и быть полезной для фашистской Германии в эти годы по нескольким причинам. Во-первых, - в качестве тактического приема против возможных противодействий со стороны Великобритании и для демонстрации общих с ней взглядов в начальный период подготовки агрессивных планов, когда Германия была еще сравнительно слабой. Во-вторых, - как средство срыва планов создания системы коллективной безопасности путем отвлечения прибалтийских государств от происходящих в то время переговоров о Восточном пакте. В-третьих, - нельзя упускать из виду и возможность ослабить сотрудничество так называемых эксквайзеров (Скандинавские страны, Швейцария, Голландия, Испания). В-четвертых, - таким образом могло представляться возможным увеличить влияние фашистской Германии на некоторые шовинистические круги в Скандинавии.

Балтийско-скандинавское сотрудничество и союз не мог стать третьим путем между агрессией и коллективной безопасностью, как это представлялось некоторым кругам буржуазии и социал-демократов малых стран. Распространение соответствующих идей и желаний объективно служило облегчению подготовки войны.

Список литературы

1. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918. Russia.- Washington, 1932.- Vol. II.
2. Palmstierna E. Örostatid II. 1917.-1919. Politiska dagboksanteckningar.- Stockholm, 1953.
3. Pusta K.R. Saadiku päevik I.- Geislingen, 1964.
4. Piip A. Tormine aasta. Ülevaade Eesti välispolitika asiajast 1917-1918. aastal dokumentides ja mälestustes. - Tartu, 1934.
5. Центральный Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР.
6. Сиполс В.Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в анти-советских планах империалистических держав 1919-1940 гг.- Рига, 1968.

7. Relander L.K. Presidentin päivakirja. I. - Helsinki, 1967.
8. Arumae H. Kodanliku Eesti Nõukogude-vastasest välispoliitikast aastail 1920 - 1925.- Tallin, 1960.
9. Ilvessalo J. Suomi ja Weimarin Saksa. - Helsinki, 1959.
10. "Manchester Guardian".- 1918.- Oct. 3, 4, 7, 15; "Vaba Maa".- 1921.- 30. I, 8., 18.II; "Postimees".- 1921.- 3., 4., 9. II; "Paevaleht".- 1924.-22.I, 1.IV; 1928.-25.IX, 6.XI; "Aftonbladet".-1926.-16.II; "Nya Dagligt Allehanda".- 1926.- 14.IV; 1927.-7.XI; Faehlmann E. La Situation politique de l'Esthonie dans L'Europe du Nord et du Centre// "Revue Economique internationale".- 1928.- Aout.-Vol. III.- N 2.- P. 383-386.
11. "Svensk Tidskrift".- 1919.- No. 1.
12. "Lunds Dagblad".- 1926.- 27.II.
13. Документы внешней политики СССР.- М., 1963.- Т.УШ.- С. 33, 763, 810; Документы внешней политики СССР.- М., 1967.- Т.ХП.- С. 362; Чичерин Т.В. Статьи и речи по вопросам международной политики.- М., 1961.- С. 422, 452; Волков Ф.Д. Англо-советские отношения 1924-1929 гг.- М., 1958.- С. 180; История Латвийской ССР.- Рига, 1958.- Т.3.- С. 278.
14. Сегодня.- 1934.
15. "Paevaleht".- 1933.
16. "Paevaleht".- 1934.
17. "Vaba Maa".- 1934.
18. "Latvijas Kareivis".- 1933.
19. "Sõdur".- 1933.
20. "Tanapaev".- 1935.
21. "Klassivõitlus".- 1933.- Nr. 154.
22. "Kommunistisk Tidskrift".- 1934.
23. "Kommunistisk Tidskrift".- 1935.
24. Cullberg A. Considerations generales sur la haute politique et quelques reflexions sur la politique des Nations et les problemes de la Baltique. La Guerre ap - proche! - Åbo, 1933.

25. Weber-Krohse O. Der Ostseekreis. Die Revolutionen der Geschichte des nordischen Meeres.- Lübeck, 1934.

26. Документы внешней политики СССР.- М., 1971.- Т.ХУП.-

27. Документы внешней политики СССР.- М., 1973.- Т.ХУШ.

28. Lindhagen C. Memoarer. III.- Stockholm, 1939.

29. Pesti M. Rahvuslik reetmine "rahvusluse" sildi all. (Kodanliku Eesti välispoliitikast aastail 1934-1940).- Tallinn, 1960.

30. Documents on British Foreign Policy 1919-1939 / Second Series.- 1929-1934.-London, 1958.- Vol. VII.

31. Laretei H. Saatuse "mängukanniks". Mallu jaanud "markmeid".- Lund, 1970.

32. Документы внешней политики СССР.- М., 1963.- Т.УШ.-

с. 810; Чичерин Т.В. Статьи и речи по вопросам международной

политики.- С. 421-425; Волков Ф.Д. Англо-советские отношения

1924-1929 гг.- С. 180; История Латвийской ССР.- Т.3.- С. 278.

Сипола В.Я. Тайная дипломатия.- С. 91, 136; "Paevaleht".- 1928.-

6.XI; Relander L.K. Presidentin päiväkirja.- I, l. 136, 138;

Jaanson K. Kodanliku Eesti ja Rootsi suhted 1918.a. lõpul -

1919.a. // "Uurimusi Laanemeremaade ajaloo" III. - Tartu

Riikliku Ülikooli Toimetised". 454.- Tartu, 1979, lk. 97, 103-104, 106-109, 117.

33. "Kommunistisk Tidskrift".- 1934.

34. "Kommunistisk Tidskrift".- 1935.

35. "Kommunistisk Tidskrift".- 1935.

36. Korhonen K. Turvallisuuden pettäessä. Suomi neuvosto diplomatiassa Tartosta talvisotaan. II. 1933 -1939.- Helsinki, 1977.

37. "Zeitschrift für Geopolitik".- 1934.

38. Maschke E. Das Germanischer Meer. Geschichte des Ostseeraumes. - Berlin, 1935.

39. Rosenberg A. Blut und Ehre. Ein Kampf für deutsche Wiedergeburt. Reden und Aufsätze von 1919-1933.- München, 1942.
40. Rosenberg A. Gestaltung der Idee. Blut und Ehre. II Band. Reden und Aufsätze von 1933-1935.- München, 1942.
41. Чернышева О.В. Рабочее движение в Швеции накануне второй мировой войны (1929-1939 гг.).- М., 1971.
42. Seraphim H.G. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs aus den Jahren 1934/35 und 1939/40.- Göttingen, 1956.
43. Vehviläinen O. Kansallissosialistinen Saksa ja Neuvostoliitto 1933-1934. Hitlerin valtaantulosta Baltian pöytäkirjaa koskevien neuvottelujen raukeamiseen.- Helsinki, 1966.

АКТИВИЗАЦИЯ СОВЕТСКО-ЛАТВИЙСКИХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ В УСЛОВИЯХ НАРАСТАНИЯ АГРЕССИВНОСТИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

(1936-1937 гг.)

Военное представительство между СССР и буржуазной Латвией возобновилось после 7-летнего перерыва в начале 1934 г., когда были назначены военные атташе соответственно в Риге и Москве.¹ Через некоторое время полпредство СССР в Риге организовало для представителей латвийского военного министерства и армии просмотр документального советского военного фильма. После просмотра завел разговор о том, что "хорошо было бы видеть эти чудеса воочию". Военный атташе Советского Союза, готовый, очевидно, к такому повороту событий, не замедляясь предложил высшим руководителям латвийской армии организовать поездку делегации военных в СССР.² Вопрос о поездке в СССР, с целью ближе познакомиться с достижениями советских Вооруженных Сил неоднократно поднимался также в беседах высших военных чинов Латвии с советским полпредом в Риге И.О.Бродовским.³ На проявленный руководством латвийской армии интерес Советский Союз ответил готовностью принять ее военную делегацию еще в 1935 г. Однако, как следует из секретного информативного сообщения латвийского МИД посланнику Латвии в Москве от 27 апреля 1936 г., тогда (в апреле 1935 г.) руководство латвийской армии приглашения участвовать на первомайском празднике "избежало"⁴. Такое, "необъяснимое" поведение военных, стремившихся до этого побывать в Советском Союзе, несомненно было продиктовано позицией латвийского правительства.

Весной 1936 г. Советский Союз повторно сделал приглашение латвийской военной делегации посетить первомайский парад в Москве.

В такой переломный момент, каким явилась для судеб Европы весна 1936 г., латвийское правительство и военные круги несомненно чувствовали критическое состояние внешнеполитической ситуации стран Восточной Европы. Озабоченность направлением развития международной обстановки осторожно высказывалась в официозах латвийского правительства. В этот период "Известия" цитировали слова генерального секретаря латвийского МИД В.Мунтера, что создавшееся положение "страны Восточной Европы расценивают как значительно ухудшившееся..."⁵ Однако, более открыто на официальном уровне свою озабоченность проявили военные круги Латвии. В связи с беспрепятственным введением частей вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону 7 марта 1936 г., их орган "Милитарайс Апскатс" в военно-политическом обзоре писал, что "7 марта внесло в мировые международные отношения такую озабоченность, какой в них не наблюдалось со дней начала мировой войны". В журнале подчеркивалось "чрезвычайные последствия, которые имела и еще может иметь декларация Гитлера"⁶, в которой он, как известно, в едва завуалированной форме старался обосновать претензию нацистской Германии противодействовать успехам прогрессивных сил в европейских странах, т.е. "доктрину вмешательства".

В такой ситуации инициатива Советского Союза - предложение начальникам генеральных штабов трех Прибалтийских стран посетить Советский Союз - увенчалась успехом. Необходимо в то же время отметить, что латвийское правительство еще до 25 апреля 1936 г. сомневалось в необходимости поездки. Во время беседы 25 апреля с посланником Литвы в Латвии Димсэй, генеральный секретарь латвийского МИД В.Мунтерс говорил, что "в принципе мы решили ехать"⁷, но будет ли это к 1 мая, - отмечал он впоследствии, - "это в тот момент еще не было честно решено".⁸

О причинах такой неопределенности можно судить из содержания упомянутого нами секретного сообщения латвийского МИД посланникам, рисующего реакцию латвийской дипломатии на приглашение Советского Союза.

"Первой реакцией", - писал генеральный секретарь лат-

вийского МИД, - "было удивление и известная настороженность". Латвийская дипломатия боялась, что "такая поездка будет истолкована в политическом значении, и что она поднимет пыль в заграничной печати: может быть даже подозрения. Во всяком случае ее воспримут везде как определенную демонстрацию, что в действительности совсем не так". Авторитарному правительству Латвии "с психологической точки зрения" очень не нравилось и то, что представителям Латвии пришлось бы участвовать на празднике 1 мая, который был отменен в Латвии с приходом к власти фашистских кругов.⁹ Но особенно клику К.Ульманиса нервировало то, что в связи с приглашением в Москву начальников генеральных штабов армий всех трех государств Балтийской Антанты на Западе может создаться впечатление о сближении их с Советским Союзом.¹⁰ Однако, уже решенный положительный ответ на приглашение в Москву правительства Литвы, а также Эстонии (желавшей таким образом "оправдать" предусмотренный ею осенью 1936 г. визит начгенштаба эстонской армии в Берлин) поставили латвийское правительство, по словам Мунтерса, "в вынужденное положение". Опасаясь также, что отказ от визита будет истолкован Советским Союзом как очередная антисоветская демонстрация и стараясь не нарушить видимость полной солидарности в Балтийской Антанте, латвийское правительство приглашение СССР было вынуждено принять.¹¹ Определенную роль в принятии такого решения сыграли и внутренние факторы: необходимость считаться с нарастающим напором руководимого КПЛ трудового народа, настроениями части интеллигенции и весьма сильной тенденцией даже в высших военных кругах к сотрудничеству с СССР.¹²

Начавшийся по инициативе Советского Союза 29 апреля 1936 г. визит в Москву начальника латвийского генштаба ген. М.Гартманиса, а также начальников генштабов Эстонии - ген. Ээка и Литвы - полк. И.Чернюсе имел определенное значение для развития отношений этих стран с Советским государством. Как указывал ген. Гартманис в речи на обеде в его честь у начальника генерального штаба РККА, Маршала Советского Союза А.И.Егорова, цель этого визита - сближение

"между обеими странами и их армиями, углубление существующей между ними дружбы и укрепление дела мира, к которому стремятся народы обеих стран..."¹³

Для делегаций армий Прибалтийских стран была подготовлена обширная программа пребывания в СССР, позволяющая им ознакомиться с тенденциями развития и достижениями Красной Армии. Они побывали на военном параде 1 мая 1936 г., в отдельном кавалерийском дивизионе, механизированной части им.Калиновского, Военно-Воздушной академии им.Жуковского, Академии механизации и моторизации РККА им.И.Сталина, Центральном аэро-гидродинамическом институте, а также на конно-спортивных состязаниях, в Центральном доме Красной Армии и в Большом театре. Генерал Гартманис был на приеме у наркома обороны СССР К.Е.Ворошилова, встречался с маршалом С.М.Буденным, заместителем наркоминдела Б.С.Стомоняковым и др.¹⁴

Французские газеты (Петит парисьен, Тан) в связи с визитом началь штабов армий Прибалтийских государств подчеркивали, что это посещение Москвы очень симптоматично. Газеты указывали, что Прибалтийские страны озабочены вооружением Германии, особенно после того как англо-германское морское соглашение 1935 г. предоставило Германии свободу рук в Балтийском море. Поэтому как совершенно естественный шаг воспринималось во Франции то, что Прибалтийские страны ищут "противовес" Германии и укрепляют свои отношения с Советским Союзом.¹⁵

Визит начальника штаба латвийской армии в Москву, несмотря на неодобрительное в сущности отношение к нему латвийского правительства и ограниченные возможности, ввиду занятой им позиции, такой формы контактов вообще, тем не менее имел определенные положительные результаты. Во время визита латвийская военная делегация убедилась в том, что Красная Армия - это могущественная, дисциплинированная, вооруженная современным оружием сила. Особенно большое впечатление на представителей латвийских военных кругов оказали советские танки и авиация. В интервью газете "Правда" перед отъездом в Латвию 5 мая ген.Гартманис отметил "блестящие успехи командного состава" Советской армии.¹⁶

В конце 1936 в начале 1937 гг. в газете военного ведомства "Латвияс Каревис" заметно увеличилось число реалистических оценок возможностей советско-латвийского сотрудничества в деле сохранения мира. Симптоматичным фактом в этом направлении явилось опубликование статьи "Великобритания и Прибалтийские страны", в которой приводились слова английского журнала "Форингтия" о том, что "главным врагом этих (Прибалтийских - Б.Д.) стран является Германия, а не Советская Россия". Далее подчеркивалось, что Германия, в отличие от СССР, "все еще продолжает вмешиваться во внутреннюю политику Латвии, Эстонии и Литвы".¹⁷

Особое значение такие констатации на страницах газеты военных кругов Латвии приобретали на фоне весьма напряженной международной обстановки смены 1936-1937 гг. Гитлер в своей юбилейной речи в рейхстаге 30 января 1937 г. повторил свои колониальные требования и перечислил ряд "новых" государств, которые по его мнению имеют право на существование. Советская печать в обращении к народам Чехословакии и Прибалтики, заметила по этому поводу, что отсутствие их стран в списке Гитлера отнюдь не случайность.¹⁸

"Известия" поместили на своих страницах отклик на упомянутую речь Гитлера газеты "Латвияс Каревис", в котором был сделан вывод, что "до тех пор, пока останутся в силе доктрины о расколе мира на два блока и о невозможности сотрудничества с Советским Союзом (подчеркнуто мной - Б.Д.), не устранена опасность неожиданностей". "Туманный характер речи Гитлера показывает", подчеркивал официоз латвийского военного министерства, что "действия Германии не служат укреплению мира".¹⁹

Признание необходимости сотрудничества с СССР в деле укрепления мира явилось определенным свидетельством роста настроений в пользу обличения с Советским Союзом в Латвии и не только в военных кругах. Из сообщений дипломатических представителей СССР следовало, что тенденция роста антигерманских настроений в Латвии была на виду.²⁰

В таких условиях Советское правительство решило организовать ответный визит начальника генштаба РККА СССР

А.И.Егоров в Прибалтийские страны. Переговоры о возможности ответного визита были начаты советской дипломатией с литовским правительством в конце января 1937 г.²¹, а 8 февраля советское предложение было объявлено также Эстонии и Латвии.²² К большому огорчению латвийского правительства его сорзники по Балтийской Антанте переговоры о возможности и сроках визита вели несогласованно. В беседе с министром Латвии В.Мунтерсом 9 февраля 1937 г. полпред СССР в Латвии И.О.Бродовский сообщил, что Литва уже решает вопрос о советском предложении "в положительном духе", об ответе Эстонии ему еще не было известно. Мунтерс заявил Бродовскому, что он не сомневается, что кабинету министров Латвии это посещение будет "примемлемым и приятным". Бродовский информировал Мунтерса, что маршал А.Егоров намерен 16 февраля прибыть в Каунас, а 24 февраля - в Таллин, и что между этими числами несколько дней будет отведено его визиту в Ригу.²³

В секретной информации посланникам от 11 февраля 1937 г. министр иностранных дел Латвии писал, что после его встречи с советским полпредом "началось лихорадочное телефонирование в Каунас и Таллин". В.Мунтерс был возмущен тем, что как "сорзницей" Латвии Эстонией, так и Литвой уже было принято решение об одобрении визита маршала Егорова без каких-либо консультаций с латвийским МИД.²⁴ Также как в предыдущий раз - в 1936 г., когда начальники генштабов армий Прибалтийских стран ездили в Москву, латвийская дипломатия считала, что она поставлена в "вынужденное положение". Контакты между военными кругами СССР и Латвии возникли и активизировались таким образом во многом вопреки официальной политике и намерениям клики Ульманиса.

В период после посещения начгенштабом латвийской армии Москвы в 1936 г., Германия осуществляла сильное политическое давление на латвийское правительство, дабы заставить ее отказаться от продолжения и возможного углубления военно-политических и другого рода контактов Латвии с СССР, и тем более от мыслей о возможности заключения советско-латвийского договора о взаимопомощи. Довольно

изощренные формы давления на Латвию в узко дипломатической сфере дополнялись грубыми выпадами германской печати и публицистики. При этом использовались болезненно воспринимаемые кликой Ульманиса "обвинения" ее в "симпатиях большевизму". Латвийская дипломатия старалась такое "оскорбление" любым образом опровергнуть. Министр иностранных дел В.Мунтерс, в личной беседе с министром иностранных дел фашистской Германии Нейратом 28 января 1937 г. заявил последнему, что "тенденция определить Латвию как сферу влияния коммунизма, соответственно Советского правительства, проявляющаяся в германской печати, не соответствует фактическому состоянию дел". Мунтерс просил Нейрата, принять меры, чтобы такие необоснованные нападки больше не повторялись.²⁵ В результате 28 января 1937 г. было заключено специальное соглашение о "публицистическом перемирии" между Германией и Латвией.²⁶

Однако уже 1 февраля 1937 г. посланник Латвии в Берлине Х.Цельминш был вынужден обратиться к Нейрату с новой специальной просьбой о прекращении "картографического" нервирования Германией клики Ульманиса. Дело в том, что берлинское издательство "Фольк унд Рейх" выпустило проспект, в котором под рубрикой "Формы большевистской экспансии в Европе" публиковалась карта, на которой территория Латвии обозначалась как сфера "военных связей с Советским Союзом".²⁷ Такое провокационное причисление буржуазной Латвии к странам, враждебным рейху, служило своеобразным предупреждением, что фашистская Германия не потерпит дальнейшего углубления военных контактов Латвии с СССР. Понятно, что правительство К.Ульманиса, стремящееся продемонстрировать Берлину свой "абсолютный нейтралитет", сделала накануне визита маршала А.И.Егорова из вышеупомянутых фактов соответствующие выводы.

В Ригу маршал А.И.Егоров прибыл утром 19 февраля 1937 г.²⁸ Латвийские газеты отмечали, что встреча была очень торжественной и весьма дружественной.²⁹ Начальник генштаба РККА в ходе визита в Ригу имел встречи с высшими руководителями латвийской армии: военным министром генералом Я.Балодисом, командующим армией генералом К.Беркисом, начгенштабом М.Гартманисом, а также с министром иностранных дел Латвии В.Мунтерсом и др.³⁰

Характерно и очевидно не случайно, что в дни визита советского маршала в Риге находился (как сообщал латвийский офицер - "по приглашению общества ответственных государственных служащих Латвии") руководитель Имперского союза гражданских служащих национал-социалистической партии Германии Х. Нееф.³¹ Являясь одним из приближенных Гитлера, Нееф стал, начиная с первого посещения им Риги в мае 1935 г., фактическим связным между фашистскими руководителями Германии и Латвии.³² Надо полагать, что нахождение Неефа в Риге должно было создавать хотя и неравноценный, но все-таки "противовес" визиту А.И.Егорова в угоду фашистской Германии. Характерно, что накануне прибытия советского маршала, 18 февраля мининдел В.Мунтеро присутствовал на лекции Неефа об административной реорганизации в Германии. В дни визита А.И.Егорова латвийские газеты параллельно освещали также "визит" Неефа.³³

В секретной информации посланникам от 27 февраля 1937 г., освещающей ход визита маршала А.И.Егорова, руководство МЦ Латвии сообщало, что программа пребывания советской делегации была составлена военным министерством Латвии после согласования с правительством таким образом, чтобы представители советской армии по возможности меньше знакомились с техническими достижениями латвийской армии, а больше "с условиями жизни... армии".³⁴ Советская делегация посетила части рижского гарнизона и ознакомилась с батальоном связи, пехотным и саперным полками. На рижском аэродроме маршал А.И.Егоров осмотрел авиатары и самолеты латвийской военной авиации. Советская делегация посетила также Цесисский гарнизон.³⁵ В культурную программу входило посещение художественно-ремесленной выставки, курорта Кемери, Бретского кладбища и т.д.³⁶

На приеме в честь маршала А.И.Егорова 21 февраля начальник латвийского генштаба генерал М.Гертманис в своей речи заявил, что личное знакомство представителей двух армий усилили взаимное доверие и отметили значение советской армии как призванного стража всеобщего, ведедимаго мира.³⁶ В ответной речи советский гость выразил твердую уверен-

ность, что обмен визитами "сыграет крупную роль в деле укрепления и развития дружественных отношений между армиями обеих наших стран". Указав далее, что обмен визитами "способствует взаимному ознакомлению и взаимопониманию", маршал А.И.Егоров подчеркнул, что "защита границ своей Родины, Красная Армия является одним из важнейших факторов обеспечения мира в Европе и в Балтике, в частности". Советский военачальник отметил также, что советская и латвийская армии руководствуются общим для их государства принципом всеобщего и неделимого мира.³⁷

В секретном сообщении руководства латвийского МИД посланникам от 27 февраля 1937 г. отмечалось, что "никаких политических переговоров (во время визита А.И.Егорова - Б.Д.) не велось, не обсуждался также вопрос о каких-либо военных задачах".³⁸ Тем не менее из архивных документов явствует, что маршал Егоров высказывал представителям латвийской армии и МИД свои мнения по общеполитическим, а также более конкретным вопросам отношений двух стран. Он предупреждал о возрастающей опасности военного конфликта с фашистской Германией в обозреваемом будущем. Подчеркивал, что может быть в данный момент наступило известное спокойствие в политике, однако "зигзаги Гитлера в конечном счете все-таки ведут к определенным целям, изложенным в его книге "Майн Кампф". Интересуясь о недавно (в ноябре 1936 г.) состоявшейся поездке начальника генерального штаба эстонской армии германофила Реека в Берлин, он задавал вопрос, не имеют ли латвийские представители намерения совершить подобный визит. Латвийская сторона ответа избежала.³⁹

22 февраля вечером советская делегация выехала в Таллин.⁴⁰

Обобщая результаты визита советской военной делегации в Латвию, даже руководство латвийского МИД вынуждено было сделать вывод, что "эта поездка должна быть квалифицирована как демонстрация мира и дружбы (подчеркнуто мной - Б.Д.) без каких-либо особых политических и пропагандистских побочных намерений."⁴⁰

Латвийская печать почти что не комментировала полити-

ческое значение визита маршала Егорова. Характерно, что в "Известиях" сообщалось лишь об оценочных откликах литовской и эстонской печати на этот визит.

В дипломатических кругах Риги дискутировались причины воздержания К.Ульманиса от встречи с советским представителем.⁴² Финский историк С.Миллингеми, основываясь на сообщениях финского посла Палина из Риги, пишет, что "Ульманис не принял Егорова, несмотря на старания советского посольства и даже Мунтерса."⁴³ В этом факте отразилось явное угодничество фашистской клики Ульманиса Германии. Руководство МИД Латвии тем не менее старалось в секретном сообщении посланникам от 27 февраля 1937 г. "оправдать" такое решение и доказать, что "в этом внешнем обстоятельстве хотели увидеть известный политический нюанс", но это якобы не соответствует вовсе настоящему положению дел. Был найден формальный довод оправдания отказа главы латвийского буржуазного государства от встреч с маршалом А.И.Егоровым в том, что генерал Гартманис в Москве "не был с визитом ни у Келинина, ни у Молотова". Поэтому, писал В.Мунтерс в сообщении послам, "мы не видели возможности организовать ауденцию к государственному президенту". "С советской стороны в этом вопросе никаких замечаний не делалось", с удовлетворением отмечал латвийский мининдел.⁴⁴

В обзорах печати за 1937 г., подготовленных Отделом печати латвийского МИД, выделялись материалы мировой прессы, в которых освещался визит маршала А.И.Егорова в Прибалтику. Каунасская газета "Дер Кампф" поместила статью "Балтийские государства уклоняются от Германии". Автор утверждал, что Прибалтийские страны, которые раньше ориентировались на Германию, начинают искать новые пути для обеспечения своего нейтралитета в случае войны.⁴⁵ "Нью-Йорк таймс" подчеркивала, что в Латвии и Эстонии у власти находятся фашистские или полуфашистские правительства, но несмотря на это, разные факторы способствуют сотрудничеству этих государств с СССР. В первую очередь отмечалось влияние вражды, существующей между Литвой и

Польшей, которая является союзницей Германии, а также страх Литвы перед намерениями Германии захватить Клайпеду. "При том, - отмечал "Нью-Йорк таймс", - все три Прибалтийские страны хорошо знают, что Россия не хочет войны, Германия в противоположность этому готовится к войне и использует все имеющиеся в ее распоряжении средства для подготовки войны. Так как Прибалтийские страны не хотят в случае войны остаться между двух огней то они идут по общему пути с тем государством, которое старается поддерживать мир. при этом не обращая внимания на внутреннюю строй". "Если Скандинавия пойдет вместе с Россией, тогда и Прибалтийские страны будут делать то же самое", - констатировала американская газета. ⁴⁶

"Показательным" назвал мининдел Латвии В.Мунтерс поведение германской печати в период визита А.И.Егорова. До 27 февраля не появилось, по словам Мунтерса, ни одной статьи, в которой повторялась бы набившая оскомину сказка о воздействии со стороны СССР на Прибалтийские страны. ⁴⁷ Счевидно, такое отношение германской печати должно было демонстрировать определенное "доверие" фашистского рейха к деятельности фашистских руководителей Прибалтики. Известное влияние на одержанную официальную позицию Германии в отношении визита А.И.Егорова весной 1937 г. оставила, несомненно, также попытка Гитлера в то время шантажировать Запад возможностью "сближения" с СССР. ⁴⁸

И после визита начгенштаба РККА СССР Маршала Советского Союза А.И.Егорова Советское правительство продолжило развитие начатых военно-политических контактов с буржуазной Литвией. 31 мая 1937 г. Лиенау посетил советский линкор "Марат", который пробыл там по 2 июня. ⁴⁹ Накануне этого события литовская газета "Вакарэй" в передовой статье, указывая на рост вооруженной силы и боевой мощи Советского Союза, рассматривала его как могучий фактор мира. "Все, кому дороги мир и мирное сожителство, могут только радоваться этому фактору, ибо он гарантирует независимость и безопасность, особенно ма-

лх государств", - констатировало литовское издание. Латвийская печать в откликах на визит "Марета" была более сдержанна. В сентябре 1937 г. делегация латвийской армии во главе с ген. Х. Розенштейном (зам. нач. генштаба латвийской армии) присутствовала по приглашению командования Красной Армии на маневрах Советских Вооруженных Сил в Белорусском военном округе.⁵⁰ Одновременно присутствовали делегации эстонской и литовской армий. Этот, как и предыдущие визиты в рамках советско-латвийских военно-политических контактов широко освещались советской печатью. Военные делегации Прибалтийских стран были приняты народным комиссаром обороны СССР Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым.⁵¹ По возвращении из Советского Союза делегация латвийской армии в "Яунакас Зиняс" сообщалось, что маневры Красной Армии произвели огромное впечатление.⁵² Однако, после этого военно-политические контакты между СССР и Латвией в силу сближения последней с Германией были прерваны и возобновились лишь после подписания советско-латвийского договора о взаимопомощи от 5 октября 1939 г.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие выводы о результатах советско-латвийских военно-политических контактов в весне 1937 г. Советское правительство придавало серьезное значение установлению и развитию военно-политических контактов с буржуазной Латвией. В своей активной и искусной политико-дипломатической деятельности по этой линии СССР опирался, во-первых, на необходимость клики К. Ульманиса считаться с усиливающимися требованиями латышского трудового народа пойти на все-стороннее сближение Латвии с Советским Союзом; во-вторых, - на настроения в пользу военного сотрудничества с СССР, существовавшие в высших военных кругах латвийской армии, в-третьих, Советский Союз использовал озабоченность латвийского правительства резким ростом агрессивности Германии, угрожающим государственному существованию Латвии. Тем не менее, латвийское правительство решилось начать военно-политические контакты с СССР (обмен визитами военных делегаций) лишь по тактическим соображениям во многом в силу наличия такого решения со стороны ее союзников по

Балтийской Антанте и отсутствия принципиальных возрежений со стороны Великобритании.⁵³ Следует отметить, что в то же время антисоветская направленность военных планов Латвии не пересматривалась и не изменялась.⁵⁴ Активизация советско-латвийских военно-политических контактов проходила в условиях настороженной оглядки клики Ульманиса на реакцию фашистской Германии в духе лавирующего германоугоднического "нейтралитета". Латвийское правительство старалось подчеркивать свою политическую "стерильность" в отношениях с СССР и сохранить по возможности формальный уровень военно-политических контактов, не создавая возможностей к переходу к более глубокому, оформленному договором, конкретному военно-техническому сотрудничеству.

Несмотря на такую позицию латвийского правительства, Советскому Союзу удалось достичь в рассматриваемый период определенных результатов. Советское правительство в очередной раз продемонстрировало свою особую заинтересованность в независимости и государственном суверенитете Латвии и других Прибалтийских стран перед лицом потенциального агрессора - фашистской Германии. Визитом маршала А.И.Егорова в Прибалтику СССР в сущности продемонстрировал также морально-политическую солидарность со всеми силами в Прибалтийских странах, выступающими за мир и национальную независимость. Активизация военно-политических контактов с буржуазной Латвией способствовало оживлению контактов также в других сферах советско-латвийских взаимоотношений.

В ходе визита А.И.Егорова было объявлено о приверженности двух государств и армий принципам всеобщности и неделимости мира и сотрудничества в этом направлении. Обмен визитами начальников штабов армий двух стран давал импульс сближению военных кругов Латвии и СССР, что имело особое значение в преддверии возможной агрессии со стороны фашистской Германии. Давая оценку результатам визита маршала А.И.Егорова в Прибалтику, газета "Известия" подчеркивала высказывание чешской газеты "Лидове новини", в кото-

дом говорилось: "Нет сомнения, что надлежащим образом подготовленное сотрудничество военных деятелей СССР и балтийских стран может в момент военной опасности приобрести решающее значение".⁵⁵ В ходе визита А.И. Егорова в Прибалтику выяснилось "растущее внимание военными кругами значения Советского Союза и его мощной Красной Армии для независимости малых Прибалтийских государств", - констатировал заведующий отделом НКВД СССР М.А.Карский в письме советским полпредам в Риге, Каунасе и Таллине.⁵⁶ Активизация советско-латвийских военных контактов дала новый импульс развитию межгосударственных отношений двух стран и могло определенным образом способствовать продвижению к заключению договора о взаимопомощи между СССР и Латвией.

Список литературы

- I. Sīpols V. Dzintenes nodevība: Buržuāziskās Latvijas ārpolitika no 1933.līdz 1940.gadam. - R.: LVI, 1963.- 33.lpp. (Turpmāk - V.Sīpols. Dzintenes nodevība).
2. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (далее - ЦИА ЛатвССР).
3. Sīpols V. Dzintenes nodevība, 119.lpp.
4. ЦИА ЛатвССР.
5. Известия. - 1936. - 27 мая.
6. Militārais Arhīvs. - 1936. - Nr.3. - 577.-578.lpp.
7. ЦИА ЛатвССР.
8. Там же.
9. Там же.
10. Sīpols V. Dzintenes nodevība, 119.lpp.
11. Там же; ЦИА ЛатвССР.
12. Там же. Донесение министерства общественных дел К.Ульманису (нач. 1937 г.).
13. Известия. - 1936. - I мая.
14. Известия. - 1936. - 4 мая; Правда - 1936 - 5 мая; Красная звезда. - 1936. - 5 мая; Известия. - 1936. 6 мая; Красная звезда. - 1936. - 6 мая; Rīts. - 1936.-6.maijā; Jaunākās Ziņas. - 1936.- 6.maijā.

15. ЦИГА ЛатвССР; Latvijas Kareivis, - 1936.-3.maija.
16. Правда. - 1936. - 6 мая.
17. Latvijas Kareivis. - 1936. - 31.dec.
18. Известия. - 1937. - 4 февр.
19. Известия. - 1937. - 5 февр.
20. Документы внешней политики СССР. - М.: Политиздат, 1976. - Т.20.-С. 722.
21. Navickas K. TSRS vaidmuo,ginant Lietuvu nuo imperialistines agresijos 1920-1940 metais.- Vilnius: Mintis, 1966.-183.p.
22. ЦИГА ЛатвССР.
23. Там же.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же.
27. Там же.
28. Известия. - 1937. - 20 февр.
29. Jaunakās Zinas. - 1937.-20.febr.; Brīvā Zeme. - 1937.-20.febr.
30. Известия. - 1937. 20 февр., 21 февр., 22 февр., 23 февр.
31. Brīvā Zeme. - 1937.-19.febr.
32. Sīpols V. Dzimtēnes nodevība, 71.lpp.
33. Brīvā Zeme. - 1937. - 19.febr., 20.febr.
34. ЦИГА ЛатвССР.
35. Там же; Известия. - 1937.-21 февр., 22 февр., 23 февр.
36. Brīvā Zeme. - 1937. - 22.febr.
37. Ibid.
38. ЦИГА ЛатвССР.
39. Там же.
40. Известия. - 1937. - 23 февр.
41. ЦИГА ЛатвССР.

42. Там же.
43. Myllyniemi S. Die baltische Krise. - Stuttgart: DVA, 1979. - S.22.
44. ЦТИА ЛатвССР.
45. Там же.
46. Там же.
47. Там же.
48. Документы внешней политики СССР.-Т.20.-С.187 и др.
49. Известия. - 1937. - 1 июня, 2 июня, 4 июня.
50. Известия. - 1937. - 20 сент.
51. Там же;Красная звезда. - 1937.-20 сент., 24 сент.
52. Jaunākās Ziņas. - 1937. - 3.okt.
53. ЦТИА ЛатвССР.
54. Žagers Ē. Ceļš uz revolūciju/Dzimtenes' Balss. - 1970.- 2.okt.
55. Известия. - 1937. - 6 марта.
56. Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии: Восстановление Советской власти. - М.: Наука, 1978. - С.142.

ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЛИТВЕ
В 1937-1940 гг.

Советские историки, исследующие международные отношения кануна второй мировой войны и начального ее периода, в своих работах касаются лишь отдельных аспектов политики английского империализма в отношении Литвы в эти годы¹. В целом же эта проблема до сих пор не изучена. Более глубокое исследование ее даст возможность лучше понять восточноевропейскую политику Великобритании того периода.

Когда во второй половине 1937 г. в капиталистических странах начался экономический кризис, сильно поразивший США, а также Англию и Францию, реакционные правящие круги западных держав искали выхода из еще более обострившихся межимпериалистических противоречий, стремясь направить гитлеровскую Германию против СССР. Особенно активно действовали в этом направлении английские империалисты.

19 ноября 1937 г. лорд Галифакс в беседе с Гитлером, назвав Германию "бастионом Запада против большевизма", недвусмысленно дал ему понять, что английское правительство готово согласиться с агрессивными действиями Германии в отношении Данцига, Австрии и Чехословакии, по существу одобрил также грабительские устремления Гитлера в отношении Клайпеды, высказывая лишь пожелание, чтобы грабительские планы Германии были осуществлены "путем мирной эволюции". Так усиливалась угроза агрессии, прежде всего для стран, находившихся по соседству с Германией, в том числе и для Литвы. Эта угроза еще больше возросла после захвата Австрии Германией в марте 1938 г.

Видя, что агрессия остается не наказанной, польские милитаристы решили напасть на Литву, чтобы обеспечить себе свободный выход к морю через Клайпеду. Воспользовавшись инцидентом около административной линии, 17 марта они предъявили правительству Литвы ультиматум с требованием согласиться на установление дипломатических отношений без всяких предварительных условий. В то же время у польско-литовской административной линии стягивались польские войска.

Проанализировав политику Великобритании и других западных держав в связи с польским ультиматумом, литовский посланник в Москве Ю. Балтрушайтис констатировал, что они "беспокоятся лишь об уменьшении конфликта, чтобы он не превратился в искру более крупного пожара". Действительно, правящие круги Великобритании думали лишь о том, что, если Литва отклонит ультиматум, Польша нападет на Литву, а на помощь последней пришел бы Советский Союз, могла бы начаться большая война при неблагоприятных для империалистической реакции условиях. Ю. Балтрушайтис отметил, что "очевидно, ни французы, ни в особенности англичане кровно не заинтересованы в том, чтобы Литва осталась свободной и независимой, ибо они до сих пор не проявили намерений заступиться за эту свободу и независимость конкретными мерами"³. "Иначе поступали Советы"⁴, - констатировал он. Правительство СССР решительно предупредило Польшу, что Советский Союз не мог бы оставаться безучастным к событиям, если независимость Литвы будет поставлена под угрозу. Решительная позиция Советского правительства еще раз показала трудящимся Литвы, что Советский Союз является надежным гарантом независимости их страны.

Летом 1938 г. гитлеровская Германия стала готовить агрессию против Чехословакии. Они хотели, чтобы СССР не смог придти на помощь Чехословакии. Реакционные правящие круги Польши и Румынии отказывались пропустить Красную Армию через свою территорию. В связи с этим советник министра обороны Великобритании Лиддел Харт высказывал мнение, что наиболее эффективным способом оказания помощи Чехословакии было бы наступление Красной Армии против Восточной Пруссии в том случае, если бы ей было разрешено перейти через Латвию и Литву⁵. Стремясь помешать этому, гитлеровцы убеждали правительства прибалтийских стран отказаться от принципа коллективной безопасности, отказаться от статьи 16-й устава Лиги наций, предусматривавшей, кроме всего прочего, военные санкции против агрессоров.

В решающий момент, 19 сентября 1938 г. правительства Латвии и Эстонии, 21 сентября правительство Литвы сделали заявления о том, что оставляют за собой право в каждом отдельном случае определить, в состоянии ли они предпринять меры, предусмотренные статьей 16-й устава Лиги наций, и если да, то в какой мере,

то есть, что более не считают эту статью обязательной для себя. Как выяснилось позднее, решающее влияние на позицию Литвы оказало английское правительство, а также правительства Латвии и Эстонии⁶. По существу это явилось серьезной уступкой фашистской Германии.

Гитлеровцы первым этапом своей агрессии в Прибалтике считали захват Клайпедского края. Правда, во время беседы с Н. Чемберленом в Берхтесгадене 15 сентября 1938 г. Гитлер сказал, что он готов "оставить Клайпедский край, как он есть", до тех пор, пока правительство Литвы будет соблюдать статут Клайпедского края⁷. Однако уже 21 октября, спустя всего три недели после заключения Мюнхенского сговора, позволившего гитлеровской Германии захватить важные районы Чехословакии с ее пограничными укреплениями, Гитлер подписал приказ, по которому германские войска должны были быть готовы к захвату остальной части Чехословакии, а также для захвата Клайпедского края. "В результате присоединения Мемеля к рейху, - отмечал советник Риббентропа Э. Клейст, излагая планы Гитлера, - можно было бы заполучить в свои руки Литву и твердо стать на ноги также в Прибалтике"⁸.

15 марта 1939 г. гитлеровцы захватили остальную территорию Чехословакии. Вслед за этим, воспользовавшись бессилием фашистского правительства Литвы, 22 марта 1939 г. они продиктовали ему договор, по которому Клайпедский край был отдан Германии. Статьей 4-й договора обе стороны обязались не применять силу один против другого и не поддерживать применение силы третьей стороной против другой договаривающейся стороны. Таким образом буржуазное правительство Литвы, согласившись на передачу Клайпедского края Германии, обязалось в то же время не присоединяться к коллективным усилиям по обузданию агрессора.

Это полностью соответствовало планам английской реакции, преследовавшей цель спровоцировать агрессию фашистской Германии против СССР. Поэтому Великобритания, а также Франция, хотя они в свое время подписали Клайпедскую конвенцию, статья 15-я которой гласила, что "суверенные права на Клайпедскую территорию или их осуществление не могут быть переданы без согласия высоких договаривающихся сторон", теперь не мешали Гитлеру захватить Клайпеду, хотя это наносило удар также по их престижу.

Действия фашистских агрессоров, значительно усилившие опасность войны в Европе, вызвали большую тревогу среди населения европейских стран. Наконец правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье под нажимом общественного мнения вынуждены были весной 1939 г. начать переговоры с СССР о совместных действиях по преграждению пути агрессии, как это предлагало Советское правительство. В ходе переговоров правительство СССР с самого начала уделяло большое внимание вопросу о гарантиях прибалтийским странам. Однако Н. Чемберлен не собирался давать гарантии Финляндии, Эстонии и Латвии и тем более Литве, не имеющей общей границы с Советским Союзом, хотя каждому трезво мыслящему было ясно, что, осуществляя агрессию против Прибалтики или через нее против Советского Союза, Германия прежде всего напала бы на Литву.

Не случайно У. Черчилль указывал, что если бы гитлеровцы захватили Литву, Латвию и Эстонию, "вся Европа была бы втянута в войну"⁹. Видя, какая большая опасность грозит Британской империи со стороны Германии, и понимая, что единственный правильный путь для Англии заключается в тесном сотрудничестве с Советским Союзом, У. Черчилль писал: "Должно быть одобрено не только полное сотрудничество с Россией, но к этому сотрудничеству должны быть привлечены также три прибалтийских государства - Латвия, Эстония и Литва"¹⁰.

Только после того, как 22 мая 1939 г. Германия и Италия подписали договор о союзе, еще более усиливший угрозу для Британской империи, правительство Н. Чемберлена согласилось вести переговоры с Советским Союзом о заключении договора о взаимопомощи, однако и в дальнейшем не хотело принимать никаких конкретных обязательств. Об этом наглядно свидетельствовало предложение Англии и Франции от 27 мая подписать договор трех стран, не предусматривавший организации эффективной взаимопомощи.

2 июня 1939 г. Советское правительство представило свой проект договора трех государств. В нем предусматривалось, что Франция, Англия и Советский Союз обязываются оказывать друг другу немедленную всестороннюю эффективную помощь, если одно из них будет втянуто в военные действия с европейской державой в результате агрессии этой державы против любого из этих трех госу-

дарств, либо против Бельгии, Греции, Турции, Румынии, Польши, Эстонии, Финляндии, которые три договаривающиеся государства обязуются защищать против агрессии. Было предусмотрено также оказывать взаимную помощь и в том случае, если одно из этих трех государств будет втянуто в военные действия в результате помощи, оказанной другому европейскому государству, которое попросило эту помощь, чтобы противодействовать нарушению ее нейтралитета¹¹. Совершенно ясно, что эта статья могла быть применена и для оказания помощи Литве, не имевшей общей границы с СССР.

Лишь 1 июля правительства Англии и Франции согласились, чтобы гарантии трех государств были расширены для Латвии, Эстонии и Финляндии, но лишь в случае прямой агрессии. Вместе с тем правительство Н. Чемберлена попрежнему отказывалось давать гарантии Литве. Еще 29 мая 1939 г. английский посол в Москве У. Сидс, когда был поднят вопрос о гарантиях прибалтийским странам, заявил, что правительство Великобритании не дает гарантии против воли независимых государств. Однако в то же время правительство Н. Чемберлена согласилось включить Литву в подписанный 25 августа 1939 г. между Англией и Польшей договор о взаимопомощи в случае агрессии со стороны Германии. Взаимопомощь согласно этому договору должна была также оказываться в том случае, если бы угроза независимости или нейтралитету другого европейского государства одной из договаривающихся сторон была расценена как *casus belli*. В приложенном к договору секретном протоколе прямо указывалось, что эта установка касается и Литвы¹².

Во время проходивших в августе 1939 г. в Москве переговоров военных миссий Англии, Франции и СССР также с самого начала стало ясно, что правительства Н. Чемберлена и Э. Даладье не хотят совместных с Советским Союзом действий против фашистских агрессоров. Более того, они всячески поощряли нападение гитлеровской Германии на СССР. Однако Советский Союз сорвал планы реакционных кругов западных держав создать единый антисоветский фронт, и вторая мировая война началась как вооруженное столкновение двух империалистических группировок.

Еще до нападения 1 сентября 1939 г. на Польшу и в первые дни после нападения на нее германское правительство неоднократно

но настоятельно предлагало правительству Литвы немедленно послать войска для занятия Вильнюсского края, предлагая свою помощь, обещая для этой цели и поддержку авиации¹³. Часть членов буржуазного правительства была склонна принять это предложение. Однако другая часть, как генерал С. Раштикис 31 августа конфиденциально информировал военного атташе Германии в Каунасе полковника Э. Оста, ориентировалась если не на Польшу, то во всяком случае на Англию и Францию¹⁴, которые оказывали сильное давление на Литву, чтобы та не отказалась от своего нейтралитета.

Начавшаяся война подорвала экономические связи Литвы с западноевропейскими странами, в том числе с Англией, которая занимала первое место во внешней торговле Литвы. Литва была заинтересована в экспорте сельскохозяйственных товаров в Англию, откуда получала иностранную валюту, между тем как с Германией расчеты производились по клирингу. В то же время в Англии с началом войны стало не хватать основных продовольственных продуктов — бекона, масла. Поэтому английское адмиралтейство согласилось предоставить конвой английским торговым судам, перевозившим литовские продовольственные товары через шведские и норвежские порты. В экспорте бекона в Англию в этот период Литва занимала третье место после Канады и Дании¹⁵. Все же это было значительно меньше, чем в довоенные месяцы. Однако Германия требовала, чтобы Литва полностью прекратила торговые связи с Англией. Пользуясь условиями военного времени, она стремилась подчинить себе Литву в экономическом отношении.

17 сентября по приказу Советского правительства Красная Армия начала освободительный подход в Западную Украину и Западную Белоруссию, преградив тем самым путь для захвата Вильнюса гитлеровскими войсками. Буржуазное правительство Литвы стало думать, как ему поступить, если правительство СССР предложит передать Литве Вильнюс, спасенный Красной Армией от гитлеровской оккупации. На зондаж в Лондоне был получен ответ, что нечего рассчитывать на то, чтобы правительство Великобритании благосклонно отнеслось к оккупации территории, принадлежащей одному из его союзников¹⁶, то есть, что оно считает Вильнюс частью польской территории.

Все же правительство Литвы 19 сентября оставило перед Со-

ветским правительством вопрос о Вильнюсе и 10 октября подписало с ним договор о передаче Литве Вильнюса и Вильнюсской области и о взаимопомощи между Литвой и Советским Союзом. Этот договор имел огромное значение для литовского народа, он спас Литву от грозящей ему гитлеровской оккупации. В то же время английское правительство сообщило правительству Литвы, что оно и в дальнейшем считает Вильнюсскую область частью Польши; поэтому оно отказалось признать возвращение Вильнюса Литве. Английское правительство даже предприняло грубое давление на Литву, угрожая, что если столица Литвы будет перенесена из Каунаса в Вильнюс, английская миссия останется на старом месте - в Каунасе. Такую же позицию заняли правительства Франции и США.

Заключение договора о взаимопомощи между СССР и Литвой противоречило планам английских и французских империалистов, согласно которым Литва и другие страны Прибалтики должны были принять участие в "крестовом походе" против СССР. Поэтому они, как и гитлеровцы, подстрекали литовскую буржуазию не выполнять обязательств, принятых правительством Литвы по этому договору. В этих условиях реакционные круги литовской буржуазии вскоре после подписания договора начали саботировать его выполнение. Однако антисоветские планы международного империализма терпели провал.

В феврале 1940 г. президент А. Сметона, напуганный неуклонно нараставшим антифашистским и революционным движением трудящихся Литвы, через директора департамента безопасности А. Повилайтиса тайком сообщил правительству Германии, что он сделал вывод, что проводившаяся до сих пор ориентация литовского правительства на Англию и Францию "ошибочна и даже вредна", что он "решил переориентироваться на Германию", и просил взять Литву под свой протекторат. Ему был дан ответ, что Германия сможет взять Литву под свой протекторат даже до сентября 1940 г. и во всяком случае не позднее чем после окончания войны на Западе. Но в ближайшем будущем в связи с военными действиями на Западе она не может вмешиваться в ход событий в Прибалтике¹⁷.

Все же значительная часть литовской буржуазии продолжала ориентироваться не на Германию, а на Англию и Францию. Видимо, желая укрепить позиции своих сторонников в литовском правитель-

стве, правящие круги Великобритании теперь решили пересмотреть свое отношение к Литве. До тех пор в Каунасе находился только поверенный в делах Великобритании, а к правительству Литвы был аккредитован английский посланник в Латвии, постоянно проживавший в Латвии и редко появлявшийся в Каунасе. В конце марта 1940 года министр иностранных дел Великобритании пришел к выводу, что по политическим соображениям следует открыть в Каунасе отдельную миссию¹⁸. 26 апреля в газете "Летувос айдас" было сообщено, что поверенный в делах Великобритании в Каунасе Т. Престон назначен английским посланником для Литвы. 12 июня он вручил президенту Литвы А. Сметоне свои верительные грамоты. Во время состоявшейся в этой связи беседы с ним Т. Престон выразил пожелание своего правительства и впредь поддерживать с Литвой хорошие отношения. В конкретных условиях того времени это могло означать определенную моральную поддержку А. Сметоне в его антисоветских позициях.

Однако авантюристические планы А. Сметоны навязать Литве протекторат гитлеровской Германии потерпели провал. Скончательно запутавшись в своей антинародной внутренней и реакционной внешней политике, 15 июня 1940 г. он бежал из Каунаса в Германию. Бегство А. Сметоны означало крах фашистского режима. Теперь наконец трудящиеся Литвы под руководством Коммунистической партии, воспользовавшись сложившимися благоприятными условиями внутреннего и международного положения, смогли сказать решающее слово о судьбе литовского народа, своего родного края.

Западные державы встретили июньские события в Литве, образование Народного правительства как нормальное конституционное формирование нового правительства. Поэтому 21 июня руководители дипломатических миссий иностранных государств, имевшие резиденции в Каунасе, в том числе английский посланник, нанесли визиты исполняющему обязанности премьер-министра министру иностранных дел В. Креве-Мицквичюсу¹⁹. 27 июня английский посланник Т. Престон представил ему нового военного атташе Великобритании К. Грира и прибывшего с прощальным визитом бывшего военного атташе подполковника Г.Ф. Битопа²⁰.

21 июля 1940 г. Народный сейм провозгласил Советскую власть на всей территории Литвы и решил обратиться к Верховному Совету

СССР с просьбой о принятии Литовской ССР в состав Союза СССР в качестве союзной республики. Правительство Великобритании, продолжая придерживаться антисоветского курса, не смогло примириться с этими историческими решениями. Это было не случайно, потому что с восстановлением Советской власти в Литве и вступлением Советской Литвы в Союз Советских Социалистических Республик окончательно потерпели провал все грабительские планы международной империалистической реакции в отношении Литвы и литовского народа.

Список литературы

- I. История внешней политики СССР. 1917-1976/ Под ред. А.А. Громыко и В.Н. Пономарева.- 3-е дополн. изд.- М., 1976.- Т. I.; Тухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939-1945).- М., 1965; Сиполс В.Я. Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны.- М., 1979; Navickas K. TGRS vaidmuo, ginant Lietuvą nuo imperialistinės agresijos 1920-1940 metais.- Vilnius, 1966, etc.
2. Документы и материалы кануна второй мировой войны.- М., 1948.- Т. I.- С. 16, 26, 35-36.
3. ЦГА Литовской ССР.
4. Там же.
5. Contemporary Review (London).- 1939.- No 877.- P. 27.
6. Архив внешней политики СССР.
7. Survey of International Affairs 1937.- London etc., 1953.- Vol. 3.- P. 366-367.
8. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны.- М., 1971.- С. 234.
9. Namier L. Diplomatic Prelude. 1938.- 1939.- London, 1948.- P. 181.
10. Шевяков А.А. Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности 1932-1939.- М., 1977.- С. 330.
- II. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны.- С. 432.

12. Survey of International Affairs 1939-1945. The Eve of War, 1939.- London, etc., 1958.- P. 175.
13. Lithuania in 1939-1940.- Vilnius, 1976.- P. 23.
14. Documents on German Foreign Policy 1918-1945/Series D.- Washington, 1956.- Vol.7.- P. 467.
15. Public Record Office. F.O.- 371. N6519/29/59.
16. Public Record Office. F.O.- 371. N4516/4193/59.
17. Документы исторических дней// Коммунист(Вильнюс).- 1960.- № 6.- С. 35.
18. Public Record Office. F.O. - 371. N3686/3686/59.
19. Kančevičius V. 1940 metų birželis Lietuvoje.- Vilnius, 1973.- P. 74.
20. ЦГА Литовской ССР.- ф. 383, оп.7, д.2235, л.3.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТЕОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОЙ
ЕВРОПЕ (1918 - 1923 гг.)

Первая мировая империалистическая война привела к крайнему обострению коренного противоречия капиталистической системы — противоречия между трудом и капиталом, между рабочим классом и буржуазией. Трудовое крестьянство, мелкобуржуазные слои города и деревни в воюющих странах были в подавляющем большинстве доведены до отчаяния ужасами войны, разорения, усиливающейся нищеты. "Везде стучится в двери рабочая революция", говорил В.И. Ленин, характеризуя ситуацию в Центральной Европе осенью 1918 г.¹ Но это не значило, что революциям, нараставшим в разных странах предстояло решать однозначные социально-политические задачи. Общими для них были три обстоятельства: невозможность продолжать империалистическую войну, банкротство существующих режимов, виновных в ее развязывании, а также наличие более или менее значительного комплекса нерешенных общедемократических задач. В целом, борьба за демократические преобразования, особенно за землю и ликвидацию остатков феодализма, и свержение национального гнета, восстановление или создание самостоятельных государств выдвигалось в странах Центральной и Юго-Восточной Европы на первый план.²

Следует особо подчеркнуть: понятие "послевоенный революционный кризис" по содержанию адекватны процессы в социальной действительности только некоторых стран Европы в 1918-1920 гг. В этот период в условиях перехода от войны к миру произошли революции в ряде стран (Финляндия, Германия, Австрия, Венгрия). В странах же победительницах дело не дошло до общенационального кризиса, непосредственная борьба за власть не развернулась.³ Революционного кризиса как высшей ступени зрелости объективных и субъективных предпосылок революции не было в большинстве стран Европы, в том числе, что особенно важно, в крупнейших государствах — Англии, Франции, в Гер-

мании революционный период наступательных боев немецкого пролетариата также оказался не длительным: с ноября 1918 г. до лета 1919 г. Со второй половины 1919 года, после подписания Версальского договора, в Германии укрепилась тенденция к восстановлению "порядка", авангард рабочего класса потерпел поражение и буржуазная республика обрела свою конституционную форму⁴.

Иной характер присущ революционным боям 1921-1923 гг. — суть его состоит в стремлении революционных сил ряда стран вооруженными восстаниями (1923 г. в Германии, Польше, Болгарии) приостановить стабилизацию капитализма.⁵ Это следует особо подчеркнуть: данные восстания могли лишь несколько приостановить стабилизацию капитализма.

Думается, что для характеристики периода 1918 - 1923 гг. удобно применять понятие "послевоенный революционный подъем";⁶ оно может быть, уязвимо с точки зрения литературного правила определения⁷, зато — весьма универсально: во-первых отражает типичное — т.е. резкое обострение классовой борьбы во всей послевоенной Европе 1918- 1923 гг., во-вторых — охватывает самые многообразные формы и уровни развития классовой борьбы: начиная от низовых и кончая высшими — революционным кризисом, революцией. Конечно, в данном случае ярко проявится закон обратного соотношения объема и содержания понятия⁸.

Правомерно ли применение понятия "послевоенный революционный кризис" в исследовании уровня развития классовых противоречий в первые годы буржуазной Латвии, как это делалось в некоторых обобщающих трудах.⁹ Рассмотрим вопрос в методологическом ключе. В январе 1920 г. контрреволюция победила на всей территории Латвии. Следует однако заметить, что в результате победы контрреволюции в Латвии не произошел полностью возврат к "старому", т.е. восстановление без изменений социально-экономического и политико-юридического строя, существовавшего до победы советской власти в 1919 г. В стране был осуществлен ряд весьма последовательных буржуазно-демократических преобразований (аграрная реформа; принятие в 1922 г. конституции, представление национальным меньшин-

ствам по сути, права на культурно-национальную автономию и др.).

Известно, что с поражением революции общенациональный революционный кризис исчезает.¹⁰

С середины 1919 г. на значительной части территории Латвии возникает новая историческая ситуация — период временного торжества контрреволюции, — в которой выразилась реализация одной из возможностей, заложенных в предшествующем развитии. Суть новой исторической ситуации раскрылась и в новом соотношении классовых сил, а значит — и в новых возможностях исторического развития. Сложилась эта новая историческая ситуация главным образом под влиянием внешних сил. Контрреволюционный кризис, т.е. кризис, создающий условия для насильственного возврата власти в руки свергнутых реакционных классов, постепенно вызревал уже с начала 1919 г. и кормился в основном внешними силами. Реставрация власти эксплуататоров состоялась в первую очередь благодаря внешней военной интервенции, что, правда, не дает оснований называть сложившуюся историческую ситуацию — победу контрреволюции "чисто" внешнеполитической, так как имелись, второстепенные, внутренние причины, способствовавшие падению советской власти в Латвии в 1919 г., на которые неоднократно указывал в своих работах П.Стучка.¹¹

В Латвии также проявилась одна из существенных черт социальной контрреволюции, в общетеоретическом плане указанная известным советским автором М.А.Селезевым:¹² в политической битве за восстановление всей полноты власти свергнутый реакционный класс опирался на возглавляемое им массовое контрреволюционное движение промежуточных слоев и какой-то части ранее угнетавшихся данным классом трудящихся. Однако учитывая то, что в Латвии власть эксплуататоров была реставрирована, в первую очередь, силами внешней военной контрреволюции, данная черта контрреволюции здесь была выражена менее, ее значение в свержении советской власти — второстепенное.

В первой половине 1919 г. развитие контрреволюционного кризиса наблюдалось еще только как тенденция, правда, — постоянно набирающая силу. Порог необратимости в развитии контрреволюционного кризиса был достигнут к началу осени 1919 г. и был обусловлен, в первую очередь, неблагоприятными для советской власти внешними факторами. К событиям в Латвии в 1919 г. вполне применимо сказанное известным современным венгерским ученым Иштваном Херманном: "Целый ряд революций и прежде всего революции, происходившие в относительно малых государствах, показывают, что их дальнейшая судьба является не просто "вектором" внутренних сил и субъективных возможностей, но скорее "вектором" конкретной международной ситуации в целом в данное время".¹³ Превосходство внешней контрреволюции на вооруженными силами советской власти в Латвии, отсутствие возможности Советской России оказать им военную помощь, более того — необходимость осенью 1919 г. перебросить большинство частей латышских красных стрелков на основной к этому времени фронт гражданской войны — Южный; продиктованное необходимостью обеспечения выхода бело-латышской стороны из антисоветской войны обращение правительства РСФСР к буржуазному временному правительству К.Ульманиса с предложением мира (II, IX. 1919 г.) — важнейшие факторы, влиявшие на развитие внутриполитического положения в Латвии. К ним следует добавить и процесс укрепления латышской буржуазной армии, наметившийся с т.н. Цесисских боев и особенно наглядно проявившийся по ходу отражения наступления Бермондта (X-XI. 1919 г.). За счет мобилизации и добровольцев армия значительно выросла. (Конечно, фактор укрепления буржуазной армии нельзя рассматривать как сугубо внутренний, военные силы местной контрреволюции получали помощь от внешних интервентов — оружие, провиант и т.д.). Касательно факторов внутриполитического порядка, объективно способствовавших развитию контрреволюционного кризиса, особенно необходимо подчеркнуть, что опять-таки, превосходство сил внешней контрреволюции не позволяли советской власти в 1919 г. более значительно продвинуться по пути создания абсолютных

гарантий революционных завоеваний.* Для их создания особенно важным являлся тот курс в аграрной политике КДМ, который наметился к весне 1919 г., когда "Дзига" опубликовала несколько статей П.Стучки, Я.Берзиня-Андерсона и К.Печака. В них популяризировались решения III съезда РКП(б) о переходе к прочному союзу с середняком и подвергалась критике порою неправильная политика местных партийных и советских органов по отношению к среднему крестьянству.¹⁴

"Зехи" буржуазной Латвии, особенно с осени 1919 г., после бермонтиады, переживали период упрочения политической власти, консолидации эксплуататорских сил, "замазвания" той широкой трещины, в которую на рубеже 1918-1919 гг. прорвалось недовольство и отчаяние угнетенных классов. Период наибольшего отчаяния правящих кругов, их неспособности контролировать ход событий, сменился обретением ими, обусловленной рядом причин, настоящей реальной политической власти. Уже К.Маркс указывал на существенное значение для укрепления буржуазной республики присутствия общенационального врага.¹⁵ Буржуазное правительство К.Ульманиса осенью 1919 г. встретило перед собой опаснейшего врага — банды Бермондта, одновременно являвшиеся смертельным врагом жизненных национальных и социальных интересов латышского народа. Осознанность политической цели борьбы против Бермондта, как борьбы против черносотенно-монархической реакции, осознанность социальной цели — борьбы латышского крестьянства за землю против реальной угрозы реставрации власти немецких баронов, придавало армии буржуазного правительства необходимую боеспособность, моральное превосходство над бандами ополченных реакционеров. Лавры победы же присвоил себе Крестьянский союз — правящая в то время буржуазная партия, использовавшая бермонтиаду

* Абсолютная гарантия революционных завоеваний связывалась Лениным с вопросом об изменениях социально-экономической структуры общества, в результате которых рабочий класс становится экономически господствующим классом и происходит коренной переворот в положении мелкого товаропроизводителя... Ленин ставил вопрос об абсолютной гарантии от реставрации в прямую зависимость от осуществления таких

для укрепления своих политических позиций, которые усиливали также обещания К.Ульманиса провести аграрную реформу. Несколько позже проведенная аграрная реформа ослабила, по крайней мере — на время, у значительной части крестьянства важнейший в начале 20-х гг. мотив социального недовольства — мотив, связанный с ее материальными потребностями, и этим подорвала психологические основы их протеста.

Если в данный исторический период в Латвии присутствовал бы кризис "верхов" как признак революционной ситуации, то должно было проявиться и его следствие, т.е. прямое воздействие кризиса "верхов" на "низы" — революционизирование массы, рост ее массовой политической антиправительственной активности. В самом начале 20-х гг. в Латвии это не наблюдалось.

Важное значение для консолидации политических сил буржуазии Латвии имело сотрудничество правых буржуазных партий с социал-демократами (меньшевиками). Выборы в Учредительное собрание Латвии (апрель 1920 г.) показали, что меньшевики в это время в Латвии являются партией с довольно широкой массовой опорой. Позже, в 1927 г. П.Стучка верно писал об этом периоде: "Тогда вылезли из своих нор загнившие туда с.-д. предатели и успели завоевать себе солидное положение на выборах. С ними должна была считаться буржуазия, и они платили ей взаимностью..."¹⁶ В Латвии власть буржуазии в 1919 г. — начале 1920 г. была реставрирована штыками иностранных интервентов, а не в результате внутренней борьбы. Тем не менее значение охранительской деятельности социал-демократов, особенно в первые годы существования буржуазной диктатуры, для стабилизации эксплуататорского строя в Латвии, бесспорно. Внешнеполитическое значение эта функция социал-демократов имела уже в ноябре 1918 г., когда т.н. Народный Совет провозгласил "независимую" буржуазную Латвию. Позже К.Ульманис

социальных и экономических преобразований, которые обеспечивают надежный переход прежде всего рабочих масс, а также непролетарских, "промежуточных", средних слоев населения, то есть мелких производителей, мелких собственников ... на сторону новой власти" — К.И.Зародов, Исторический опыт Октября и гарантии революционных завоеваний // Вопросы Истории, 1981, №11, с. 8

писал, что привлечение меньшевиков в совет обуславливалось необходимостью "... создания широкой основы для провозглашения государства, что было особо важно с внешнеполитической точки зрения"¹⁷. И так уже в 1918 г., правда без особой радости, латвийская буржуазия должна была прибегнуть к политическим "защитам" у социал-демократов, чтобы в глазах Антанты ее "законодательный" орган — Народный Совет выглядел достаточно представительным и доверие внушающим.

Следует осторожно отнестись и к палицию в Латвии в начале 20-х гг. такого признака революционной ситуации как обострение влне обычного нужды и бедствий трудящихся. Учитывая то, что понятие нужды нельзя замыкать только экономическими рамками, так как она имеет и социальное содержание (неустойчивость экономического бытия широких слоев населения и другие аспекты), все же заметим, что в послевоенной Европе имело место, при том в весьма широких размерах, прямое физическое обнищание, т.е. резкое ухудшение положения трудящихся. Было ли оно в Латвии в 1920 г.? Верный ответ зависит и от того, что берем за точку отсчета, т.е. за предшествующий период. Если весну 1919 г., когда голод начал душить советскую республику, то продовольственное снабжение в буржуазной Латвии являлось значительно лучшим. Думается, что в оценке массами своего жизненного уровня из двух возможных подходов¹⁸ в данный момент в Латвии присутствовал тот, согласно которому настоящее положение жизненного уровня оценивается, исходя из его сравнения с прошлым. Улучшение продовольственного снабжения на территории, контролируемой контрреволюцией, уже с весны 1919 г. имело и свои политические последствия. В этом не мало значение имела деятельность АРА.* Видный деятель Эстонской компартии

* В марте 1919 г. в Лиепаю прибыла комиссия АРА (Американская организация помощи). Деятельность АРА была направлена на подавление советской власти. Она снабжала прибалтийско-немецкие, латышские и эстонские белогвардейские войска, рассчитывая, что это поможет ускорить ликвидацию революци-

Я. Анвельт в статье "Вооруженная борьба в истории эстонского рабочего класса" писал (и это можно полностью отнести и к Латвии), что известную роль в укреплении влияния буржуазного правительства внутри страны, как и в "заболевании" значительной части эстонского (это можно сказать и о латышском - А.С.) населения на территории Советской России "оптиционной лихорадкой", сыграла энергично раздуваемая местной буржуазией болезнь хозяйственной разрухи и голода — "...буржуазия и ее приспешники ставили вопрос так: выбирать — или Советская Россия с ее голодом и разложением, или "самостоятельная республика", которую поддерживают западные державы и США. Не ясно ли, что и менее сознательные пролетарии, не говоря о мелкой буржуазии, заколебались — держаться ли "белого корабля" и кредитов американского "дяди", или же поддерживать Советскую Россию, где рабочий класс в это время действительно боролся в трудных условиях", отмечал Я. Анвельт.¹⁹

Крайнее обострение нужды и бедствий трудящихся имеет не только экономическое, социальное, но и психологическое содержание, что делает ее мотивом массовых выступлений.²⁰ В Западной Европе бедствия трудящихся привели к отчаянным, порожденным безвыходностью ситуации, экстраординарным действиям.²¹ В Латвии такого не было.

В конце 1919 — начале 1920 гг. в Латвии присутствовало желание "низов" жить по-старому, но это желание находилось в рамках контрреволюционной, а не революционной ситуации. Того, что "низы" не желают жить по-старому еще мало,

онного пожара. (Борьба за Советскую власть в Прибалтике.-М., 1967, с.418)

Существенное политическое значение лучших условий в области снабжения в Латвии по сравнению с Советской Россией периода военного коммунизма были в 1927 г. признаны П. Стучкой. (П. Стучка. Дialectика момента/Товарищ.-1927.-12.-С.1).

важно содержание этого нежелания, его кровни, а в конкретном случае в Латвии и то, что подразумевалось под "старым". Основная масса населения Латвии - крестьянство - действительно желало решительных перемен, но аграрное движение того времени, в основном из-за своего социального состава, имело, главным образом, мелкобуржуазные ориентиры и характер. Важно подчеркнуть, что складывающуюся к началу 20-х годов обстановку, достаточно широкие слои населения Латвии, в том числе и крупные отряды трудящихся^ж — осознавали через комплекс социальных установок, в которые входила, в первую очередь, установка на решение аграрного вопроса. Из нее исходила и политическая ориентация на социал-демократов и Крестьянский Союз. Жизненную заинтересованность крестьянства в аграрной реформе (нежелание жить по-"старому"; включая в себя и отрицание ряда моментов в том подходе к аграрному вопросу, какой имел место в советской Латвии в 1919 г.^{жж}), и способность бороться за землю убедительно продемонстрировали дни отражения Бермондта. Для решительного буржуазного решения аграрных вопросов в Латвии очевидно был необходим период Советской власти. Ф.Энгельс писал: "Для того, чтобы буржуазия могла заполучить хотя бы только те плоды победы, которые тогда были уже вполне зрелы для сбора их, — для этого необходимо было довести революцию значительно дальше такой цели... По-видимому, таков на самом деле один из законов развития буржуазного общества".²² Для того, чтобы латвийская буржуазия могла получить все то, что она имела в 1920-1940 гг. было необходимо выйти за рамки буржуазной революции, были необходимы дни Советской власти в 1917г. и в

х В Центральный комитет землеустройства буржуазного правительства до 1921 г. поступило свыше 127 400 заявок на землю, "... часть из них подали сельскохозяйственные рабочие и малоземельные крестьяне, которые надеялись получить землю и посеять известись своим хозяйством" // Очерки истории КПЛ, - Т.2 - С.18.

жж1. Стучка на VII съезде КПЛ в 1931 году признал, что "... очевидно во времена Бермондта (1919 г.) надо было нам выдти-нуть лозунг раздела земли". (Цит. по I. Kirtovskis. Latvijas padomju valdības ekonomiskā politika // Krāj. Oktobri dzimusi, - R., 1978, 55. lpp.

1919 г., чтобы потом реставрированное буржуазное общество закрепилось на такой степени буржуазных преобразований (заполучить бы те плоды, которые уже были зрелы), которую не могла предоставить февральская революция, неразрешившая ни аграрного, ни национального вопроса. Важно и то, что такие мероприятия Советской власти, как национализация и конфискация помещичьих земель были популярны в крестьянской среде. В.И. Ленин в работе "О старых, но вечных новых истинах" писал: "низы в ... периоды своей гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывая ее так, что она потом старалась пятиться назад, но не могла в этом попятном движении зайти дальше, скажем второй палаты во Франции или отступления от демократизма выборов и т.д."²³ Методологическое значение ленинской мысли в конкретном применении к рассматриваемой нами исторической ситуации то, что латышская буржуазия, ее правящая в то время политическая партия — Крестьянский союз, в будущем, проводя аграрную реформу, стараясь пятиться назад, не могла зайти дальше неотчуждения центров имений и сохранения за помещиками значительной угодий.

Ослабление союза пролетариата с крестьянством в Латвии в 1919-1920 гг. объективно способствовало укреплению позиций буржуазного правительства. К. Маркс уже в работе "Классовая борьба во Франции" подчеркивал, что решение социалистических задач пролетариата не возможно "... пока ход революции не пойдет против него, против господства капитала, стоящую между пролетариатом и буржуазией массу нации, крестьян и мелких буржуа, не заставит их примкнуть к пролетариям как к своим передовым борцам."²⁴ П. Стучка уже в 1919 г. указывал на случаи недовольства крестьянства некоторыми моментами в аграрной политике КПЛ²⁵ (в целом аграрная политика Советской власти в 1919 г. была верной, по сути своей являлась марксистско-ленинской, отвечающей интересам огромного большинства трудящихся)²⁶. Более того, на уровне обобщенного экономического сознания мелкобуржуазного крестьянства эмоционально преувеличивались, искажались некоторые невыгодные ей моменты в аграрной поли-

тике КПЛ. Раздраженная экономическая психология мелкобуржуазного крестьянства, отражавшая ее экономическая психология мелкобуржуазного крестьянства, отражавшая ее экономические интересы, питала те ее выступления, о которых в работе "Наша аграрная политика" П.Стучка писал: "... у нас были случаи "сельских восстаний", к которым применять трафаретное название "кулацких", конечно, совершенно неуместно.²⁷ Несколько позже В.И. Ленин, вскрывая глубинные причины Кронштадтского мятежа — крупнейшего явления политического кризиса начала 1921 г. — заметил: "Экономика весны 1921 г. превратилась в политику "Кронштадт"²⁸. Мысль В.И. Ленина имеет совершенно адекватное, методологическое применение и к оценке латвийских "сельских восстаний", о которых писал П.Стучка. К ним привела также экономика и военного коммунизма, проводившаяся (с некоторыми особенностями) в Советской Латвии в 1919 г.²⁹

Характерного признака революционной ситуации — перехода широких слоев трудящихся от политической пассивности и индифферентности к "экстраординарной активности" — в конце 1919 — начале 1920 гг. в Латвии в социалистическом смысле слова также не было. Энергия крестьянства была достаточно велика, что показало отражение Бермондта, но имела, в основном, несоциалистическую окраску. Важно и отсутствие субъективного фактора революции в Латвии в это время — т.е. способности революционного класса на революционные массовые действия. В результате депролетаризации, вызванной войной, поражением Советской власти в 1919 г. и отъездом в связи с этим в Советскую Россию основной массы партийного и советского актива, такого класса в конце 1919г. — начале 1920 г. в Латвии не было. Уровень развития, а точнее — падение этого уровня, как и другие конкретно исторические черты класса (изменение социально-политического лица) накладывали отпечаток на складывающуюся историческую ситуацию, в которой оказался пролетариат Латвии, и более того, воздействовал и на формирование этой ситуации.

В заключение следует подчеркнуть: при периодизации исто-

рии буржуазной Латвии, к 1920-1923 гг. можно употребить либо то определение, которое содержится в очерках истории КПЛ³⁰ ("КП Латвии в первые годы буржуазной диктатуры"³⁰), или, как писал И.Штейман в одной из своих работ, начало 20-х годов определять как период наступления контрреволюции и спада революционного движения³¹. Если же говорить о применении понятий "революционная ситуация" или, тем более, "революционный кризис", то они совершенно необходимы для отражения резкого обострения революционного движения в Латвии (как и в Литве, Эстонии) с осени 1939 г. (в обобщающем труде "Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии" гл.5 носит название: "Назревание революционного кризиса в странах Прибалтики после начала второй мировой войны"³²). Применение данных понятий в исследовании более ранних периодов в истории буржуазной Латвии не обосновано.

Список литературы

1. Ленин В.И. // Полн. собр. соч. - Т.37. - С.112.
 - 2-3. Международное рабочее движение. Вопросы теории и истории. Т.4.-М.: Мысль, 1980, с. 182-183.
 4. Орлова М.И. Революционный кризис 1933 г. в Германии и политика Коммунистической партии. - М.: Изд-во Московского ун-та, 1973, с. 24-26.
 5. Иерусалимский В.П., Рахматр П.Б. Буржуазия в поисках новой стратегии (Из истории первого этапа общего кризиса капитализма) // Рабочий класс в мировом революционном процессе. - М.: Наука, 1979, с.176.
- * Конечно, данное название периода не является определением в собственном смысле слова, скорее — лишь обозначением определенных хронологических рамок явления.

3. См. Основные этапы развития мирового революционного процесса после Октября. - М.: Мысль, 1936, гл. I; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. IV. - М.: Мысль, 1960, гл. 3.
7. Горский Д. П. Определение. - М.: Мысль, 1974, с. 103.
8. Капустин В. Г. О соотношении категорий "общественно-экономическая формация" и уклады // Вестник МГУ. - Сер. философия - 1978. - №6. - С. 5.
9. История Латвийской ССР. - Р.: Зинатне, 1971, с. 479-501.
10. Селознев М. А. Социальная революция. - М.: 1973, с. 218-219; Левинтов Н. Г. Проблемы общенационального кризиса в трудах В. И. Ленина. - Ульяновск, 1975, с. 37-39.
11. Стучка П. И. За Советскую власть в Латвии 1918-1920. - Р.: 1934, с. 359-382.
12. Селознев М. А. Марксистско-ленинская теория социальной революции. - М.: Мысль, 1962, с. 30.
13. Керманн И. В. И. Тезисы об исторической альтернативе // Вопросы философии. - 1980. - №12. - С. 106.
14. Очерки истории КПД, Т. I. - Р., 1962, с. 497.
15. Марко К., Зигельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 7, с. 19.
16. Стучка П. И. Диалектика момента // Товарищ. - 1927. - №2. - С. 2.
17. Ulmanis K. Mūsu valsts pirmās dienas // Latvijas vēstures institūta žurnāls. - 1938. - № 4/8, - 16 lpp.
18. См. Фриггенский Г. Г. Революция и сознание масс // Общественные науки. - 1982. - №4. - С. 125.
19. Цит. по Г. Тидо. Аграрная политика большевиков в Эстонии. (1905-1920 гг.). - Таллин: Ээсти раамат, 1978, с. 103-104.
20. Разгалини В. С. Политическое сознание масс в революционной ситуации // Философские науки. - 1979. - №1. - С. 24.
21. См. Орлова М. И. Революционный кризис 1923 г. в Германии и политика коммунистической партии. - М., 1963, с. 103-104.
22. Марко К., Зигельс Ф. // Соч. - Т. 17. - С. 47.
23. Ленин В. И. // Полн. собр. соч. - Т. 20. - С. 282-283.

24. Маркс К., Энгельс Ф. // Соч. - 2-е изд. - Т.7. - С.17.
25. Стучка П.И. За советскую власть, с.440-443,447.
26. Бондарев П.Я. Аграрная политика Коммунистической партии Латвии. 1904-1940 гг.-Р.,1982, с.238.
27. Стучка П.И. За Советскую власть в Латвии 1918-1920 : Сб.статей.- Рига, 1984, с.443.
28. Ленин В.И. // Полн.собр.соч. - Т.43. - С.387.
29. Киртовский И.К. Разработка теоретических основ экономической политики в Латвии в 1919 году // Известия АН ЛатвССР 1979. - №2. - С. 14-17.
30. Очерки Истории Коммунистической партии Латвии.- Р. - 1966. - Т.2. - Гл.9.
31. J.Šteimanis. Latvijas Komunistiskā partija cīņā par strādnieku šķiras vairākumu.- R.:LVI, 1957, 23.lpp.
32. Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. -М.:Наука,1978, с. 215- 261.

Содержание

1. А. Варславан. Основные достижения и тенденции в исследовании темы "Западный империализм и Прибалтика".	5
2. А. Пуга. Буржуазная Латвия в политике США по "русскому вопросу" в 1920 г.	10
3. Ю. Прикулис. Деятельность американской дипломатической миссии в Риге в 20-30 гг. и ее значение в формировании политики США в отношении Советского Союза.	19
4. M. Vīrsis. Vācijas ārpolitika un attiecības ar buržuāzisko Latviju 20.gadu I.pusē	35
5. L. Elmer. Zur Forderung der deutschen Regierung nach Entschädigung der deutsch-baltischen Großgrundbesitzer Während der Handelsvertragsverhandlungen mit baltischen Staaten in den 20er Jahren	45
6. M. Rothbarth. Die baltendeutsche Minderheit und der Europäische Minderheitenkongress.	54
7. К. Почс. Польша и Прибалтийские государства в анти-советских планах английских консерваторов в послевоенный период (1926-1927 гг.).	64
8. А. Зунда. Проблемы гарантий в Прибалтике: политика Англии и Латвия в 1930-1934 гг.	73
9. К. Янсон. О роли идеи балтийско-скандинавского сотрудничества и союза во внешней политике Германии в первые годы фашистской диктатуры (1933-1934 гг.)	82
10. Б. Даукит. Активизация советско-латвийских военно-политических контактов в условиях нарастания агрессивности германского фашизма (1936-1937 гг.).	90
11. Р. Бюггд. Политика Великобритании по отношению к Литве в 1937-1940 гг.	106
12. А. Странга. О некоторых вопросах теории исследования революционного движения в послевоенной Европе (1918-1923 гг.).	116

RĪSTUMU IMPERIĀLISMS

UN BALTIJA

Zinātnisko rakstu krājums

Latviešu, krievu un vācu valodā

P.Stučkas Latvijas Valsts universitāte

Rīga 1986

ЗАПАДНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ

И ПРИБАЛТИКА

Сборник научных трудов

На русском, латвийском и немецком языках

**Рецензенты: преподаватели кафедры новой и новейшей истории ЛГУ им. П.Стучки
зам. директора института истории АН ЛатвССР,
кандидат исторических наук, доцент
И. РОНИС**

**Редактор А.Я. Варславян
Техн. редактор и корректор И.Балоде**

**Подписано к печати 09.12.86. ЯТ 09792 ф/б 60x84/16.
Бумага №1. 8,5 физ.печ.л. 7,9 уч.изд.л. 6,0 уч.-изд.л.
Тираж 500 экз. Зак. №1613 Цена 1 р.**

**Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки**

370542

1 p.

63.3(2.1)

M/134

-442

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0508050442